NA1196
.L8
1917

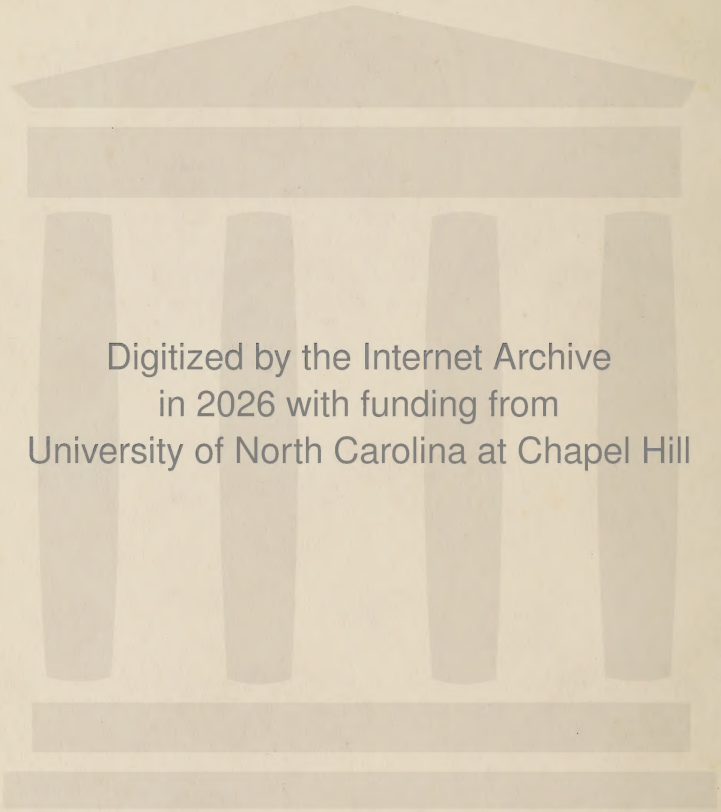
Г. К. ЛУКОМСКІЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗД-ВО
СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО
С.-П. Б.

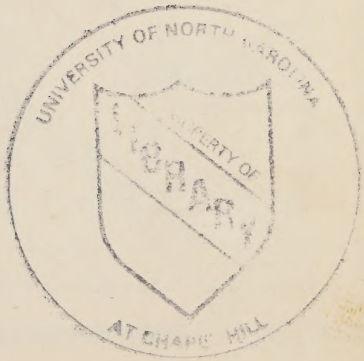
UP

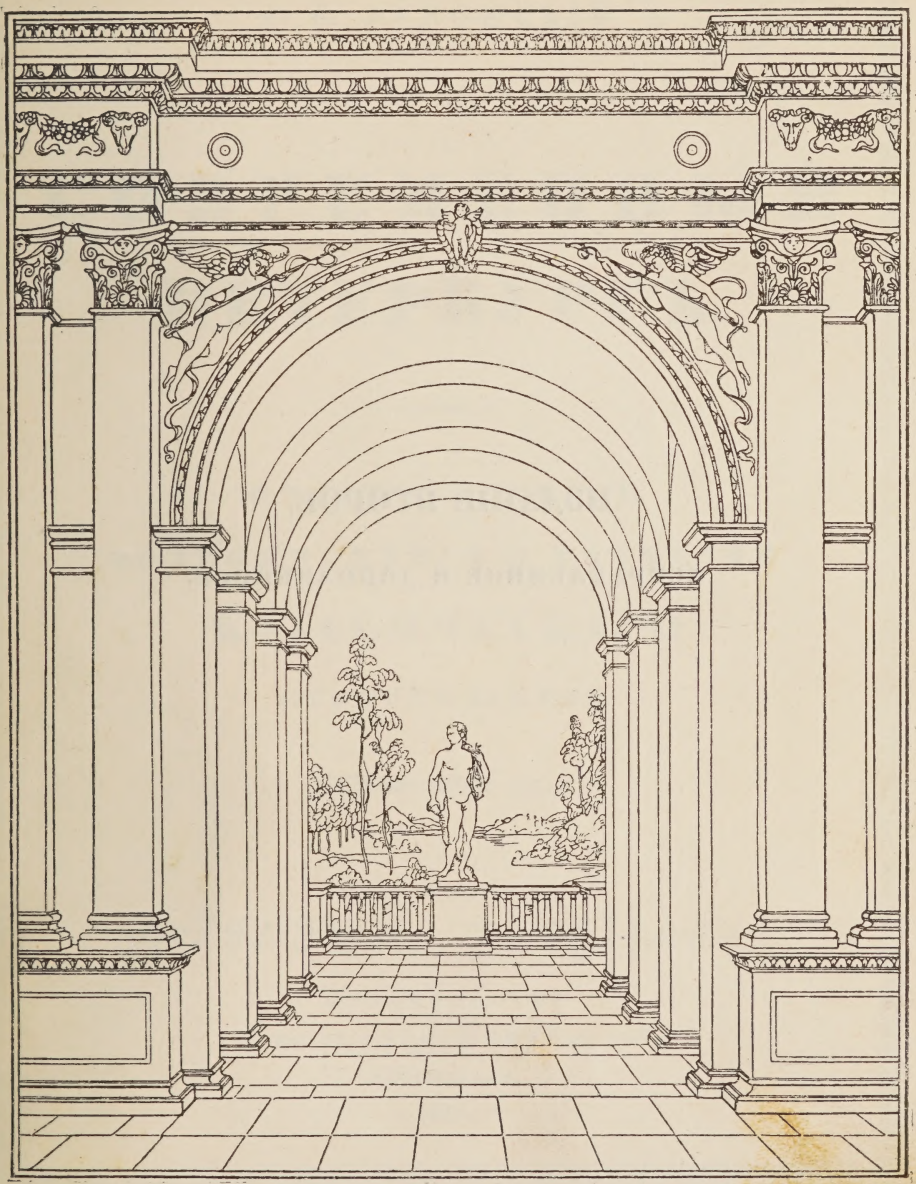
00005237095



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/sovremennypeterb00luko


UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL



ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Г. К. ЛУКОМСКІЙ.

NA1196
.L8
1917

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГЪ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ
ВОЗНИКНОВЕНІЯ И РАЗВИТІЯ
КЛАССИЧЕСКАГО
СТРОИТЕЛЬСТВА.

(1900—1915 г.г.).

SOVREMENNYI PETERBURG

Издательство
„Свободное Искусство“
ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Иллюстраціи отпечатаны
въ художественно-графическомъ заведеніи
«УНІОНЪ».
Текстъ напечатанъ
въ Государственной Типографіи.

Училищный домъ Императора Петра I. *Петровская набережная.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Обзоръ строительства Новаго Петербурга ограничивается, въ сущности, предѣлами съ 1905 по 1915 годъ.

Почти все то, что было построено ранѣе, выходитъ изъ предѣловъ новыхъ теченій въ архитектурѣ и является или характернымъ для эпохи ложно-ренессансныхъ теченій царствованія Александра III, или запечатлѣваетъ собою стремленія, не безъ основанія названныя въ свое время декадентскими.

Что же построено, однако, за этотъ промежутокъ времени художественнаго и, вообще, имѣющаго вѣчное значеніе? Что характеризуетъ собою строительство отмѣченной эпохи? Каковы тѣ вѣрованія, тѣ идеалы, къ которымъ устремились зодчіе послѣ безцѣльнаго и безпочвеннаго исканія во что бы то ни стало «новыхъ» формъ, часто даже внѣ конструктивнаго ихъ происхожденія и лишь основанныхъ на томъ, что такъ какъ мы живемъ въ вѣкъ желѣза и бетона, то новая форма должна появиться?

Для разсмотрѣнія имѣющагося передъ нами матеріала можетъ быть избранъ различный методъ. Въ порядкѣ времени сооруженія, по авторамъ или по оттѣнкамъ стилевымъ, наконецъ, представляется возможнымъ сгруппировать описываемыя нами сооруженія по роду предназначенія зданія.

Мы не будемъ разсматривать интересующихъ насъ сооруженій по стилямъ: вообще, коснемся лишь зданій, выполняемыхъ въ классицистическомъ направленіи. Ни весьма, быть можетъ, удачныхъ церковныхъ сооруженій въ томъ или иномъ оттѣнкѣ русскаго стиля (храмъ Спаса на Водахъ, храмъ близъ Николаевскаго вокзала, храмъ Св. Николая въ Бари), ни, быть можетъ, вполнѣ выдержанныхъ и художественныхъ построекъ, какъ мечеть или новая католическая церковь на Ковенскомъ переулкѣ,—мы не будемъ разсматривать. Лишь зданія, приближающіяся къ однимъ и тѣмъ же началамъ архитектуры и, строго говоря, единственно тѣсно сливающіяся по духу съ зодческими достиженіями Стараго Петербурга, займутъ насъ въ этомъ краткомъ изслѣдованіи.

Повторяю, такой выборъ отнюдь не будетъ означать, какъ то полагаютъ нѣкоторые критики, отрицательнаго отношенія къ постройкамъ не классическихъ стилей, т. е. ко всему, что внѣ стилей empire, Louis XVI, ренессансъ, барокко. Нисколько. Признавая столь же большую красоту храма Покрова на Нерли или мечетей Самарканда, мы только не признаемъ пріемлемости ихъ на картинѣ Петербургскаго архитектурнаго пейзажа, создававшейся въ теченіе двухъ столѣтій и совершенно цѣльно получившейся безъ русскаго стиля (вѣдь, и всѣ иновѣрческіе храмы въ предыдущія эпохи тоже воздвигались въ классикѣ, даже Петропавловская кирка на Невскомъ проспектѣ, несмотря на нѣкоторое стремленіе автора къ романскому стилю, вышла скорѣе классической).

Мы рѣшаемъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что единственный путь для созданія еще болѣе грандіозной картины, чѣмъ Петербургъ, являлъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія—есть путь

поддержанія идеаловъ зодчихъ тѣхъ временъ. Лишь цѣльностью и выдержанностью стиля обликъ столицы можетъ быть сохраненъ и на будущее время. Въ противномъ случаѣ получается конгломератъ сооруженій, который скорѣе напомнитъ живописный базаръ провинціальной архитектурной картинности, нежели столичную, гордую, чуть холодную, но царственно-величавую выдержанность. Поэтому-то мы разсмотримъ лишь сооруженія, отвѣчающія не идеаламъ общей и «опасной» картины Новаго Петербурга, все болѣе и болѣе становящагося пестрымъ, а идеаламъ, завѣщаннымъ намъ предками и единственно пріемлемымъ именно для Петербурга. Гдѣ-либо въ Казани, въ безличномъ Ростовѣ-на-Дону или въ еще пригодномъ для производства на немъ всякихъ опытовъ Харьковѣ можетъ быть признано строительство и въ русскомъ стилѣ, но въ Петербургѣ насъ опредѣленно занимаетъ лишь новая классика, однако классика во всемъ ея разнообразіи—отъ самаго вычурнаго барокко до самаго холоднаго и опрощеннаго стиля Палладіо.

Такимъ образомъ, обзоръ Новаго Петербурга сведется, въ сущности, къ обзору новаго классицистическаго строительства нашей столицы... Въ такомъ избраніи не только тѣхъ или иныхъ стилей или той или иной трактовки одного и того же стиля заключаются опредѣленныя симпатіи къ тѣмъ или инымъ особенностямъ, характеризующимъ одновременно и творчество опредѣленныхъ мастеровъ.

Такимъ образомъ, ограничивая себѣ область архитектурнаго разнообразія столицы опредѣленными предѣлами, мы какъ бы избираемъ и опредѣленный кадръ зодчихъ, иначе говоря, выдѣляемъ какъ бы опредѣленное направленіе. Да, насъ, именно, занимаетъ—подчеркнуть наличіе или, во всякомъ случаѣ, отмѣтить

зарожденіе опредѣленной школы архитекторовъ, нынѣ развивающей свои силы. И если намъ удалась хотя бы до нѣкоторой степени эта задача,—мы будемъ считать цѣль нашу почти вполнѣ выполненной.

При разсмотрѣніи формъ классическаго строительства мы не будемъ преслѣдовать непремѣнно вовсе не неизбѣжной цѣли представить въ отчетливой постепенности всю эволюцію формъ новой классической архитектуры.

Конечно, стиль empire, принятый въ началѣ движенія и не получившій дѣйствительно серьезной разработки, постепенно сталъ пріобрѣтать (кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ) исключительно декоративное (и даже бутафорски-фальшивое) значеніе и получилъ вскорѣ почти нарицательное наименованіе архитектуры, опошленной бездарными зодчими, примѣнявшими безъ всякаго права на это формы однихъ сооруженій къ проектамъ зданій совсѣмъ другого предназначенія.

Поэтому-то вскорѣ и наступило охлажденіе къ empire'у со стороны даже талантливыхъ зодчихъ, и лучшіе мастера перешли къ использованію болѣе далекихъ первоисточниковъ и особенно тѣхъ, которые питали когда-то въ свою очередь самихъ творцовъ русскаго empire'а.

Стили зодческихъ эпохъ Louis XVI, Adam'a, Inigo Jones'a и O. Scamozzi, Calderari получаютъ обширное признаніе. Наконецъ, постепенно въ своихъ исканіяхъ наши зодчіе доходятъ до образцовъ примитивныхъ эпохи XVI столѣтія: Серліо, Андреа Палладіо, В. Скамоцци, Виньола-да-Бароцци, Микеле-санъ-Микеле, Антоніо Сангалло, Браманте и Леонъ-Баттиста-Альберти и даже Микелоццо и Бернардо Росселино, малоизвѣстные

дворцы Виченцы, Піенцы, Монтепульчіано, Римини, Пезаро, Урбино, виллы провинціи Венето, церкви Венеціи—вотъ тѣ имена, которыя становятся излюбленными, и вотъ тѣ творенія, которыя принимаются за оригиналы.

Такимъ образомъ, охватываемая нами эпоха характеризуется въ порядкѣ постепенности отъ собственно русскаго классицизма, къ сожалѣнію, получившаго мало разработки, достойной его (домъ кн. Щербатова на Новинскомъ бульварѣ въ Москвѣ, домъ Половцева въ Петербургѣ, павильоны итальянской выставки въ Римѣ и Туринѣ—наиболѣе удачные примѣры), до классики ранняго ренессанса, и, вѣроятно, недалеко уже то время, когда снова произойдетъ возвратъ къ раціоналистической архитектурѣ.

Такъ великъ, къ сожалѣнію, становится эклектизмъ въ смыслѣ принятія разнороднѣйшихъ оттѣнковъ и стилей эпохи XV—XVIII столѣтій!

Вернемся теперь къ тому матеріалу, который намъ придется разсмотрѣть, включая въ область, насъ занимающую, исключительно классицистическое строительство.

Въ зависимости отъ иниціаторовъ, рода, предназначенія, новое строительство Петербурга можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: постройки государственныя, общественныя, частновладѣльческія, дворцы, особняки, банки и т. п.

Мы не будемъ въ этомъ краткомъ очеркѣ строго придерживаться такой или вообще какой-либо иной системы. Въ сущности, для болѣе наглядаго представленія картины строительства Петербурга, важнѣе показать просто отличительнѣйшіе признаки каждаго стилевого оттѣнка, отмѣнные образцы построекъ, т. е. этапы и вѣхи, нежели представлять всѣ постройки однихъ и тѣхъ же зодчихъ (напр., зодчаго Фомина, какъ разъ не воздвиг-

шаго ни одного доходнаго дома) или всѣ постройки одного стиля, хотя бы Палладіевскаго, давая при томъ совсѣмъ второразрядные образцы и не воспроизводя болѣе удачныхъ, но хотя бы и запоздалыхъ empire'ныхъ построекъ.

Но, прежде чѣмъ говорить о типахъ и примѣрахъ новаго строительства, окинемъ общимъ взглядомъ видъ столицы и присмотримся къ тому, какъ, собственно, сейчасъ поддерживается благоустройство столицы.

Устройство помощью систематической, планомѣрной застройки цѣлыхъ ensemble'ей, цѣльныхъ картинъ—вовсе не въ духѣ времени, не во вкусѣ современной публики, тѣмъ болѣе—городскихъ заправилъ. Просто не понимаютъ ни у власти стоящіе, ни собственники земель и домовъ столицы прелести и важности значенія для вида столицы примѣненія общаго плана застройки, подбора построекъ въ зависимости отъ ихъ сочетанія, сліянія ихъ силуэта. Хаосъ самый безвкусный царитъ въ отношеніи сформированія общаго вида столицы. Рядомъ съ старенькими, иногда милыми одноэтажными особнячками высятся громады доходныхъ домовъ. Но чаще эти маленькіе «особнячки» представляютъ собой ужасающіе, грязные, залѣпленные пристройками, трактиры, дома, населенные бѣднотой или занятые мастерскими, сапожными, корсетными, складами муки!

И самое ужасное, что это не только гдѣ-либо на Пескахъ или на Выборгской сторонѣ, но и на Большомъ проспектѣ Петербургской стороны и даже на Каменноостровскомъ проспектѣ,—какой же «общій видъ» можетъ быть у тѣхъ или иныхъ кварталовъ города, когда, вопреки всякому подобію приличія и примитивнѣйшей опрятности, рядомъ съ облицованными мраморомъ фасадами до сихъ поръ какимъ-то чудомъ сохраняются никому

ненужныя лачуги, занятыя извозчичьими дворами. На какомъ основаніи пустопорожнія мѣста остаются незастроенными десятилѣтія среди прелестныхъ фасадовъ и на одной изъ наиболѣе бойкихъ улицъ? Почему не изданъ до сихъ поръ законъ о принудительномъ отчужденіи такихъ мѣстъ, пригодныхъ, вѣдь, не только для склада дровъ, а то и, по-просту, годами пустующихъ или занятыхъ свалкою ненужнаго мусора?

Какъ можно допустить, чтобы въ лучшемъ и наиболѣе бойкомъ кварталѣ города кто-то имѣлъ право безъ всякаго использованія оставлять участки, поросшіе бурьяномъ или, въ лучшемъ случаѣ, обращенные въ капустные огороды (Каменноостр. пр.)? Почему—неуютныя, усаженныя зеленью кафе, не рестораны, не клубы, если уже невыгодно продавать собственникамъ участки или послѣдніе малы настолько, что построить доходный домъ невозможно?

Сплошной ужасъ—Каменноостровскій, домъ № 2! Вывѣски, извозчичій дворъ, грязные сараи, трактиръ—на участкѣ, расцѣниваемомъ по 1.000 рублей кв. сажень, и на самомъ видномъ мѣстѣ, гдѣ могъ бы быть если уже не доходный домъ, то во всякомъ случаѣ чудный кафе-ресторанъ.

А пустырь на мѣстѣ дома № 47, а углы Карповки и Каменноостровскаго? Одинъ уголъ—деревянный трактиръ; другой уголъ—чайная въ старомъ особнякѣ; третій—ужасный разваливающійся домикъ и пустырь около него!

А благоустройство самой Карповки, ея берега: что за грязь и мусоръ? И это близъ улицы, предназначенной для катанья, для прогулокъ! Не лучше и Марсово поле! Годами лежали вывороченные старые столбы, когда-то окрашиваемые въ полосатую расцвѣтку; валяются и теперь новые чугунные столбы; и все

поле покрыто никогда никѣмъ не убираемымъ слоемъ грязи или пыли, несущейся въ вѣтреный день прямо въ Лѣтній садъ.

Почему не зарастить все поле травой, покрывъ его слоемъ дерна и превративъ его такимъ образомъ за какіе-нибудь 15—25 тысячъ рублей въ то, чѣмъ онъ былъ какъ разъ когда-то, т. е.—въ Царицынъ лугъ? Такая одежда предотвратила бы отъ пыли плацъ, а военному ученью отнюдь не повредила бы. Наоборотъ. Вѣдь, всѣ плацы, гдѣ еще происходятъ большія ученья въ лагеряхъ (напр., Усть-Ижорскомъ), покрыты такой травой, нисколько притомъ не вытаптываемой. Затѣмъ хотя бы одинъ рядъ деревьевъ (почему всегда тополь—несносный, безличный, требующій человѣческаго труда по обстрижкѣ, а, напримѣръ, не ель, не пихта?) вокругъ и ограда (зачѣмъ непремѣнно чугунная? кстати, какъ неудачны новоотлитыя чугунныя стойки!) изъ каменныхъ столбовъ, съ обелисками по угламъ поля и съ фонтанами по серединѣ линіи периметра—и какой чудный памятникъ «Свободы» получился бы изъ «Марсоваго поля».

Почему вообще столь незначительное благоустройство возможно было когда-то, возможно и нынѣ въ провинціи (Кострома, Чугуевъ) и немыслимо въ столицѣ, въ самомъ ея центрѣ, у Лѣтняго сада, у посольствъ, гдѣ проѣзжаютъ иностранные представители: вѣдь, эта узкая дорога, кстати, всегда ужасающе вымощенная,—единственный путь, сообщающій двѣ лучшія части города!

Не лучше обстоитъ дѣло и съ Троицкой площадью и съ набережными. Вѣдь, надо же такъ постараться замусорить городъ, какъ сдѣлали это съ площадью у цирка и мечети! Заборы, пристроечки, клозеты, свалка всякой рухляди, никому ненужнаго хлама—и это на самомъ виду у катающейся публики! Снести бы и этотъ никому ненужный циркъ (уже приходящій въ вет-

хое состояніе) и отвратительный скэтингъ, очистить бы всю эту площадь, и какое идеальное мѣсто получилось бы для сквера, еще лучше, для театра, музея или, вообще, для общественнаго сооруженія! А пока мечеть—сама по себѣ вполнѣ художественное сооруженіе—отдѣляется отъ прекраснаго доходнаго дома (особенно великолѣпенъ въ немъ дворъ) какой-то деревянной лачугой (будто и ее нельзя было прикупить къ землѣ подъ этотъ домъ или мечеть: надо бы было принудить продать мѣсто), а слѣва отъ мечети одинъ ужасъ безпорядка!

И какъ досадно, что лучшія мѣста столицы пропадаютъ изъза такого пустяка, изъ-за простого недосмотра. Много ли надо, чтобы привести въ благоустроенный видъ и эту площадь, и Марсово поле, и весь Каменноостровскій проспектъ! Совсѣмъ не великъ былъ бы расходъ. А вѣдь по «одеждѣ встрѣчаютъ», и члены многочисленныхъ иностранныхъ посольствъ, прибывающихъ все чаще и чаще къ намъ, судятъ о нашихъ нравахъ, вкусѣ, о нашей культурѣ—по опрятности и именно по внѣшнему благоустройству! Вѣдь, многое въ нѣдрахъ скрытое и хорошее, равно какъ и плохое, едва ли доступно для ихъ воспріятія за какую-нибудь недѣлю пребыванія. А вотъ по виду лохматыхъ кое-гдѣ растущихъ деревьевъ, по виду неопрятныхъ улицъ, загрязненныхъ дворовъ (одинъ ужасъ, что дѣлается во дворахъ многихъ домовъ, напр., Гороховой улицы) они судить будутъ.

И не послѣ войны, а теперь же намъ въ высшей степени важно подтянуться, привести въ болѣе европейскій видъ наши улицы, дома, ограды, сады. Кто же выполняетъ, однако, эту работу по приведенію города въ красивый видъ?

Бѣда-то, именно, въ томъ, что заботиться объ эстетической внѣшности всѣхъ такихъ «представительныхъ» мѣстъ предоста-

влено думѣ. Дума уступаетъ сію функцію городскому садовнику, что касается садовъ, и полиціи, что касается улицъ. Но садовникъ старается, вѣроятно, нажить побольше, а можетъ и связанъ скудными кредитами, а полиція?—въ ея функцію входитъ не столько изящество и приличіе, сколько лишь порядокъ и спокойствіе.

И вотъ некому заботиться объ общемъ видѣ кварталовъ, улицъ, площадей. Предоставлено самой публикѣ (домохозяевамъ) поддерживать чистоту, и, вотъ, въ концѣ концовъ, этимъ занимаются дворники, т. е. попеченіе сводится къ работѣ сельскихъ жителей. Ну, что же тутъ страннаго, что при такихъ условіяхъ часто то, что требовало бы интеллигентнаго, со вкусомъ выполненнаго, осуществляется небрежно, аляповато, грубо, на вкусъ дворниковъ, т. е. безалаберно. Всѣ наши оградительныя, вокругъ деревьевъ, сѣтки очень плохи, кривы, выпучиваются, а главное, почему противъ одного дома есть деревья, а тутъ же рядомъ, по одной и той же Англійской набережной, Екатерининскому каналу или Мойкѣ, нѣтъ деревьевъ, у одного хозяина деревянныя вокругъ деревьевъ огражденія, у другого—желѣзныя, а у третьяго—ихъ нѣтъ совсѣмъ!

Зачѣмъ тротуаръ у одного дома выложенъ плитами, рядомъ—асфальтомъ и т. д.? Зачѣмъ эта пестрота, свобода выбора матеріаловъ, что даетъ шахматный, клочковатый, часто убогій, заплатанный видъ улицѣ? А мостовыя! А окраска фасадовъ—пестрая, возмутительно негармоничная, безвкусная! А вывѣски, залѣпляющія часто лучшія мѣста и детали фасадовъ!

Кто этимъ всѣмъ вѣдаетъ? Кто контролируетъ, художественна ли та или иная окраска? Городскіе архитекторы? Въ такомъ случаѣ они или ничего не дѣлаютъ, или неспособны дѣлать, или

завалены мелкой, провѣрочной кабинетной работой. Правильно ли сдѣланы посадки деревьевъ (почему одни и тѣ же растутъ въ одномъ мѣстѣ хорошо, въ другомъ дурно?), стильны и хотя бы удобны ли скамейки (какъ плохи новыя скамейки на новой набережной на Каменномъ островѣ), или кому нужна такая грубая, несуразная мостовая, какая устроена на новой Песочной набережной? Здѣсь быть бы аллеѣ, уютной дорожкѣ, а устроена мостовая для ломовыхъ! Надо ли подрѣзать тополя шарообразно или какъ-нибудь иначе? Кто всѣмъ этимъ вѣдаетъ? Городской садоводъ? Въ такомъ случаѣ онъ ничего не дѣлаетъ или не имѣетъ ни правъ, ни полномочій и его никто не слушается. Насколько мнѣ извѣстно, городская управа (техническій отдѣлъ, городскіе участковые архитекторы) разсматриваютъ и утверждаютъ проекты лишь съ точки зрѣнія правильности конструкціи, на «Высочайшее» утвержденіе поступали только проекты сооруженій, воздвигаемыхъ въ предѣлахъ 2—3 лучшихъ улицъ и набережныхъ. А все, что воздвигается по набережнымъ на Невѣ, или не на Невскомъ, а на Фонтанкѣ или на Каменноостровскомъ? На чье усмотрѣніе поступаетъ все это? Очевидно, необходимо не только поощреніе (преміи отъ думы за лучшіе фасады) отдѣльныхъ сооруженій, но еще необходимѣе выработка и принужденіе (если нельзя убѣдить) планомѣрной застройки, которая влекла бы за собою образованіе цѣльныхъ по своему архитектурному облику картинъ!

На самомъ дѣлѣ—такъ ли ужъ хороши фасады домовъ и такъ ли много ихъ на продолженіи Большого проспекта Петербургской стороны (за Каменноостровскимъ проспектомъ), а между тѣмъ какъ красива эта небольшая, но стройная улица. Конечно, благодаря тому, что всѣ дома приблизительно одной высоты, всѣ

доходные, т. е. не магазинные, благодаря тому, что мостовая улицы однообразна, а тротуары широкіе, ровные и аккуратно содержатся, фонари поставлены посерединѣ и ничто не засоряетъ вида улицы—ни безсмысленные кіоски (каковъ съ нихъ доходъ думѣ, неужели магазиновъ недостаточно въ домахъ, напр., у Николаевскаго моста), ни убогія витрины, обклеенныя оборванными афишами съ клочьями, болтающимися по вѣтру, ни трансформаторы черные, мрачные, и вотъ здѣсь получилась извѣстная цѣльность архитектуры.

Столь же стройнымъ, цѣльнымъ, какъ и этотъ кусокъ Большого проспекта, могъ бы быть и весь Каменноостровскій проспектъ, да и многія другія улицы.

Но всякіе неожиданные контрасты, неопрятно содержимые тротуары, кіоски, тумбы, кое-какъ поставленныя и покосившіяся, разнокалиберные фонари, поломанные и годами не починяемые, словомъ, все то, что, можетъ, и имѣетъ извѣстную прелесть уюта, живописности въ глухой провинціи (гдѣ поросшія травкой улицы, длинные наклонившіеся заборы, за которыми буйно и вольно разрастается садъ, забавное и трогательное сосѣдство церкви, амбарчика и вдругъ купеческія хоромы съ воротами, на которыхъ львы), все это въ переложеніи на столичную почву не только теряетъ свою прелесть, но, становясь безсмысленнымъ, аляповатымъ, позорнымъ для города, вредитъ виду «столицы». Кромѣ всего сказаннаго, часто рѣшающее значеніе для вида постройки имѣетъ состояніе pavé, на которомъ проектируется фасадъ. Такъ же, какъ на чертежѣ, пока не вытерта резинкой бумага, не окантованъ листъ, не сдѣлана красиво надпись, и въ натурѣ—лучшее зданіе часто много теряетъ отъ небрежно поддерживаемой мостовой, тротуаровъ и пр. Дайте аккуратную, вылощенную внѣш-

ность Троицкой площади, уберите лачуги на Каменноостровскомъ, заставьте домохозяевъ засаживать всюду одинаковыя деревья, одной породы—и вы увидите, насколько выиграетъ видъ этихъ, самихъ по себѣ какъ матеріалъ, прелестныхъ, удивительныхъ по красотѣ, панорамности и перспективѣ эспланадъ и проспектовъ!

Вѣдь, въ концѣ концовъ ни Champs Elysés, ни Уяздовскія аллеи въ Варшавѣ не столь ужъ благодатны по своимъ природнымъ качествамъ, но сдѣланныя человѣческими усиліями они заключаютъ въ себѣ прелесть несравненную. А что мѣшало городской управѣ, въ свое время, предвидя ростъ значенія Каменноостровскаго проспекта, скупить всѣ дома и расширить хотя бы частями, какъ остроумно предполагаетъ проектъ арх. Мунца,—Каменноостровскій пр.?

Уютныя, низенькія, загибающіяся на сидѣніи и у ногъ изъ тоненькихъ гибкихъ жердочекъ скамейки въ Варшавѣ и несуразно-высокія, съ низкими твердыми спинками—лавки на новообработанной аллейкѣ Каменнаго острова!! Прелестныя трельяжныя бѣлыя и зеленыя рѣшеточки во многихъ городахъ заграницею и желѣзные толстые прутья, отгораживающіе ненужный никому, изъ твердыхъ плитъ, городской по виду тротуаръ на Каменномъ островѣ! Посыпанныя пріятно шуршащимъ подъ ногами, издали привозимымъ морскимъ пескомъ изъ круглячковъ дорожки Уяздовскаго парка и твердыя плиты тротуара новой набережной на Каменномъ островѣ!

И такъ—все! А еще безсмысленнѣе, еще случайнѣе застройка домами и казенными зданіями города. Строятъ какъ нарочно лучшія зданія въ темныхъ, захудалыхъ переулкахъ Петербургской стороны или въ самомъ концѣ Васильевскаго острова, а на

Каменноостровскомъ проспектѣ воздвигаютъ доходные дома ужасныхъ фасадовъ съ лавочками. Почему, казалось бы, не здѣсь именно, т. е. на улицѣ, гдѣ ѣздятъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ,—зданія присутственныхъ мѣстъ и т. п., а гдѣ-либо на Геслеровскомъ, на Ружейной или на Охтѣ?

У насъ не только нѣтъ никакого общаго плана застройки, но даже какъ будто нарочно лучшіе доходные дома строятъ гдѣ-то на Тарасовыхъ переулкахъ или Малыхъ Ружейныхъ, или Малыхъ Пушкарскихъ, а на Невскомъ много заурядныхъ, бѣдныхъ, скверныхъ фасадовъ.

Если нельзя подчинить диктатурѣ (хотя отчего нельзя?—вѣдь, было же такъ въ эпоху Николая Павловича!) право строить и вообще этотъ распорядокъ: гдѣ, что строить въ столицѣ,—то долженъ быть хотя бы нѣкоторый контроль при провѣркѣ проектовъ и обсужденіе съ представителями художниковъ, гдѣ такое-то зданіе лучше построить! Не заботятся у насъ объ общемъ видѣ столицы. И вотъ прекрасный, интересный по плану и такъ идущій именно Каменноостровскому проспекту (уширяющій его благодаря зигзагообразному плану) домъ на Малой Пушкарской улицѣ (д. Колосова) поставленъ гдѣ-то въ глухомъ переулкѣ, такъ, что даже живущій годы въ столицѣ можетъ его не увидѣть, хотя его слѣдовало бы поставить, именно, напоказъ. А, напримѣръ, новое зданіе Интендантства! Отчего оно не на самомъ Каменноостровскомъ? Если не украсить, то все же предотвратить постройку плоскаго, банальнаго доходнаго дома оно могло бы вполнѣ. А новыя зданія Академіи Наукъ въ концѣ Большого проспекта Васильевскаго Острова! Отчего онѣ не въ центрѣ города? Между тѣмъ, какіе «куски» города получались бы, если бы у насъ больше думали объ общемъ видѣ столицы!!

Къ сожалѣнію, объ этомъ никто не думаетъ. Гордость за видъ столицы, за величіе ея—исчезла у всѣхъ. И не только не создаютъ ничего цѣльнаго, новаго, достойнаго, но портятъ старое. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны именно тѣ проекты общихъ застроекъ, которые мы увидимъ ниже. Къ сожалѣнію, этимъ проектамъ больше суждено оставаться на бумагѣ. Ни одинъ изъ этихъ плановъ не осуществленъ до сихъ поръ.

Поэтому, хотя и въ меньшей степени, надо отмѣтить, конечно, значеніе и отдѣльныхъ построекъ, въ особенности удачныхъ и подходящихъ къ стилю Стараго Петербурга.

Но, начиная съ такихъ образцовъ, какъ Училищный домъ Петра Великаго на Петровской набережной (Петровское барокко), и кончая особняками въ поздне-ампирномъ стилѣ на островахъ, почти по отношенію всѣхъ этихъ построекъ придется высказать одно общее сужденіе: ни одна новая постройка, даже самая удачная, не поставлена такъ, что она можетъ быть окинута взглядомъ со всѣхъ сторонъ.

Даже положеніе Петровскаго училища не идеальное. Тѣмъ болѣе плохо поставлены почти всѣ доходные дома.

Не лучше поставлены и новыя государственныя, общественныя сооруженія. Кто увидитъ новые фасады дома Министерства Торговли и Промышленности! Новый Дворецъ Искусства! Съ узкой набережной Екатерининскаго канала нельзя будетъ даже охватить его общаго силуэта, не говоря уже о боковыхъ фасадахъ.

А, между тѣмъ, такое зданіе, поставленное на «отлетѣ», съ газономъ передъ нимъ, выиграло бы много и еще больше дало бы для общаго вида города. Значитъ, не только обстоитъ плохо дѣло съ общею застройкою, но и въ вопросѣ о поста-

новкѣ на томъ или иномъ мѣстѣ того или иного зданія дѣло не на много лучше.

Но вся эта разбросанность въ разныхъ мѣстахъ Петербурга лучшихъ построекъ, неподбираніе ихъ по типамъ и съ цѣлью компановать площади цѣльныя, и это нагроможденіе рядомъ часто самыхъ разнообразныхъ стилей и разрушеніе уже получившагося ensemble'я ничто по сравненію съ тѣмъ ущербомъ и тою порчею, которыя наносятся Петербургу постройкой сооруженій, не гармонирующихъ съ уже существующими домами... Что можетъ быть возмутительнѣе порчи классическаго дома Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на Фонтанкѣ приклейкой къ нему вплотную церкви въ русскомъ стилѣ!! Намѣчавшееся созданіе Петровской набережной въ стилѣ Петровской эпохи (барокко) разрушено сооруженіемъ здѣсь дворца въ quasi-ренессансномъ стилѣ.

Эпоха конца XIX столѣтія и начала XX отмѣчена можетъ быть постройкою, главнымъ образомъ, многихъ дворцовъ. Но и здѣсь изъ всѣхъ построекъ этого рода только дворецъ покойнаго Вел. Кн. Владимира Александровича—стильное и подходящее къ набережной Невы сооруженіе, всѣ остальныя—и дворецъ покойнаго Великаго Князя Алексѣя Александровича, и Вел. Кн. Николая Николаевича на Петровской набережной—не могутъ быть отнесены даже къ числу художественныхъ построекъ.

Наиболѣе показательна для всего вышесказаннаго достройка зданія городской думы.

Въ то время, какъ за-границею всюду считается необходимымъ обзавестись такою ратушею, «Hôtel de ville», которая являлась бы украшеніемъ и гордостью города, у насъ надстраиваютъ зданіе въ ужасномъ пріемѣ, дѣлающемъ его похожимъ

на пороховые погреба, и этимъ ограничиваются. Зданія болѣе нелѣпаго, чѣмъ домъ городской думы въ Петербургѣ, трудно придумать: грубые пилоны лѣстницы, башня и рядъ надстроекъ, налѣпленныхъ другъ на друга. Обидно становится за городъ!

Петровская больница, Петровское училище едва ли не единственныя общественныя сооруженія, заслуживающія подробнаго ихъ представленія. Сытный рынокъ бѣденъ архитектурной обработкой. Городской домъ—пріятное исключеніе. Новыхъ театровъ нѣтъ, если не считать пристройки къ Народному Дому. Не плохъ новый домъ Благороднаго собранія въ Итальянскомъ вкусѣ.

Такимъ образомъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, окажется, что значительная доля лучшихъ сооруженій приходится не на правительственное или общественное строительство, а на частно-владѣльческое.

Банки прежде всего стоятъ въ ряду этихъ зданій. Видимо, коммерческія основанія единственныя, создающія сейчасъ потребность въ художественномъ строительствѣ. Кромѣ того, здѣсь не стѣсняются въ средствахъ...

По крайней мѣрѣ та обстановка, которую создаютъ эти сферы для работы, кажется почти идеальною: объявляются конкурсы и закрытые, и именные, выдаются огромныя преміи, и въ концѣ концовъ дѣло сооруженія все-таки поручается лучшимъ архитекторамъ. Банкъ Вавельберга и Торгово-Промышленный строилъ Перетятковичъ, теперь на Морской строятъ банкъ арх. Лидваль и Бенуа, на Невскомъ банкъ Рябушинскаго строитъ арх. Щуко.

И потому-то и Азовско-Донской, и Международный, и Торгово-Промышленный, и другіе банки представляютъ все-таки лучшія сооруженія новой столицы.

Доходные дома—слѣдующая категорія сооруженій, представляющая по нынѣшнимъ временамъ наиболѣе интересные образцы современной классической архитектуры.

Всѣ лучшіе мастера, всѣ интересы современнаго творчества архитекторовъ сосредоточиваются именно на разработкѣ этой темы, отвѣчающей настоящимъ современнымъ потребностямъ.

Въ доходномъ домѣ—разрѣшеніе всѣхъ насущнѣйшихъ задачъ. Доходный домъ—коллективный (изъ квартиръ) или изъ магазиновъ въ первомъ и во второмъ этажахъ, вмѣщающій часто населеніе цѣлаго уѣзднаго города, можетъ быть представленъ въ Петербургѣ прекрасно найденными образцами, хотя въ концѣ концовъ и лучшіе образцы все-таки лишь конгломератъ изъ готовыхъ ренессансныхъ формъ. Правда, эти формы использованы удачно: онѣ умно и пріятно примѣнены къ современнымъ новымъ потребностямъ. Но вѣдь въ этомъ, въ концѣ концовъ, и было значеніе ренессанса, сумѣвшаго римскія детали использовать для задачъ XV, XVI вѣковъ!! Такъ и теперь пріемъ членения фасада Casa del Diabolo или Palazzo del Capitano (Municipio) въ Виченцѣ (архитекторъ Palladio) прекрасно примѣненъ архитекторомъ Щуко въ домѣ № 65 по Каменноостровскому пр. и позже архитекторомъ Клейномъ въ отличномъ домѣ № 3 по Кронверкскому.

За послѣднее время замѣтно увлеченіе раздѣлкой этажей и ордерами по типу Венеціанскихъ дворцовъ XVI—XIX вѣковъ, напр., дома на Б. Дворянской, на 5-ой линіи (№ 18), на Фурштадтской, близъ Потемкинской: все это почти копіи Lombardo, Longhena.

Вообще особняки въ не меньшей степени представляютъ интересъ для разработки въ новомъ вкусѣ: пышныя формы ба-

рокко Венеціи видны особенно въ новомъ домѣ на Караванной улицѣ. Но, къ сожалѣнію, появленіе дѣйствительно интересно разработанныхъ задачъ въ этомъ родѣ сравнительно не такъ велико.

Нѣсколько особняковъ на набережныхъ, на Каменноостровскомъ проспектѣ, на Островахъ и все больше въ палладіанскомъ стилѣ—представляетъ, однако, интересъ, какъ матеріалъ для руководства.

Выставочные павильоны, отдѣлка витринъ и магазиновъ (есть любопытные примѣры, но какъ рѣдки они!): лицевая обработка магазиновъ Филиппова, interieur магазина Мертенса на Невскомъ—вотъ и все!

Зато внутренняя обработка помѣщеній,—т. е. залъ, лѣстничныхъ клѣтокъ, столовыхъ, гостиныхъ,—есть отличная, образцовая и представляющая примѣры, почти равные образцамъ начала XIX столѣтія. Есть и ресторанныя отдѣлки (ресторанъ Товарищества) и цѣлыя новыя ресторанныя и чайныя залы («Донона», «Медвѣдя», «Асторіи»), которыя можно отнести къ числу удачныхъ. Конечно, часто лучшіе проекты остаются неиспользованными.

Мы разсмотримъ здѣсь вкратцѣ постройки 1910—1914 годовъ, т.-е. времени до-военнаго. Начатое въ 1915 г. еще не закончено настолько, дабы можно было представить этотъ матеріалъ въ иллюстраціяхъ, хотя частью мы будемъ говорить и о недостроенныхъ еще зданіяхъ.

За послѣдніе два-три года закончено нѣсколько зданій, не входящихъ въ этотъ обзоръ; всѣ они могутъ быть охарактеризованы тою симптоматической чертою, что по характеру обработки представляетъ продолженіе неоклассическихъ традицій

1905—1910 годовъ. Каковъ будетъ нынѣ воздвигаемый банкъ Рябушинскаго или новый банкъ на Морской предугадать нетрудно: конечно, они представятъ собой продолженіе итальянизированныхъ сооруженій уже безъ всякаго привкуса ампира... Опредѣленный стиль имперіи въ нѣсколькихъ не очень удачныхъ примѣрахъ (зданія Автомобильной и Воздухоплавательной школъ и зданій Психо-Неврологическаго Института) едва ли выражается не въ послѣдній разъ.

Въ общемъ, конечно, расцвѣтъ классическаго зодчества, именно на основаніи русскаго ампира, былъ великъ. Значенія его, и не только какъ реакціи или переходной ступени, никто не отрицаетъ. Въ англійской спеціальной печати (The Architect, Мартъ, Іюль 1913 г.) отмѣчены были перевоспроизведеніями изъ «Аполлона» удачные примѣры строительства нашей столицы.

Сравнивая съ строительствомъ заграничнымъ наше, приходится отмѣтить нѣкоторую долю нераціональности въ выраженіи современныхъ задачъ и отсталость и застылость въ использованіи образцовыхъ формъ.

Несмотря на это, нельзя все-таки не признать расцвѣтъ новаго классическаго зодчества въ Петербургѣ. Даже въ Англіи не замѣтно такого успѣха классическихъ теченій, какъ у насъ.

Правда, часто въ строительствѣ нашемъ замѣтно бываетъ копированіе безчувственное и шаблонное, заимствованіе беззастѣнчивое. Въ этомъ смыслѣ штампъ ампира погубилъ не мало хорошаго въ отношеніи къ этому чудесному стилю, но лучше ужъ подходить къ шаблону въ классикѣ, или даже въ ренессансѣ часто съ ненужнымъ балластомъ (лѣпкою), чѣмъ въ модернѣ, какъ то было въ 1900-хъ годахъ.

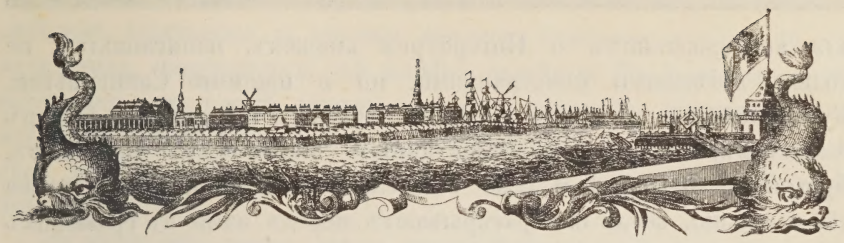
Итакъ, общій планъ застройки новаго строительства Современнаго Петербурга отсутствуетъ: зданія воздвигаются на случайно подысканныхъ мѣстахъ, но не на указываемыхъ руководящимъ перстомъ или по велѣнію монарховъ, какъ то было ранѣе, для чего сносили безпощадно десятки построекъ, дабы дать мѣсто новой, лучшей, и не церемонились выселеніемъ жителей и отчужденіемъ участковъ, нужныхъ государству и столицѣ, а черезъ ея «видъ» и всему русскому народу.

Многія лучшія постройки возникаютъ вовсе не въ подходящихъ для нихъ мѣстахъ. Скверныя портятъ видъ лучшихъ мѣстъ.

Благоустройство улицъ—на самой низкой ступени (тротуары, посадки деревьевъ, вывѣски, тумбы, фонари и пр.), часто безъ всякаго основанія запущенные скверы, повалившіяся рѣшетки (не такъ ужъ много средствъ и людей нужно, чтобы привести въ порядокъ—просто запущенность и небрежность).

Съ другой стороны церемонятся со всякими лачугами въ центрѣ столицы, на лучшихъ проспектахъ, спасаютъ съ непонятнымъ и излишнимъ усердіемъ деревянныя развалины гдѣ-либо на Большомъ проспектѣ Петербургской стороны. Всю эту рухлядь, если только она, конечно, не представляетъ въ тѣхъ или иныхъ единичныхъ случаяхъ художественнаго интереса, пора бы давно снести! До тѣхъ же поръ, пока столь инертно будемъ относиться къ общему виду столицы—лучшія постройки будутъ по-прежнему лишь жемчугомъ въ кучѣ навоза, и какъ ни хороши онѣ сами по себѣ—Современному Петербургу далеко до Стараго Петербурга съ его цѣльностью стиля общихъ видовъ, съ выкованнымъ строгимъ пейзажемъ изъ дворцовъ, съ чудными мостовыми площадей, выложенными булыгами по извѣстному рисунку.

Современный Петербургъ теряетъ все замѣтнѣе свой былой благородный характеръ, все болѣе становится шаблоннымъ, европейскимъ. Лишь общая дружная работа по застройкѣ, лишь диктатура художественной власти въ распредѣленіи мѣстъ построекъ и привлеченіе лучшихъ силъ спасутъ столицу и могутъ дать ей еще болѣе мощный и прекрасный видъ, чѣмъ она имѣла даже въ лучшіе свои дни Александровой эпохи...



Глава первая.

I.

ПЕТЕРБУРГЪ представлялся когда-то иностранцамъ самымъ красивымъ городомъ въ Европѣ. «Je ne connais rien de comparable à la magnificence de Saint-Pétersbourg; il y règne une uniformité de grandeur et d'élégance d'architecture qui n'existe nulle part en Europe. On se sent saisi de respect et d'admiration, en pensant au génie qui a conclu d'aussi grandes idées, qui les a fait exécuter avec une infatigable persévérence, et qui est enfin parvenu à réunir, sur un seul point et au plus haut degrès de perfection, tant de chefs-d'oeuvre de l'art répandu avec inégalité dans le reste de l'Europe».

Только одно столѣтіе отдѣляетъ наше представленіе о Петербургѣ отъ этихъ восторженныхъ впечатлѣній французскаго офицера Puibusque'a, который пришелъ съ Наполеономъ въ Россію, остался въ ней и полюбилъ сильнѣе Парижа столицу своего новаго отечества. Онъ полюбилъ Петербургъ за единство его архитектуры, за изящество его отдѣльныхъ построекъ, за величавый видъ города и, вѣроятно, за все то, что служило не разъ темою

для восторженныхъ о Петербургѣ книжекъ, написанныхъ не только пріѣзжими иностранцами, но и нашими Свиньиными, Бурьяновыми... Земцовъ и Зубовъ, Семенъ Щедринъ и Ѳедоръ Алексѣевъ, Махаевъ и Галактіоновъ, Мартыновъ, Воробьевъ, Брюлловъ, Беггровъ и даже Рампельнъ и Шифларъ—не менѣе убѣдительны, когда они раскрываютъ передъ нами въ гравюрахъ и картинахъ всю дѣйствительную прелесть архитектурнаго пейзажа того времени.

Еще въ половинѣ XIX-го столѣтія, когда въ высшихъ классахъ нашего общества значительно упали архитектурныя требованія, а вкусы къ художеству вообще опошлились и огрубѣли,—красота Петербурга была все-таки еще настолько общепризнанной, что даже скупой на похвалы и столь офиціальный Пушкаревъ находитъ въ Петербургѣ господствующими два рода архитектурныхъ теченій—«греческое и римское, а въ центрѣ столицы—все изящнымъ и привлекательнымъ своею стройностью и гармоніею». «Обратите вниманіе,—говоритъ онъ,—на общій видъ города. Почти все напоминаетъ намъ о мирѣ и спокойствіи, и лишь немного о прихотливыхъ вкусахъ вельможъ прошлаго вѣка».

Дѣйствительно, ярко-расцвѣченная литографія Садовникова, изображающая всѣ дома обѣихъ сторонъ Невскаго проспекта, показываетъ намъ изумительную общность характера построекъ того времени и заставляетъ насъ восхищаться изображенными на ней деталями, какъ украшавшими зданія, такъ и имѣвшими лишь служебное значеніе: навѣсы парадныхъ подъѣздовъ, створки воротъ, вывѣски, фонарные столбы, грѣлки для извозчиковъ, ларьки, тумбы, кіоски и даже кладка мостовой (часто «въ шашку», кругами или звѣздами—на площадяхъ и тротуарахъ)—все было выполнено съ

любовью, тщательно и, потому, красиво. Особенно хороши были подвѣсныя, вырѣзанныя изъ желѣза вывѣски. Не было ни одной постройки, ни одной детали, которыя могли бы нарушить всю эту какъ будто нѣсколько идеализованную художниками, но, судя по описаніямъ, вполнѣ достовѣрную картинность Петербурга.

Не такъ уже много внесли позднѣйшія поколѣнія добавленій къ этой общей архитектурной цѣлостности. Однако, не прошло и четверти столѣтія, какъ Петербургъ значительно измѣнился, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились, при описаніи столицы, и восторженные отзывы о ней. Измѣнился не столько видъ Петербурга, сколько самое отношеніе къ нему современниковъ. Въ глазахъ новаго поколѣнія Петербургъ сталъ олицетвореніемъ казенщины; какими-то казармами представились его величавыя зданія этому поколѣнію, не умѣвшему видѣть въ его обликѣ ничего, кромѣ сѣрой, ровной скуки. И все-таки, очевидно, его еще любили, если было стремленіе бороться съ этимъ «зломъ» — путемъ застройки города новыми домами, въ избыткѣ уснащенными аляповатою лѣпкою, пирамидальными и конусообразными шатрами, куполами и жирными или декадентскими фигурами. Въ этомъ сказывалось желаніе «украсить» нашу, якобы, бѣдную (!) столицу.

Но вотъ постепенно мѣняется и эта оцѣнка Петербурга. О красотѣ его просто перестаютъ думать. Достаточно вспомнить начавшійся тогда вандализмъ, которымъ вполнѣ характеризуется отношеніе петербуржцевъ къ сложившемуся облику города, и то самоуправное хозяйничество въ немъ, результатомъ котораго явились ужаснѣйшіе монументы, фонари, кіоски, столбы и вообще детали, обезобразившія столицу, хотя при иномъ отно-

шеніи къ дѣлу они могли бы, дѣйствительно, послужить къ ея украшенію...

Только въ началѣ XX-го столѣтія, какъ реакція неоправдавшемуся стремленію создать новыя архитектурныя формы («модернъ»), утверждаются и другія понятія о красотѣ, является просвѣтленное сознаніе высокой художественной цѣнности давнишней архитектуры. Это ретроспективное просвѣтлѣніе объясняется въ значительной мѣрѣ новой литературой о старинѣ. Послѣ чрезвычайно удачно иллюстрированнаго очерка Александра Бенуа—«Живописный Петербургъ» люди съ хорошимъ вкусомъ убѣдились опять, что Петербургъ въ самомъ дѣлѣ—«удивительный городъ, имѣющій мало себѣ подобныхъ по красотѣ». Это маленькое «открытіе» получило рѣшающее значеніе. Съ тѣхъ поръ увлеченіе Старымъ Петербургомъ непрерывно прогрессировало.

Однако, и теперь еще преждевременно торжествовать побѣду надъ предразсудками и ложными взглядами, уже въ достаточной мѣрѣ испортившими словно вытесанный изъ гранита, незыблемый, казалось, обликъ Александровой столицы. Борьба со все непрекращающимся добавленіемъ къ ней «кричащихъ» сооруженій, борьба съ дѣятельностью упорствующихъ на ложномъ пути зодчихъ-модернистовъ продолжается почти и донынѣ. Къ тому же, ensemble Стараго Петербурга уже значительно испорченъ, и проповѣдникамъ новой любви къ драгоцѣнному наслѣдію Стараго Петербурга не легко выдѣлить части уцѣлѣвшаго замысла отъ безвозвратно погубленныхъ... Къ счастью, общіе виды и перспективы Невы и каналовъ, а также отдѣльныя прекрасныя сооруженія сохранились, несмотря на ужасающій вандализмъ; они то и послужили той базой, на которой укрѣпляются новые вкусы и понятія о красотѣ пропорцій.

II.

Стиль Петербурга, конечно, опредѣлялся вполнѣ его характерной физіономіей и въ значительной степени зависѣлъ отъ общей гармонической связности составныхъ частей его, т. е. не только отъ архитектуры отдѣльныхъ зданій, но и отъ тщательнаго подбора многихъ архитектурныхъ элементовъ. Теперь же эти элементы, не связанные съ основнымъ старымъ зодчествомъ города, нарушили цѣльность; стиль Петербурга усваивается уже труднѣе, остается недоступнымъ большой публикѣ, понятенъ лишь немногимъ. Стили quasi-русскій, псевдо-ренессансъ, романскій, мавританскій (и всякій другой, какой заблагоразсудится)— врѣзались между связными по духу Александровскими постройками, вышли изъ стройной линіи улицъ, и вотъ намъ говорятъ: нѣтъ стиля у Петербурга! нѣтъ характера, къ которому слѣдовало бы приспособлять новую архитектуру! Это невѣрно. У Петербурга, несмотря на всѣ позднѣйшія наслоенія, есть свой характеръ, есть свой стиль, переживший столѣтіе, создавшійся долгимъ и упорнымъ трудомъ, заслуживающій бережной охраны, какъ достояніе, завѣщанное намъ предками.

Правда, жизнь измѣнилась въ корнѣ, многія ея потребности и цѣли стали иными. Зодчество, — искусство, такъ тѣсно связанное съ жизнью, — не можетъ быть только слѣпымъ повтореніемъ хотя бы геніальныхъ произведеній прошлыхъ эпохъ.

Но существуетъ путь, слѣдуя которому можно удовлетворять и назрѣвшимъ потребностямъ и въ то же время избѣгать вандальскаго отношенія къ остаткамъ старины, сохраняя ненарушен-

ной общую физіономію города. Этотъ путь состоитъ въ томъ, чтобы, воздвигая новыя постройки, одновременно приспособляться и къ новымъ потребностямъ и къ существующему, уже выработанному временемъ, типу зданій и улицъ. Такъ, въ Парижѣ тщательно оберегаютъ цѣльность нѣкоторыхъ улицъ (напр., rue de Rivoli), не разрѣшая выдѣляться отдѣльнымъ постройкамъ. Одинаковые сѣрые пятиэтажные дома, всѣ въ стилѣ Louis XVI или Louis XV, съ типично закругленными мансардными кровлями, съ бѣлыми жалюзи на окнахъ и узкими балконами, идущими во всю длину фасадовъ,—тянутся вдоль многихъ улицъ Парижа, образуя художественно-цѣльную картину. Всякое новое сооруженіе здѣсь невольно подчиняется этому общему стилю, какъ бы зданія ни отличались другъ отъ друга своими конструктивными особенностями или деталями орнаментовъ.

У насъ же принято поступать какъ разъ наоборотъ,—идутъ напроломъ, совершенно не считаясь съ общей, уже создавшейся физіономіей города, удовлетворяя только новымъ запросамъ современности, въ надеждѣ создать этимъ путемъ какой-то желанный «новый» стиль. Увы! Способъ этотъ, практиковавшійся въ Петербургѣ до послѣднихъ дней, не даетъ благихъ результатовъ: современныя постройки-модернъ всегда будутъ рѣзко выдѣляться въ Петербургѣ, напоминая собою потомкамъ о нашей безвкусной эпохѣ и такихъ же ея дѣятеляхъ... Правда, достиженіе эффектовъ «новой цѣльности» возможно, но лишь тамъ, гдѣ нѣтъ историческихъ завѣтовъ (напримѣръ, части Мангейма, застроенныя цѣликомъ по проектамъ Hoffmann'a,—великолѣпны). Но архитектурный пейзажъ Петербурга, насквозь проникнутый исторіей страны и психологіей ея повелителей, долженъ быть священно оберегаемъ, а «Новый Петербургъ»—сооружаемъ въ томъ же одна-

жды удавшемся направленіи, помощью застроекъ по общему плану, съ приведеніемъ ихъ къ единству даже въ мельчайшихъ линіяхъ и деталяхъ.

Нельзя, напримѣръ, къ классическимъ «большимъ линіямъ» набережныхъ Невы приклеивать живописную, быть можетъ, и удачную саму по себѣ, церковку въ память погибшихъ моряковъ въ стилѣ Владимирскихъ храмовъ или церковь Кіево-Печерскаго подворья; нельзя на площади, всѣ дома которой одной опредѣленной высоты, воздвигать сооруженія, превосходящія ихъ своей высотой, какъ бывшая Astoria-Hôtel на Исаакіевской площади, и т. д.

III.

Въ исторіи зодчества извѣстны многіе случаи, когда подъ вліяніемъ нѣсколькихъ смѣлыхъ волею и убѣжденіемъ людей наступалъ возвратъ къ прошлому, т. н. «ретроспективность». Ретроспективность смѣнила недавно и модернистическія теченія въ архитектурѣ. Убѣждающіе голоса знатоковъ произвели должное впечатлѣніе и на молодыхъ зодчихъ.

Теперь, отойдя нѣсколько отъ времени исканій «новой» архитектурной формы, продолжавшихся лѣтъ десять, мы имѣемъ уже неоспоримую возможность безпристрастно осудить эти исканія, особенно если отмѣтимъ тотъ вредный слѣдъ, который они оставили на общемъ видѣ нашей столицы. Мы убѣждаемся, что въ сущности эти исканія въ обоихъ случаяхъ—когда новыя идеи выражались все же «старыми словами», и когда имѣло мѣсто напряженное, безпочвенное придумываніе «новыхъ словъ»—не привели къ благимъ результатамъ.

Въ обоихъ случаяхъ, эти исканія новизны носили отпечатокъ главной тенденціи и главнаго стимула нашей эпохи—индивидуализма. Желаніе каждаго автора быть во что бы то ни стало и прежде всего «самобытнымъ»—явило ихъ странную недальновидность. Манія самобытности противорѣчитъ основнымъ въ зодчествѣ логическимъ законамъ пропорцій (правда, очень многообразныхъ и эластичныхъ, но всегда остающихся въ предѣлахъ строгой механической зависимости,—а ее-то и хотѣли отвергнуть новаторы). Нужно примѣниться къ структурѣ даннаго матеріала, а не только считаться съ заранѣе взятой, апріорной формой или линіей. Архитектура могуча и своеобразна, когда она вдохновляется жизнью, когда назначеніе ея—отражать эту жизнь, служить ей, проникаясь духомъ народа, времени и характеромъ строительнаго матеріала, и лишь въ главныхъ линіяхъ или деталяхъ она можетъ обнаружить личный характеръ ея творцовъ. Между тѣмъ, апологеты «модернизма», творцы «новыхъ формъ», не дали именно ни одной новой «логической» формы, не создали ни одного новаго матеріала. Вѣдь, значеніе желѣзо-бетона еще очень спорно и во всякомъ случаѣ, въ качествѣ вполнѣ не-эстетичнаго матеріала, не можетъ идти въ счетъ.

Желѣзо тоже не имѣетъ права на признаніе: время выносливости его пока опредѣляется всего 50-ю годами; по-прежнему кирпичъ и камень остаются единственнымъ идеальнымъ матеріаломъ. Если жизнь выдвинула за послѣднее время нѣсколько темъ новаго характера, то уже не такія новыя формы вызываются этими архитектурными задачами, чтобы ихъ не могъ осуществить огромнѣйшій арсеналъ готовыхъ деталей и чтобы въ современные пріемы нельзя было вмѣстить старые планы. Единственнымъ рѣшеніемъ вопроса являются тѣ формы, которыя

раціонально разрѣшаютъ новыя задачи, но основываются на традиціонныхъ понятіяхъ о логикѣ архитектурной красоты.

IV.

Борьба, сильныя движенія души, побѣды и тріумфы, властныя велѣнія монарховъ, торжественныя встрѣчи, празднества, шествія,—словомъ все, что вызываетъ подъемъ народнаго духа,—нужно, несомнѣнно, для расцвѣта зодчества, для развитія его формъ, для приложенія фантазіи строителя. Только эти жизненные факторы, или, еще болѣе глубокіе,—религіозные, могутъ поднять энергію творчества, создать новую красоту, и, поэтому, всѣ усилія представить «Новый Петербургъ» только на основѣ выдвигаемыхъ экономіей и гигіеной условій не могутъ привести ни къ чему иному, кромѣ блѣдныхъ, сѣренькихъ фасадовъ. И потому-то вся эпоха буржуазнаго и демократическаго модернизма не дала ничего Петербургу. Лишь возстановленіе прежнихъ архитектурныхъ каноновъ можетъ увеличить красоту нашего города. И если суждено, чтобы и мы снова вернулись къ прежнему идеалу неоклассическихъ формъ, то это лучшій—изъ неизбѣжныхъ—хотя и несовершенный—исходъ. Вполнѣ идеальный немыслимъ... Нѣтъ тѣхъ условій, которыя бы могли его создать. Приходится ограничиться ретроспективизмомъ. Для Петербурга этотъ возвратъ къ памѣченнымъ теоріямъ, какъ я уже сказалъ, является безусловно логичнымъ.

Arcs-boutants готики—такое механическое увѣренное и новое слово—явились въ свое время слѣдствіемъ устремленія въ высь; потребность въ этихъ аркахъ вызвана была необходимостью уничтоженія распора крестовыхъ сводовъ. Цѣлая самостоятель-

ная область живописи, vitraux, появилась благодаря желанію придать мистическое освѣщеніе храму, и это достигалось великолѣпными розасами, а при исполненіи ихъ уже развилась особая техника рисунка, выработка стеколъ и условные пріемы контуровъ... Новыя формы въ искусствѣ могутъ появиться и у насъ лишь въ зависимости отъ новыхъ культовъ, отъ новыхъ условій жизни, отъ новыхъ художественныхъ матеріаловъ.

Пережитый нами кризисъ въ архитектурѣ выразился въ полномъ охлажденіи къ модернистскимъ теченіямъ возвратомъ къ старымъ образцамъ искусства. Эта побѣда ретроспективизма должна быть привѣтствуема, но, въ сущности, и здѣсь почва для эволюціи искусства не безъ недостатковъ. Вѣдь, въ итогѣ—легко случиться полному измѣненію въ опознаніи цѣнностей и хаосу въ выборѣ стиля! Поэтому-то такъ нужна спасительная опредѣленность вѣрованій и единообразіе вкуса...

Хотѣлось бы подчеркнуть еще и слѣдующее положеніе: если нѣтъ надобности выходить изъ круга принятыхъ кодексовъ и принимать иныя, никѣмъ не провѣренныя теоріи, то не должно быть и безвѣрія въ новыя слова! Нѣкоторые архитекторы слишкомъ стремительно и торопливо отнеслись къ своимъ же исканіямъ (лучшіе изъ нынѣшнихъ ретроспективистовъ были ранѣе приверженцами новыхъ теченій). Эти художники прошли мимо дѣйствительно новой архитектуры—связанной не стилемъ (во что бы то ни стало, хотѣлось сразу стиль создать!), а образами,—мимо «архитектуры массъ», которая сама собою возникаетъ, независимо отъ проекта и «стиля», зарождается въ самыхъ непредугаданныхъ сочетаніяхъ и линіяхъ, черпаетъ свою «интересность» уже въ самой жизни, въ перспективныхъ комбинаціяхъ, въ нарастаніи ряда домовъ и въ ихъ контрастахъ...

Въ самомъ дѣлѣ, пройдитесь по новымъ кварталамъ Петербурга (Васильевскаго острова, Петербургской стороны и т. д.), присмотритесь къ воздвигаемымъ домамъ на мѣстѣ снесенныхъ, часто милыхъ, особнячковъ,—не со стороны ихъ фасадовъ, часто очень банально обрабатываемыхъ, а со стороны общей массы и силуэта, отмѣтьте профили мансардъ, свѣтовыхъ двориковъ, какъ колодцевъ, изъ слѣпыхъ стѣнъ, лишь по верху связанныхъ арочками,— и вы увидите, что жизнь, ея потребности говорятъ здѣсь о самозарождающейся новой формѣ. Остается дать ей соотвѣтствующую обработку, и то, что наше время не замѣчало, быть можетъ, восторженно будутъ наблюдать грядущія поколѣнія! Какъ вся богатая и пышная корона châteaux французскаго ренессанса— главнымъ образомъ, и выразившагося въ этой верхней части домовъ—не что иное, какъ возведенная въ стиль, распространившаяся и самой жизнью выдвинутая часть сооруженія, состоящая изъ трубъ и мансардъ, — такъ въ современныхъ métro, вокзалахъ, гостиницахъ и магазинахъ глазъ художника-зодчаго провидитъ грядущее слово строительства, и тутъ ему просторъ черпать и выискивать полныя многообѣщанія и интереса формы.

Однако, пока, и не только для близорукаго эстета, несомнѣнно большими цѣнностями обладаетъ именно возвратъ къ старымъ традиціямъ. Лучше доброе старое, нежели насильственно притянутыя новыя формы.

V.

Изъ всѣхъ бытовыхъ и соціальныхъ условій, имѣющихъ значеніе для эволюціи архитектуры, на первомъ мѣстѣ должны

быть поставлены тѣ, которыя заключаются въ самомъ ремеслѣ искусства, въ техникѣ его, которыя ясно могутъ указать, почему вообще все, создававшееся въ прежнія времена, было полно характера и художественности, а въ наше время лишено чего-либо своего, оригинальнаго.

Изъ этихъ способствовавшихъ созданію образцовой архитектуры условій, которыхъ нѣтъ нынѣ, прежде всего надо упомянуть о томъ образованіи, какое получали въ старину участники постройки, независимо отъ ихъ положенія, о гораздо большей спеціализаціи и близости высшихъ руководителей къ самому дѣлу постройки, о значительно большемъ мастерствѣ ихъ и о художественномъ чутьѣ, какимъ обладали даже простые рабочіе. Въ старину архитекторы, какъ и самые скромные мастера, выходили изъ числа простыхъ рабочихъ; средневѣковые Jean de Chelles, Libergier на своихъ гробницахъ представлены мастерами, держащими угольникъ и циркуль для черченія строительныхъ шаблоновъ. Готическій зодчій былъ именно первымъ мастеромъ, и самый организмъ постройки требовалъ, чтобы авторъ посвятилъ ей всю свою жизнь.

Еще въ раннемъ ренессансѣ не существовало обученія архитектурѣ по книгамъ, и къ практикѣ зодчіе подготовлялись лишь въ мастерскихъ. Корпоративныя связи артели ослаблены были новымъ институтомъ—Академіею и созданнымъ ею соревнованіемъ учениковъ. Выборъ зодчаго сталъ зависѣть отъ конкурса, причемъ выбирались зодчіе не только мѣстные, но и изъ другихъ странъ; французскіе зодчіе строили въ Венгріи, Англіи, Голландіи, итальянскіе—во Франціи и т. д. Довѣріе, предоставляемое зодчему, свобода выбора мѣста и общихъ формъ распространялись и на самаго простого мастера, которому тоже была

отведена въ предѣлахъ его труда область, въ которой онъ могъ совершенно свободно, не выступая изъ общихъ границъ, намѣченныхъ архитекторомъ, проявлять свою фантазію.

Такимъ образомъ, каждый изъ мастеровъ является отвѣтственнымъ сотрудникомъ, и корпоративные устои содѣйствовали безукоризненному исполненію работъ. Явились мастера, не имѣющіе иного, кромѣ художественнаго, таланта и статическаго чутья, и создавшіе первоклассныя зданія. Еще недавно въ каждомъ рабочемъ было то священное горѣніе, которое одаряло его вкусомъ и тактомъ и позволяло старшему мастеру спокойно положиться на него. Ковка камня, рѣзьба изъ дерева, штукатурка и покраска, чеканка металла—всѣ детали этихъ отраслей работы въ выполненіи самаго простого мастера, несомнѣнно хранившаго еще въ себѣ хорошіе завѣты, были художественны. Постепенно, однако, утрачивалось это умѣніе возвышать ремесло до искусства, а искусство перестали уже считать ремесломъ и «возвысили» его до какой-то эфемерно опоэтизированной абстракціи...

Удаленіе отъ смысла зодчества и самой природы вещей художества, перенесеніемъ его изъ жизни на бумагу, и вызвало понятіе о томъ, что архитектурный замыселъ долженъ быть прекраснымъ лишь въ проектѣ; постепенно забылось, что самое выполненіе является существеннѣйшею частью зодчества. И въ наше время, вѣдь, есть еще прекрасные рабочіе, напримѣръ, въ Италіи, но, къ сожалѣнію, тамъ нѣтъ руководителей, и во всемъ современномъ архитектурномъ обществѣ Италіи нельзя назвать ни одного, хотя бы добропорядочнаго, имени зодчаго—всѣ заклеймены мѣщанскимъ безвкусіемъ! Въ нашей столицѣ какъ разъ наоборотъ. Есть отличные архитекторы, и совершенно отсутствуетъ даровитость у низшихъ мастеровъ. Это послѣднее

обстоятельство трагически затрудняетъ нашимъ зодчимъ осуществлять свои грандіозные замыслы. Некому ихъ выполнять! Съ другой стороны, произволъ, заключающійся въ предоставленіи правъ сооруженія «всякаго рода построекъ» лицамъ, совершенно неподготовленнымъ къ этому и выдержавшимъ лишь экзаменъ «на право производства работъ», присоединяетъ къ корпораціи подлинныхъ архитекторовъ толпу такихъ невѣжественныхъ строителей, которые, сами ничего не умѣя и не зная, уменьшаютъ требованія, предъявляемыя къ рабочимъ, и тѣмъ окончательно сводятъ строительство къ какимъ-то спекуляціоннымъ операціямъ... Работа выполняется не «какъ можно лучше», а какъ можно дешевле и скорѣе. Вообще то, чѣмъ объяснялся прежде расцвѣтъ архитектуры—качество выполненія, стало теперь причиной упадка. Понимающему зодчему чрезвычайныхъ усилій стоитъ добиться сноснаго выполненія пропорціи въ деталяхъ, а чрезмѣрное количество пробъ иногда засушиваетъ формы этихъ деталей.

У большинства современныхъ архитекторовъ схематическое изображеніе постройки на бумагѣ обратилось въ какое-то щеголяніе картинностью и вырисовкою проектовъ; даже лучшіе образцы проектовъ, чарующіе своею графическою прелестью (не соотвѣтствующей, между прочимъ, вовсе смыслу зодчества), подчеркиваютъ лишь это небрежное отношеніе зодчихъ къ камню, къ дереву, къ строительному матеріалу и то, что центръ тяжести ихъ вниманія и любви перенесенъ на «бумажныя» формы. Прежніе зодчіе эмпирически пробовали и выискивали лучшую форму, рискуя сначала неудачей, но находили постепенно идеальныя пропорціи.

Кромѣ этихъ жизненныхъ и ближайшихъ къ существу выполненія причинъ, вызывающихъ упадокъ архитектуры, есть причины

общаго характера, и болѣе отдаленныя, но также очень важныя.

Я отмѣтилъ отсутствіе выдвигаемыхъ современной жизнью яркихъ темъ, отсутствіе «единой воли» въ строительствѣ, создавшей въ прежнія времена огромные «ансамбли» (Александръ I-й, Людовики). Во Франціи за послѣднія сто лѣтъ не возведено абсолютно ни одного выдающагося сооруженія; все заклеймено безвкусіемъ, отсутствіемъ мысли, фантазіи, идеи. И у насъ теперь, несмотря на существованіе отдѣльныхъ архитектурныхъ силъ, твердо установившагося общаго вѣрованія, нѣтъ артели, цеха,— нѣтъ даннаго руководящаго направленія, именно потому, что нѣтъ общаго центра, къ которому стремились бы всѣ помыслы и который бы вызывалъ восторженное желаніе работать... Когда-то преобладали у насъ ордера Виньолы. Ихъ смѣнили ампирныя пропорціи, перешедшія въ Палладіевскія, позднѣе прибавился стиль Микеле санъ-Микеле и всякіе иные оттѣнки классицизма, но все же нѣтъ до сихъ поръ общей струи, ибо нѣтъ единства культа и тѣхъ руководящихъ идей, что излучаются... хотя бы подлинной религіозностью, вдохновлявшей столькихъ мастеровъ.

Нельзя поэтому упрекать въ застоѣ строительства однихъ зодчихъ. И помимо ихъ поверхностнаго отношенія къ красотѣ формъ и пропорціи—есть много зависящихъ не отъ нихъ причинъ упадка. Притязаніе невѣжественнаго заказчика на пониманіе, отчасти вызванное подчиненіемъ его требовательности—«что угодно, то и построимъ», отсутствіе подлинныхъ, вдохновляющихъ, идейныхъ темъ, слишкомъ личное (никакъ не нормируемое) пониманіе красоты, отсутствіе рабочихъ мастеровъ, хотя бы немного «художниковъ въ душѣ», ставитъ современныхъ зодчихъ въ очень невыгодныя условія.

Какъ я уже сказалъ, несравненно хуже жизненныя и бытовыя условія, мѣшающія развитію зодчества. Вотъ почему пока всѣ наши надежды на созданіе изъ Петербурга достойной столицы XX вѣка сводятся къ признанію—возможности хотя бы возстановить, реставрировать когда-то бывшій расцвѣтъ петербургской архитектуры, приблизиться къ прежней силѣ... Но и эта задача не легкая, тѣмъ болѣе, что она выпадаетъ на долю всего нѣсколькихъ одинокихъ зодчихъ-подвижниковъ, которымъ придется еще долго бороться съ дурными традиціями, не имѣя поддержки въ общемъ вѣрованіи населенія.

VI.

Итакъ, при отсутствіи дѣйствительно новыхъ и интересныхъ запросовъ художественной культуры, единственнымъ спасительнымъ условіемъ для нашего городского архитектурнаго творчества пока является стремленіе продолжить путь предковъ строителей Петербурга, воспользоваться ихъ завѣтами. Классическія тенденціи, въ общемъ смыслѣ этого слова, въ новѣйшей архитектурѣ не явились сразу, а предварительно претерпѣли нѣсколько измѣненій. Посмотримъ, какимъ образомъ отъ явно «декадентскихъ» взглядовъ мы перешли къ такой только что казавшейся «рутинѣ», и почему въ началѣ этого возврата—нашли неизбѣжной хотя-бы поддѣлку подъ старину, а затѣмъ уже стали выискивать, пользуясь старыми формами, новыя комбинаціи, вызываемыя новыми условіями жизни.

Начало реакціи насильственному придумыванію «новыхъ формъ», заразившему, кстати сказать, весь земной шаръ и до сихъ поръ очень распространенному, увы, на родинѣ классическаго

стиля—въ Италіи—положило опубликованіе матеріаловъ, увлекшихъ сначала небольшой кругъ лицъ, а затѣмъ и широкую образованную публику.

Слѣдствіемъ новаго отношенія къ этимъ старымъ матеріаламъ явилась потребность въ спеціальномъ органѣ, какимъ и стали «Художественныя сокровища Россіи», а за ними «Старые Годы», продолжавшіе ту же агитацію и создавшіе нео-ампирное увлеченіе. Книги подъ редакціей Грабаря и многія другія изданія—уже опредѣленно записали и этотъ матеріалъ на страницы исторіи искусствъ. Одновременно при ученыхъ обществахъ возникли комиссіи по охранѣ Стараго Петербурга; образованъ былъ даже музей этого имени. Тѣмъ временемъ воображеніе зодчихъ, утомленное безпокойной формой и придуманнымъ, неуравновѣшеннымъ, сложнымъ украшеніемъ—искало отдыха на гладкой стѣнѣ, лишь кое-гдѣ, какъ ювелирнымъ украшеніемъ, оттѣненной орнаментомъ.

Успѣхъ новаго теченія въ зодчествѣ, соотвѣтствовавшій этому желанію классическаго упрощенія, былъ полный. Зодчіе, только что руководившіе новѣйшими теченіями, или совсѣмъ должны были уступить дорогу инымъ, чтобы не быть заподозрѣнными въ провинціализмѣ, или перемѣнили свои вѣрованія. Повысившіяся, въ избранномъ и интересующемся искусствомъ обществѣ, общія требованія къ архитектурѣ понуждали зодчихъ работать, напряженнѣе изучать первоисточники.

Красота «Стараго Петербурга» властно подчинила себѣ новые вкусы; все привносимое позже долго не могло измѣнить этого первоначальнаго характера увлеченія ампиромъ. Новые дома (М. В. Воейковой и А. А. Половцева)—наглядное доказательство этого теченія. Дальше идти было некуда. Побѣда ампира одержана была

полная. Въ наше время, цѣною громаднаго труда (при упадкѣ мастерства среди рабочихъ), оказалось возможнымъ сдѣлать все такъ же, какъ дѣлали наши прадѣды. Въ этомъ и заключалось значеніе первыхъ отвѣтовъ: надо было поставить вѣхи, смотря на которыя можно было пойти правильнымъ путемъ къ достиженію новой классической красоты въ современномъ строительствѣ.

Однако, это «врачеваніе» упрощеніемъ должно скоро закончиться; иначе средства, обращенныя въ цѣль, могли потерять свою силу. До нѣкоторой степени такъ уже и происходитъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ увлеченіе, само по себѣ полезное и даже прекрасное, давшее намъ нѣсколько очень типичныхъ и красивыхъ зданій (напримѣръ, «домъ Скакового Общества», построенный Жолтовскимъ, въ Москвѣ), особняковъ, театральныхъ отдѣлокъ (Palace Théâtre) и выставочныхъ павильоновъ, но гораздо больше—неосуществленныхъ проектовъ (хотя бы—проекты «Бородинскаго моста» и «Музея», «Государственнаго банка» на Михайловской пл. и «Николаевскаго вокзала»—И. А. Фомина),—это увлеченіе рискуетъ, становясь дилетантскимъ, т. е. не основывающимся на первоисточникахъ, постепенно пріобрѣсти характеръ наивной подражательности. Сначала ампиристы заботились только о формахъ, деталяхъ, колоннадахъ и не считались съ необходимымъ для общаго вида зданія все тѣмъ же вѣчнымъ закономъ равновѣсія,—отсутствіе его проистекало отъ асимметріи. Далѣе, заполняя стѣны доходныхъ домовъ ампирными деталями, забывали о необходимыхъ въ этихъ случаяхъ углубленіяхъ, т. е. о приданіи зданію рельефа: уснащали фасады, какъ живописною росписью, недопустимо плоскими наличниками, фронтонами, слѣпыми нишами и, казалось, сдѣланными изъ

папье-маше орнаментами... Такимъ образомъ, не только не соблюдалось равновѣсіе всѣхъ частей зданія и упущенъ былъ изъ виду необходимый рельефъ фасада, но отпалъ и главный принципъ въ художественномъ зодчествѣ: понятіе о трехъ измѣреніяхъ, какъ объ основѣ зодчества, противополагающей его декоративному плоскостному искусству.

До проведенія въ жизнь этихъ законовъ зодчества, постройки еще не имѣли классическаго облика, да и слишкомъ большая театральность и декоративность стремленій, бывшая въ этомъ ампирѣ, лишала ихъ права на то, чтобы стать на-ряду съ тѣми, что отличаются именно прекрасною ясностью и гармоніей. «И съ этимъ классицизмомъ произошло то же, что со всѣми стилями XIX вѣка,—говоритъ А. Бенуа,—рѣдкій ампиристъ шелъ къ первоисточникамъ, изучалъ природу ихъ, впитывалъ въ себя ихъ указанія, ассимилировалъ ихъ. Довольствовались позаимствованіемъ, механической склейкой разныхъ мотивчиковъ». «Но такой ампиръ былъ не лучше Наполеона III и готики Николая Павловича, такой классицизмъ, просуществовавъ десять лѣтъ, развратилъ публику и потомъ грозилъ такъ опротивѣть, что, пожалуй, тоновскій русскій стиль показался бы намъ скоро прекраснымъ».

И все же эта подражательность, доходящая почти до копировки, была терпима, даже нужна, для воспитанія глаза на образцахъ; благодаря ей постепенно возродился вкусъ къ простой гладкой поверхности, къ несложной разбивкѣ фасада, и установилась необходимость прочувствованія трехъ измѣреній. И постепенно декоративныя ампирныя увлеченія смѣняются традиціей, преисполненной еще болѣе строгаго вкуса; пробуждаются симпатіи вообще къ итальянской классикѣ времени начала ренессанса и его завершенія.

Для развитія новаго зодчества, помимо жизненныхъ вопросовъ, были еще важны и нѣкоторыя силы, вліяніе которыхъ распространялось отъ «книжныхъ» впечатлѣній. Для зодчихъ въ ихъ развитіи сыграло большую роль то пониманіе и познаніе формъ (послѣ первоначальнаго увлеченія классицизмомъ), которые дали увражные матеріалы. Книгами зодчихъ XVI—XIX стол., твореніями Палладіо, Серліо, Скамоцци, Иниго Джонса занялся первымъ И. В. Жолтовскій. Произведенія французскихъ мастеровъ (Ledoux, Louis, Peyre, de Wailly) и матеріалы нѣмецкаго издѣлія особенно у насъ, въ Петербургѣ, имѣли большое распространеніе и отразились также на формахъ новаго зодчества (особенно—Ф. И. Лидваля). Историческая выставка архитектуры 1911—1912 г.г., несомнѣнно, еще болѣе закрѣпила симпатіи къ работѣ въ направленіи нашего классицизма, а постоянныя командировки молодыхъ зодчихъ за-границу—приблизили наше новое творчество къ образцамъ классическаго ренессанса. Паломничество въ городъ Палладіо—Виченцу, начатое Жолтовскимъ, не прошло даромъ для исторіи эволюціи зодчества «Новаго Петербурга».

«И теперь,—говоритъ П. Муратовъ,—какъ въ области живописи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тѣ самые художники-болонцы, которые еще въ 70-хъ—80-хъ годахъ считались лучшими мастерами, были развѣнчаны совсѣмъ, а художники-примитивы кватроченто уже не столь интересуютъ современную молодежь». Такъ и въ архитектурѣ—идеалы Алессіо, Сансовино и Бернини замѣняются классическими ученіями Серліо и Скамоцци.

Вкусъ извѣстнаго времени всегда съ удивительною послѣдовательностью выискиваетъ въ другихъ эпохахъ близкіе ему и его запросамъ идеалы. И теперь устанавливаются понемногу пропорціи и формы именно того періода ренессанса, который отличается пре-

красною ясностью, логическою простотою формъ, деликатными деталями и опредѣляется общимъ названіемъ классическаго.

Сладчайшихъ линій дворцы и виллы Палладіо въ Виченцѣ, Веронскіе palazzi, звучащія колоколами, кампанилы и розоваго мрамора церковные венеціанскіе фасады, подернутые теплымъ золотомъ времени, прохладные лоджеты Піенцы и сводочные коридоры городовъ Тосканы—не покидаютъ воспоминанія новыхъ зодчихъ. Постепенно создаются этапы, отправляясь отъ которыхъ зодчество будущаго съ несомнѣнностью придетъ къ такому состоянію, которое потомки наши назовутъ новымъ расцвѣтомъ классицизма. Все крѣпнетъ молодое поколѣніе и воспитывается уже цѣликомъ въ атмосферѣ изысканнаго вкуса, не знаетъ усталости борьбы и разочарованій непризнанія, и путь къ работѣ имъ очищенъ.

И тѣмъ не менѣе—только жизнь, болѣе богатая и образная,—жизнь, которая выдвинула бы новыя темы захватывающаго интереса, только новая жизнь могла бы создать новые типы строительства, сформированія котораго такъ жаждутъ молодые таланты, ищущіе приложенія своихъ силъ...

Глава вторая.

I.

Въ 1803 году Реймерсъ писалъ:

«Ст.-Петербургъ, нынѣшняя столѣтняя столица русскихъ самодержцевъ, благодаря прелести своихъ прекрасныхъ эспланадъ,

возвышается среди всѣхъ многолѣтнихъ старшихъ сестеръ своихъ, какъ красивый цвѣтущій ребенокъ среди стариковъ».

Съ тѣхъ поръ прошло еще сто лѣтъ въ исторіи Петербурга. И снова онъ представляется намъ «младенцемъ»—хотя уже далеко не цвѣтущимъ—среди другихъ европейскихъ городовъ. Правда, у насъ цѣло еще,—хотя частью и исчезаетъ,—наслѣдіе XIX вѣка, но что намъ дало наше время? Ни одной хорошо спроектированной площади, ни одного грандіознаго сооруженія.

Если въ началѣ XIX столѣтія Пушкаревъ имѣлъ основаніе жаловаться на то, что «въ архитектурѣ уже было непостоянство, и англійскій, нѣмецкій и греческій стили можно было видѣть только на домахъ частныхъ владѣльцевъ, по желанію которыхъ архитекторы принуждены были соединять древнее съ новымъ и аѳинскій вкусъ съ нѣмецкимъ среднихъ вѣковъ», то въ началѣ XX столѣтія этотъ эклектизмъ развился настолько, что по сравненію съ современнымъ разнообразіемъ стилей типъ архитектуры минувшаго представляется намъ чрезвычайно устойчивымъ.

Даже построенныя въ самыхъ разнородныхъ вкусахъ зданія кажутся намъ теперь полными какого-то общаго выраженія, и «николаевская готика» удивительно напоминаетъ суровостью и казеннымъ оттѣнкомъ вычерченныхъ по шаблону деталей и профилей «поздній» классицизмъ или «ранній» русскій стиль. И арсеналъ или почтовая станція въ стилѣ faux gothique, и усадьбы въ англійскомъ стилѣ, и присутственныя мѣста или гауптвахты въ нео-грекѣ, и соборъ или часовня въ тоновскомъ, національномъ, стилѣ, и даже надгробія въ романовскомъ—всѣ были какъ-то похожи другъ на друга...

А что сказали бы Реймерсъ или Пушкаревъ въ наше время, когда на одной и той же площади строятъ и въ ампирѣ, и въ

Тосканскомъ стилѣ, и въ «Людовикѣ XVI», и въ барокко... Строятъ въ самыхъ разнообразныхъ стиляхъ не только частныя, но и государственныя зданія: залъ Публичной Библіотеки, зданіе Управленія Сберегательныхъ Кассъ, Политехническій Институтъ и т. д.

Наиболѣе значительныя постройки не схожи между собою даже общими основными пріемами композиціи. И это стремленіе каждаго строителя—выразить свое пониманіе современнаго зданія или историческаго стиля—является тою помѣхою, которая препятствовала до сихъ поръ выработкѣ въ нашей архитектурѣ одного опредѣленнаго теченія, что отражалось и на цѣльности характера всего города.

Поэтому-то мы должны съ большою радостью отнестись къ тѣмъ новымъ стремленіямъ въ новѣйшей (1910—1914 г.г.) архитектурѣ, которыя обѣщаютъ намъ именно обобщенную застройку нашихъ площадей и улицъ, образованіе цѣлыхъ «кусковъ» города, подобныхъ тѣмъ, которые получаются такъ часто, напримѣръ, въ Парижѣ, благодаря строго установившемуся общему пріему композиціи, благодаря выбору одного излюбленнаго стиля—для всѣхъ построекъ. Такимъ стилемъ въ Парижѣ издавна является Louis XVI; у насъ могъ бы быть использованъ иной стиль... или же надо выработать свой стиль, который наиболѣе подходилъ бы къ современнымъ задачамъ и соотвѣтствовалъ бы новымъ строительнымъ матеріаламъ. Кажется, что такимъ стилемъ, вполнѣ отвѣчающимъ стремленію пользоваться для обработки зданій исключительно подлинными матеріалами и соотвѣтствующимъ условіямъ эстетики и комфорта нашего времени,—является вообще италіанская классика, т.-е. формы архитектуры ранняго Возрожденія. Подходящимъ являлся бы и стиль конца ренессанса, но того «классическаго» его отвѣтвленія, которое боролось съ

направившимися по иному пути архитектурными теченіями, приведшими къ барокко. Наконецъ, развѣ не умѣстенъ былъ бы и стиль того возрожденія классики, которое наступило во второй разъ въ XVIII столѣтіи. Этотъ стиль отвѣчалъ бы и топографіи и виду Петербурга, выработавшемуся годами, и характеру его прежнихъ построекъ; онъ удобно примѣнимъ къ разбивкѣ фасадовъ на этажи, къ созданію эффектныхъ, но спокойныхъ площадей и эспланадъ, и, наконецъ, онъ соотвѣтствовалъ бы современному вкусу къ красивой архитектурѣ, основанному на традиціяхъ стараго искусства.

II.

Итакъ—архитектура «пассеизма»?

Не правда ли, какъ странно? Въ то самое время, какъ живопись,—искусство, въ сущности, столь мало связанное съ жизнью (у насъ, въ современной Россіи, особенно!),—стремится къ какимъ-то невѣдомымъ далямъ—архитектура, несмотря на многіе новые матеріалы, несмотря на неожиданно получающіяся своеобразныя формы построекъ, находитъ, однако, возможность идти въ глубь исторіи и черпаетъ силы у давно минувшихъ первоисточниковъ. И такая архитектура отъ «пассеизма» пользуется признаніемъ, болѣе того—безспорнымъ успѣхомъ. И не только въ Россіи, но и въ Швеціи, и въ Даніи. Примѣчателенъ успѣхъ, который имѣютъ и многочисленныя новыя книги, посвященныя архитектурной старинѣ, и, вообще, наблюдаемый повсюду интересъ къ изученію памятниковъ старины.

Страннымъ можетъ представиться, однако, это отчужденное положеніе «новаго» зодчества. Откуда эта оторванность архитек-

туры отъ эволюціи формъ искусства? Повидимому, эта любовь къ «старинѣ», наблюдаемая какъ въ зодчествѣ, такъ и въ прикладномъ искусствѣ, объясняется тѣмъ, что, послѣ всѣхъ неудачныхъ попытокъ въ 90-хъ годахъ минувшаго столѣтія, къ этимъ «новшествамъ» наступило по-просту отвращеніе, такъ какъ очевидно, что послѣднія касались и касаются не существа, а лишь внѣшней формы зданій, лишь украшеній и различныхъ мелкихъ издѣлій.

III.

Недавно еще обновленіе формъ выражалось въ одновременныхъ исканіяхъ и въ живописи, и въ зодчествѣ, и въ пластикѣ. Изгибамъ архитектурныхъ линій и установкѣ массъ новыхъ зданій соотвѣтствовали вполнѣ и рисунокъ Густава Климта, и краски Гогена, и психологическая сущность полотенъ Мунка, и наполненныя огненнымъ трепетомъ новыя слова Пшибышевскаго, и переливы Копенгагенскихъ фарфоровыхъ издѣлій, и золотисто-зеленый блескъ вазочекъ Тиффани. Но эти традиціи въ Россіи были столь шатки, что два-три описанія классическихъ построекъ подмосковныхъ создаютъ увлеченіе архитектурными идеалами эпохи empire, сразу исключаютъ зодчество изъ общаго всѣмъ остальнымъ формамъ искусства стремленія и направляютъ его на иной путь.

Однако, несмотря на странность этого явленія, сочувствіе новымъ идеаламъ, бывшимъ лѣтъ 10 тому назадъ въ разныхъ отвѣтвленіяхъ искусства, уже нѣсколько различными, было еще терпимо. Правда, возрождается и любовь ко всякой «старинѣ», въ томъ числѣ и къ старинной живописи, но и на фонѣ обработанной въ стилѣ empire стѣны можно было любоваться портретомъ

работы К. Сомова или Л. Бакста, въ лѣпныя обрамленія можно было удачно вставить пано работы К. Богаевскаго или увидѣть на плафонѣ живопись Е. Лансере. Даже въ національномъ русскомъ ретроспективизмѣ понятно было обновленіе формъ (въ трактовкѣ А. Щусева или В. Покровскаго).

Но вотъ сейчасъ въ зодчествѣ исканіе первоисточниковъ передвигается въ еще болѣе отдаленныя эпохи. Столѣтній юбилей дѣятельности Захарова, Тома де Томона, Воронихина—застаетъ насъ на порогѣ изученія тѣхъ же первоисточниковъ, которыми руководствовались и мастера расцвѣта классицизма въ Россіи. И постепенно отъ Палладіо, Микеле-санъ-Микеле и Антоніо да Сангалло Старшаго мы переходимъ къ подлинникамъ античной эпохи. При этомъ нравятся и архаизованныя, опрощенныя формы храмовъ Пестума и Сициліи, и барочная трактовка античныхъ стилей (римская архитектура)... Во всякомъ случаѣ вторичная перефразовка «ампирныхъ» началъ уже наскучила и стала дѣломъ провинціальныхъ инженеровъ. Въ Петербургѣ зданія такого рода, какъ, напримѣръ, новый домъ Общества Инженеровъ Путей Сообщенія (на Бородинской ул.), являются уже анахронизмами.

Итакъ, слѣдовательно, въ то время, какъ живопись ищетъ «новыхъ» идеаловъ, внѣ всякихъ основъ и традицій и лишь въ одномъ стремленіи дать искусство, соотвѣтствующее эпохѣ автомобиля, телефона, кинематографа и т. п., дѣйствительно новая архитектура, обслуживающая именно современныя потребности—въ возведеніи банковъ, народныхъ домовъ, авто-гаражей, рынковъ и телефонныхъ станцій,—находитъ возможность прекрасно и вдумчиво пользоваться традиціями былого.

Не очевидна ли отсюда натянутость и нежизненность новыхъ стремленій въ живописи? И съ другой стороны—не вытекаетъ ли

отсюда и возможность использованія старыхъ формъ всѣмъ современнымъ искусствомъ? Постараемся сейчасъ показать это на примѣрахъ.

Въ связи съ употребленіемъ различныхъ архитектурныхъ матеріаловъ (камень, песчаникъ, гранитъ, мраморъ или бетонные массивы, дающіе возможность полученія крупныхъ мощныхъ деталей, напримѣръ—при рустовкѣ стѣнъ) усилилось примѣненіе итальянскихъ первоисточниковъ, а это вытѣснило не только мелкія и дряблыя ренессансныя детали, не только штукатурные и всегда какъ будто немного бутафорскіе отзвуки ампира, но и модернистскіе изгибы тягъ и струнъ желѣза. Фасады дворцовъ, построенныхъ Микеле-санъ-Микеле и другими древними зодчими, облицованные камнемъ, вполнѣ подходятъ, какъ первоисточники, для современной композиціи, и теперь эти формы берутся не только для общаго мотива, но и какъ образцы для самаго métier отдѣлки: рисунокъ баллюстръ, обработка руста, точнѣйшая передача профиля карниза,—и не по чертежу, а по снимкамъ съ натуры,—вотъ новый способъ использованія старинныхъ образцовъ, отличающій вообще работу нашихъ современниковъ отъ творчества зодчихъ второй половины XIX вѣка.

Дома, спроектованные архитекторомъ В. А. Щуко (Каменноостровскій пр., № 63—65), были первыми классическими сооруженіями въ новомъ смыслѣ этого слова, причемъ не только общія формы, но и детали ихъ были заимствованы у первоисточниковъ и приложены къ новымъ условіямъ доходнаго дома.

Вмѣстѣ съ этимъ, выполненіе начинаетъ играть огромную роль: важно не только какъ спроектировать, но и какъ выработать детали, причемъ нерѣдко значительная доля прелести

новыхъ зданій заложена именно въ этой тщательности выполненія.

Въ отличіе отъ прежнихъ построекъ (ампирныхъ), въ новыхъ зданіяхъ чувствуется италіанскій характеръ. Два вышеупомянутые дома Щуко сыграли значительную роль въ дальнѣйшемъ развитіи формъ нашей архитектуры. Прѣсными, скучными показались теперь многіе, отдѣланные даже въ «строгомъ» ампирѣ, фасады (напримѣръ, на томъ же Каменноостровскомъ проспектѣ д. № 57). Всѣ ихъ детали словно надуманы, и только домъ Воейковой на Каменноостровскомъ проспектѣ по-прежнему остается хотя и не одинокимъ, но лучшимъ примѣромъ удачнаго примѣненія ампира къ жилому дому (разбивка фасада на 6 этажей.)

Правда, у насъ и прежде еще были возведены постройки въ стилѣ классическаго оттѣнка италіанскаго ренессанса (проводникомъ такихъ теченій былъ архитекторъ Быковскій, построившій въ Петербургѣ домъ Охотникова у Николаевскаго моста), но тогда было совсѣмъ иное пониманіе ренессанса, выполненіе было небрежнымъ, а потому и зданія теряли много отъ такого отношенія къ структурѣ стиля, къ его деталямъ, но вотъ за домами Щуко слѣдуютъ уже и Палладіанскіе фасады дома, сооруженнаго Лялевичемъ (на Пантелеймонской ул.), и даже на глухихъ улицахъ воздвигаются постройки классическія, италіанизованныя (какъ, напримѣръ, дома на Кронверкскомъ проспектѣ, въ Пермскомъ переулкѣ, на углу Съѣзжинской и Татарскаго переулка). Отдаленно, но все-таки напоминаютъ ренессансъ и нѣкоторые дома, построенные Лидвалемъ.

Наконецъ, воздвигаются зданія классическаго характера, безъ всякаго ампирнаго привкуса, но со специфическимъ оттѣнкомъ національной трактовки классики. Напримѣръ, въ ротахъ Измай-

ловскаго полка одинъ домъ выстроенъ въ нѣмецкомъ классицизмѣ, въ типѣ построекъ Потсдама; онъ украшенъ высокими фронтонами, особой разбивкой ордера и установкою статуй; другой, по удачному проекту Л. А. Ильина,—въ стилѣ Людовика XVI.

IV.

Благопріятныя условія для развитія современнаго строительства очень незначительны. Они выражаются, главнымъ образомъ, въ требованіяхъ болѣе умѣлой и уютной, но зато менѣе нарядной и парадной планировки квартиръ и комнатъ. Часто старыя сооруженія были очень плохо освѣщены или неуютны. Точная копировка пропорціи и размѣровъ старыхъ покоевъ вноситъ въ современныя сооруженія неуютность. Напр., очень красивыя узкія высокія окна третьяго этажа дома М. А. Воейковой на Каменноостровскомъ проспектѣ создали этотъ неуютный «холодокъ простора», напоминающій объ intérieur'ахъ Зеленцова. Между тѣмъ находящійся напротивъ домъ Россійскаго Страхового Общества, съ выступающими между колоннами уютными эркерами, удовлетворяетъ больше современнымъ обывательскимъ требованіямъ.

Любопытны новые пріемы современнаго строительства въ трактовкѣ новаго доходнаго дома, какъ особняка, увеличеніемъ пропорціи и введеніемъ въ трехъэтажныя членения — пяти и шести этажей. Домъ Воейковой какъ разъ представляетъ примѣръ такого разрѣшенія вопроса: портикъ захватываетъ три-четыре этажа и его фронтонъ перекрываетъ собою каждый отдѣльный фасадъ всего зданія.

Подъѣзды между двумя крылами доходнаго дома, прежде перекрываемые аркой (Пантелеймонская 13, Кирочная 34 и др.), теперь трактуются менѣе тріумфально, но обрабатываются красивыми сводами, подпертыми рядомъ колоннъ. Впервые этотъ пріемъ былъ примѣненъ архитекторомъ Жолтовскимъ въ особнякѣ Тарасовыхъ въ Москвѣ—пріемъ Генуэзскій или Виченцскій и характерный для дворцовъ Алессіо, Палладіо, Скамоцци. Въ Петербургѣ онъ удачно примѣненъ въ домѣ гр. Толстого на Троицкой улицѣ, въ домѣ Нобеля на Выборгской сторонѣ и въ домѣ Эмира Бухарскаго на Каменноостровскомъ пр. Этотъ типъ вестибюльныхъ подъѣздовъ очень подходитъ къ особняку, такъ какъ даетъ возможность подъѣзжающимъ въ экипажѣ не проходить подъ открытымъ небомъ до парадной двери; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаются и нелѣпыя пристройки тамбуровъ, подъѣздовъ, и весь домъ пріобрѣтаетъ извѣстную торжественность.

Къ числу вносимыхъ въ петербургское строительство за послѣднее время новыхъ деталей относятся мансарды, но обработка ихъ до сихъ поръ часто неудачна. Въ Парижѣ всѣ дома снабжены этими надстройками, и у насъ же хороши мансарды, лишь удачно замаскированныя или просто закрытыя парапетомъ (домъ ПГ. «Торговаго Банка», домъ «Россійскаго Страхового Общества» на Каменноостровскомъ пр., домъ Страхового Общества «Саламандра»); мансарды, выдѣляющіяся сбоку, нарушаютъ спокойный силуэтъ сосѣднихъ зданій съ пологими крышами. Для «Новаго Петербурга», несомнѣнно, это не находка, и мансарды, быть можетъ, должны быть оставлены.

Къ числу новыхъ матеріаловъ относится искусственный мраморъ, отлично подкрашиваемый, напримѣръ, въ интенсивно-желтый цвѣтъ (домъ Воейковой); онъ имѣетъ прекрасный видъ, держится

значительно лучше штукатурки и допустимъ для Петербурга, благодаря своему сходству съ тѣми свѣтлыми колерами (гриделеновый, фисташковый, оранжевый), которыми покрывались старыя зданія. Примѣненіе мрамора допускалось въ Старомъ Петербургѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда матеріалъ этотъ былъ свѣтелъ (Мраморный дворецъ). Всѣ прочіе, лучшей архитектуры, дома и даже дворцы—штукатурные. И не изъ экономическихъ соображеній владѣльцевъ, а по волѣ зодчаго, хотя знавшаго, что близъ Петербурга находятся богатѣйшія залежи всякихъ породъ камня, однако не примѣнявшаго ихъ для своихъ работъ: свѣтлые тона штукатурки, при большей частью темномъ петербургскомъ небѣ, выдѣляются значительно лучше желтаго камня и даютъ жизнь и рельефъ зданіямъ. Поэтому искусственный мраморъ—едва ли не самый удачный новый матеріалъ для облицовки петербургскихъ зданій, такъ какъ обладаетъ прочностью и хорошо принимаетъ свѣтлую окраску (при томъ условіи, конечно, что нѣтъ свѣтлаго камня-известняка, наиболѣе художественнаго облицовочнаго матеріала).

Примѣненіе желѣза еще почти не давало удачныхъ въ художественномъ смыслѣ результатовъ: окна магазина Гвардейскаго Экономическаго Общества—жестки по рисунку, даже домъ Юнкера испорченъ металлическимъ переплетомъ рамъ, а рамы въ аркахъ новооткрытаго дома Мертенса уменьшаютъ красоту его каменнаго фасада.

Къ слову сказать, современная потребность въ магазинахъ испортила не одинъ домъ. Неудачна обработка магазиновъ въ домахъ Воейковой и Быховскаго. Но все же найдена была возможность въ домѣ Россійскаго Страхового Общества (арх. Ю. Ю. Бенуа совмѣстно съ Альбертомъ Н. и Леонтіемъ Н. Бенуа)

такъ ввести окна магазиновъ въ цокольный этажъ, что они стали почти незамѣтными, особенно подъ выпуклою колоннадою.

Въ общемъ почти во всѣхъ новыхъ постройкахъ отмѣтить надо злоупотребленіе деталировкой. Домъ Воейковой выдѣляется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что простая гладкая стѣна его не перегружена орнаментомъ; послѣдній введенъ осторожно, лишь какъ самое рѣдкое и дѣйствительно цѣнное украшеніе. Домъ Россійскаго Страхового Общества на Каменноостровскомъ проспектѣ, наоборотъ, теряетъ отъ нѣкоторой измельченности орнаментальныхъ деталей. Съ другой стороны, иногда эти детали ненужно-грубы своею нарочитостью, при общемъ классическомъ пріемѣ и при совершенно стройныхъ, даже скорѣе нѣжныхъ, профиляхъ карнизовъ (фигурныя детали Азовскаго банка, домъ Кредитнаго Общества на Садовой). Конечно, излишне-слащавая и нѣжная обработка также нежелательна въ зодчествѣ, но неумѣстенъ и подчеркнутый архаизмъ (скульптура Кузнецова). Иначе почему бы не дѣлать грубѣе и части изъ желѣза, а что же сталось бы съ деревянной рѣзьбой? Между тѣмъ, на старыхъ примѣрахъ мы видимъ какъ разъ обратное. Въ прекрасныхъ своею гармоничностью фасадахъ классицизма, подчасъ суровыхъ и массивныхъ, детали изысканно-нѣжны и, какъ ювелирныя части, чеканены рѣшетки балкончиковъ. И все-таки достигнуты большіе успѣхи. Сравненіе архитектуры даже такого типа зданій, какъ скэтингъ-ринки или рестораны (Вилла Родэ), залъ новаго Донона, ресторана I-го Товарищества, «Palace Théâtre'a» съ той шаблонной «ренессанщиной», которая царила въ этой области строительства во время передѣлокъ Маріинскаго театра и Консерваторіи, показываетъ намъ, конечно, что эволюція архитектурныхъ вкусовъ, знаній и запросовъ, предъявляемыхъ заказчиками, идетъ въ хорошемъ направленіи

и, повидимому, уже близко то время, когда архитекторъ займетъ достойное мѣсто и авторитетъ его, такъ павшій въ послѣднія десятилѣтія XIX-го вѣка, будетъ возстановленъ.

Такіе зодчіе, какъ Фоминъ, Щуко, Лансере, Лидваль, Лялевичъ, Дмитріевъ, Тамановъ и другіе, конечно, оправдаютъ возлагающіяся на нихъ надежды. Имъ предстоитъ большая, трудная борьба. Двѣ-три постройки каждаго изъ нихъ выяснили уже вполнѣ физіономію этихъ строителей. Всѣ надежды Новаго Петербурга—на нихъ и на молодое подрастающее поколѣніе, идущее по стопамъ этихъ учителей.

Познакомимся сначала подробнѣе съ индивидуальнымъ дарованіемъ отдѣльныхъ мастеровъ, а затѣмъ совершимъ прогулку по Петербургу и отмѣтимъ все то, что является выдающимся и вошло въ созданіе «Новаго Петербурга».

Глава третья.

I.

Въ нашемъ изслѣдованіи мы подошли близко къ характеристикѣ современныхъ зодчихъ, обстраивавшихъ Новый Петербургъ зданіями въ духѣ Стараго Петербурга или опредѣленно вернувшихся къ традиціямъ итальянскаго большого классицизма. Первое теченіе представляетъ уже давно И. А. Фоминъ; позже вышли на этотъ путь А. А. Ильинъ и А. И. Дмитріевъ. Второй путь начатъ былъ В. А. Щуко и продолженъ М. С. Лялевичемъ, М. М. Перетятковичемъ и Ф. И. Лидвалемъ. Но все-таки раньше всѣхъ на этотъ второй путь вышелъ И. В. Жолтовскій. Еще въ бытность свою ученикомъ Академіи Художествъ, послѣ увлеченія

«модернomъ» и даже «русскимъ» стилемъ, почти Ропетовскимъ,—Жолтовскій перешелъ, какъ сказано было выше, къ классицизму. Собственно-ампирныя увлеченія остались ему почти чужды; онъ сразу перешелъ къ итальянскимъ образцамъ и занялся итальянской классикой конца XVI-го вѣка.

Въ то время вокругъ царило увлеченіе модернomъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ устраивались еще выставки «Современнаго зодчества». Архитекторъ Ф. И. Шехтель завоевывалъ общія симпатіи. Въ то же время помощникъ его Фоминъ, создававшій вмѣстѣ съ Шехтелемъ архитектуру такого типа, какъ отдѣлка Московскаго Художественнаго театра (какъ неподдѣльно нравилась она въ свое время!), и проектировавшій для выставокъ отдѣлку мебели въ «модернѣ», правда, сдѣланную талантливо и красиво,—съ другой стороны, присматривался уже къ московскому ампиру. Плодомъ этихъ послѣднихъ изслѣдованій Фомина явилась его статья въ журналѣ «Міръ Искусства»,—статья, обратившая вниманіе всего художественнаго и архитектурнаго міра на московскіе памятники этой эпохи. Но въ Москвѣ Фоминъ, какъ зодчій, не оставилъ слѣдовъ своей дѣятельности въ духѣ новой классической архитектуры. Только вернувшись въ Петербургъ и окончивъ Академію Художествъ, онъ опредѣленно отдался строительной дѣятельности. Его поѣздки въ Египетъ и Римъ, на родину учителей, творенія которыхъ своею царственностью и размахомъ были ему ближе всего, еще болѣе убѣдили Фомина въ правильности избраннаго имъ пути. Въ первоисточникахъ римской архитектуры I-го в. до Р. Х.,—отраженныхъ уже санъ-Микеле и Палладіо, а позже и французскими классиками,—Фоминъ находитъ окончательно свой стиль: крупныя, грузныя пропорціи, рустованныя тяжелыя колонны, сильные наличники, обширные фронтоны, лѣса колоннъ

повторяются неизмѣнно на его проектахъ. Также и въ русскомъ классицизмѣ онъ выбираетъ наиболѣе близкую ему дорогу,—напр., чудесный проектъ Бородинскаго музея для Москвы. Отъ проекта курзала, выполненнаго въ простыхъ, гладкихъ и крупныхъ массахъ, въ которыхъ чувствовались все же нѣкоторыя членения, взятыя уже ранѣе Жолтовскимъ (въ домѣ Скакового Общества), Фоминъ переходитъ постепенно къ большей уравновѣшенности и осуществимости своихъ замысловъ. Домъ Половцева, на Каменномъ островѣ, является завершеніемъ перваго періода его творчества. Группы колоннъ, простыя традиціонно-яркія массы, плановые пріемы и прекрасная, тщательная отдѣлка залъ и комнатъ (ранѣе трактованныхъ Фоминымъ въ слегка модернизованномъ духѣ) дѣлаются здѣсь вполнѣ классичными.

Увлекаясь самыми разнообразными темами конкурсовъ (курзалы, лечебницы, мосты, церкви), Фоминъ особенно удачно разрабатывалъ и осуществлялъ памятники,—напр., въ Петербургѣ—памятникъ Маціевичу на Александро-Невскомъ кладбищѣ, въ видѣ высокой простой гладкой колонны, съ увѣнчивающею ее урной. Многимъ проектамъ его, мало оцѣненнымъ, къ сожалѣнію, не суждено было осуществиться. Когда-нибудь поймутъ эту ошибку,—красота произведеній Фомина безусловна и такъ слитна со всѣмъ тѣмъ, что заключается уже въ основахъ Стараго Петербурга, что не использовать этого мастера—непростительно! Но искусство Фомина совершенно не соотвѣтствуетъ современному экономическому духу расчетливости и мелочности, современной дешевкѣ и дурному выполненію, и это, конечно, мѣшаетъ ему отдаться строительству доходныхъ домовъ... Такъ, задуманной имъ, по очень широкой программѣ, застройкѣ цѣлой части города (Островъ Голодай) повыми доходными домами и иными сооруженіями, ко-

торыя вмѣстѣ образовали бы цѣлые кварталы новаго города, цѣликомъ основаннаго на прекрасныхъ традиціяхъ и осуществленнаго такъ, что ни одна деталь не разбивала бы впечатлѣнія общаго,—не суждено было сбыться. Меценатства, необходимаго для того, чтобы не считаться съ недоходными пропорціями зданій Фомина, трудно ждать со стороны недальновидныхъ предпринимателей, не учитывающихъ того, что сама красота, которая могла бы быть создана «ансамблемъ» Фомина, также могла бы быть когда-нибудь использована и матеріально! По этому проекту новаго квартала на Островѣ Голодаѣ—отъ одной полукруглой площади, въ 50 саженъ радіусомъ, улицы должны идти лучеобразно, а зданія, образующія площадь, соединены арками, упирающимися на цѣлый лѣсъ колоннъ. Осуществленію этой грандіозной программы Фомина помѣшала расчетливость предпринимателей, ограничившихся пока возведеніемъ изъ всего «ансамбля» только одного дома. По обработкѣ болѣе обыденныя, но приноровленныя къ характеру квартала, зданія, выстроенныя здѣсь же Лидвалемъ, значительно болѣе удовлетворили заказчиковъ, и поэтому послѣднимъ построено цѣлыхъ 10 домовъ, которые, конечно, уже значительно исказили намѣченную Фоминымъ программу. Только одинъ домъ удалось довести Фомину до конца даже въ отдѣлкѣ,—бѣлоколонный фасадъ его, очень благородныхъ пропорцій, пріятно выдѣляется среди зелени деревьевъ.

Какъ бы то ни было, строительство дворцовъ гораздо ближе дарованію Фомина, нежели возведеніе доходныхъ домовъ. Стоящій какъ разъ напротивъ Елагина Дворца и обращенный къ нему соотвѣтственнымъ полукружіемъ домъ-дворецъ Половцевыхъ прекрасно утвердился на своемъ «отвѣтственномъ» мѣстѣ, какъ будто онъ и впрямь современенъ творенію Росси! Прекрасный и мощ-

ный въѣздной порталъ другого фасада подчеркивается нѣжною колоннадою боковыхъ низкихъ крыльевъ; въ іоническомъ ордерѣ ея много пышности и граціи. Украшающихъ деталей нѣтъ почти никакихъ. Гладкія бѣлыя стѣны оттѣнены лишь этими стройными колоннами... Если менѣе удаченъ фасадъ дома кн. Абамелекъ-Лазарева на Мойкѣ, построеннаго Фоминымъ, то потому, что его портитъ аттика съ ненужными вазами совсѣмъ не въ стилѣ фасада, но поставленными по желанію собственника.

Зато, внутри, какъ и домъ Половцева, дворецъ Лазарева представляетъ изумительную красоту. Не отличимыя отъ intérieur'овъ начала XIX вѣка залы, спальни и гостиныя эти изобличаютъ въ Фоминѣ мастера несравненнаго таланта.

Также отлична отдѣлка комнатъ и въ домѣ Нейдгардта, и Ратькова-Рожнова, и кн. Шаховской, и Голубева и др.

Все болѣе увлекающійся теперь итальянскимъ классицизмомъ, архитекторъ Щуко не чуждъ былъ ранѣе и ампиру. Его конкурсная программа въ Академіи Художествъ (дворецъ намѣстника въ городѣ Дальнемъ) обнаружила въ немъ мастера, вполнѣ разбирающагося въ образцахъ Петербургскаго классицизма. Но нарисованы детали проекта были еще слабо. Послѣ поѣздки въ Италію, для изученія главнымъ образомъ Палладіо въ Виченцѣ и для обмѣровъ въ Мантуѣ твореній Джуліо Романо, Щуко замѣтно итальянизуется, что видно и въ первыхъ проектахъ его для Бурцева, и затѣмъ въ одномъ изъ фасадовъ дома Маркова на Каменноостровскомъ проспектѣ. Второй фасадъ съ чудесными, такъ идущими къ характеру домовъ Каменноостровскаго, лоджетами уже выполненъ въ формахъ Rinascimento; здѣсь же прелестна трактовка орнамента, идущаго поясною рѣзьбою изъ камня. Но одновременно Щуко построилъ и римскій выставочный па-

вильонъ въ духѣ Камероновой Галлереи Царскаго Села, и Турин-скій павильонъ — въ стилѣ Джилярди (арка въ «Кузьминкахъ»). Проектъ Николаевскаго вокзала и Московскаго училища живописи— уже классичны, но не нарочито ампирны.

Значительная художественная культура Щуко дѣлаетъ его хо-рошимъ преподавателемъ, а его графическое умѣніе—рисоваль-щикомъ-декораторомъ.

Но, несомнѣнно, наибольшая заслуга Щуко—въ разрѣшеніи труднѣйшей задачи обработки фасада доходнаго дома. Угло-вой домъ Маркова прекрасенъ именно своею цѣльностью; ордеръ колоннъ проведенъ черезъ всѣ этажи, и даже между раскрѣпов-ками антаблемана включенъ этажъ. Пріемъ «Casa del Diabolo» въ Виченцѣ нашелъ очень остроумное примѣненіе. Детали дома выполнены также вполнѣ удачно. Прекрасны оставляющіе грандіозное впечатлѣніе капители пилястровъ. Менѣе удачны кронштейны балконовъ перваго этажа въ барочномъ, мало идущемъ къ архитектурѣ Палладіо духѣ. Единственнымъ недо-статкомъ является мертвый цвѣтъ облицовки изъ бетонныхъ массивовъ.

Щуко, значительно менѣе монументальному въ характерѣ своего творчества, нежели Фоминъ, не чужды, однако, и очень, большія темы. Боковой фасадъ проекта Николаевскаго вокзала пріятнаго полукружія въ планѣ, развертываетъ красивую перспек-тиву площади.

Отчасти итальянизованнымъ сталъ и Лидваль. Но классицизмъ его не исключителенъ. Ему свойственны «Régence», «Biedermeier» и «Людовикъ XVI» и даже модернистскія достиженія. Впрочемъ, въ порядкѣ развитія его творчества послѣднія тенденціи отошли почти совсѣмъ.

Если Фоминъ въ своихъ исканіяхъ былъ зодчимъ, много перестрадавшимъ теоретически и лично выискавшимъ многихъ авторовъ, новыя пропорціи, то Лидваль, какъ бы разочаровавшись въ увлекавшихъ его вначалѣ финляндско-шведскихъ оригиналахъ, пришелъ къ классицизму не путемъ опыта, а прямо, какъ къ готовому первоисточнику, и сталъ разрабатывать матеріалы, найденные другими. Такимъ образомъ, классическое творчество Лидваля скорѣе явилось продуктомъ создавшейся вокругъ него атмосферы. Азовскій банкъ, теперь нравящійся уже менѣе, казался и ранѣе нѣсколько слабѣе въ деталяхъ. Проще и ближе духу Стараго Петербурга—домъ Кредитнаго Общества, но и онъ выполненъ съ привкусомъ иностраннаго ампира... Впервые итальянизованными у Лидваля явились всѣ фасады огромнаго, съ тремя внутренними проѣздными дворами, дома гр. Толстого на Троицкой улицѣ. Барочный элементъ деталей, обработка арки—еще не безукоризненны здѣсь, хотя сами по себѣ эти вестибюльные проѣзды, украшенные прекрасно обработанными сводами, къ которымъ подвѣшены фонари кованаго желѣза, несомнѣнно, красивы. Непріятны боковые выступы, и въ общемъ домъ лучше при вечернемъ освѣщеніи, когда не видно обработки его мансардъ, а зажженные фонари мерцаютъ въ темныхъ сводахъ проѣзда... Удачно вышли такіе же проѣзды въ домѣ Нобеля на Выборгской сторонѣ; они по формамъ проще и хорошо итальянизированы.

Изъ трехъ названныхъ зодчихъ Лидваль наиболѣе продуктивенъ; онъ строитъ много и въ провинціи, а потому требованія, къ нему предъявляемыя, должны быть особенно велики.

Обработанные по проекту Лидваля фасады новой гостиницы Асторія на Исаакіевской площади отдѣланы по-европейски аккуратно, элегантно, безъ шаржа, въ который нерѣдко впадаютъ

наши архитекторы, не лишены даже пріятности, и если бы гостиница эта построена была гдѣ-нибудь на иномъ мѣстѣ, менѣе отвѣтственномъ, въ смыслѣ сосѣдства съ историческими сооруженіями, и не на одной изъ лучшихъ площадей Петербурга, то можно было бы привѣтствовать это новое сооруженіе. Къ сожалѣнію, общій силуэтъ ея, не вполнѣ внушительный своею архитектурою (хотя и умѣстною для гостиницы), вызываетъ справедливыя нареканія. Хотѣлось бы большей гармоніи общаго силуэта дома съ окружающимъ его архитектурнымъ пейзажемъ; мансардныя перекрытія гостиницы, если на нихъ смотрѣть отъ собора, портятъ видъ площади.

Изъ деталей зданія хороши вѣнки перваго этажа (между магазинными окнами) и украшенія между окнами верхнихъ этажей; слабѣе—обработка наличниковъ; менѣе удаченъ рисунокъ балясины, вѣнчающей балюстрады. «Людовикъ XVI» чувствуется въ характерѣ послѣдняго творчества Лидваля.

Излишнею нѣжностью выработки деталей отличались первыя сооруженія Лялевича. Домъ Покотиловыхъ (на Каменноостровскомъ пр.), скомпанованный въ стилѣ итальянской виллы, былъ непріятенъ именно робостью своихъ пропорцій. Излишне мелко нарисованы были детали. Пріятнѣе въ пропорціяхъ домъ Быховскаго, но какъ жаль, что аркада 3—4 этажей этого дома не открыта, а задѣлана. Только воображеніе подсказываетъ намъ, насколько красивѣе могъ быть домъ, если бы пустое пространство, использованное, напр., для террасъ, открывало широкія арки, которыя внесли бы много разнообразія и живописности въ фасады. У насъ такъ рѣдко соглашаются на подобные эффекты и такъ мало средствъ предоставляютъ нашимъ зодчимъ для осуществленія ихъ замысловъ; конечно, прорѣзанныя

арки внесли бы въ данномъ случаѣ исключительную красивость...

Еще удачнѣе доходный домъ Покотиловыхъ, тоже на Каменноостровскомъ, позади особняка, выполненный въ римскихъ пропорціяхъ. Рустованныя пилястры его вполнѣ удачны. Однако, мощнѣе у этого зодчаго вышелъ фасадъ дома Мертенса на Невскомъ. Какъ бы для избавленія себя самого отъ нѣкоторой хрупкости деталировки, Лялевичъ пригласилъ въ качествѣ скульптора Кузнецова, утвердившагося въ архаическихъ пріемахъ ваянія. Соединеніе этихъ пріемовъ съ композиціей Лялевича дало интересное общее. Замыселъ этого дома очень удаченъ; особенно удачно использованіе всего фасада для аркады внѣ членения его на этажи. Прекрасна обработка верхняго этажа, идущаго надъ аркатурой; красивы орнаментальныя гирлянды, замки арокъ съ изображенными на нихъ скульптурами, не только не излишне крупными (какъ оказалось по удаленіи лѣсовъ), но даже мелковатыми, несмотря на полутора-саженный размѣръ ихъ. Парапетъ дома менѣе пріятенъ, особенно плоха надпись на немъ. Быть можетъ, не нужны были и вставки скульптурныхъ деталей въ ту часть фриза, которая проходитъ въ антахъ; кажется, что она сбиваетъ силуэтъ всей мощной арки. Совсѣмъ приходится пожалѣть о членении металлической конструкціею его окна; она разбила единство фасада, и особенно неудачна перемычка (на уровнѣ фриза ордера), очень узкая, давшая непріятный квадратный замокъ. Конечно, полы 2-го, 3-го и 4-го этажей могли имѣть конструктивную опору и въ стѣнѣ,—въ окнѣ виденъ лишь ихъ профиль,—но неужели нельзя было не дѣлать столь виднымъ разрѣзъ этой системы, и возможно больше спрятать или уменьшить толщину этой рамы (по наружному фасаду)?

Домъ-особнякъ Мертенса на островахъ—не лишенъ традицій стараго добраго времени, столь добраго, что мы можемъ черпать и до сихъ поръ еще всѣ выработавшіяся тогда формы. Вмѣстѣ съ М. М. Перетятковичемъ, Лялевичъ создалъ дѣйствительно сильное и прекрасное звено Новаго Петербурга—Сытный Рынокъ и Городской домъ на Кронверкскомъ проспектѣ.

Ensemble дома (уголъ Невскаго и ул. Гоголя) Вавельберга, построенный недавно умершимъ М. М. Перетятковичемъ,—мало удаченъ. Совсѣмъ печаленъ цвѣтъ стѣнъ, такъ не идущій къ Старому Петербургу, просто не гармонирующій съ нимъ, и едва ли вообще примѣнимый къ петербургскимъ постройкамъ,—темная каменная облицовка очень мрачна и навѣрное не сдѣлается никогда живописной при постоянномъ отсутствіи солнца. Но обработка перваго этажа (банковый залъ) по ул. Гоголя—очень хороша, благодаря примѣненію Флорентинскаго мотива, близкаго къ суровости Микеле Микелоццо, и по содержанію своему чрезвычайно логична. Именно давно пора было, какъ деталь банковаго зданія, ввести такую суровую, но богатую архитектуру, окна заложить до половины комнатъ, а въ иныхъ мѣстахъ—совсѣмъ, и открытыя—зарѣшетить прекрасной простотою своею строгостью итальянской рѣшеткой. Это мѣсто дома—лучшее. Въ сущности, удаченъ проемъ фасада и по Невскому, гдѣ магазинныя окна помѣщены между колоннами, какъ наши гостиные дворы. Надъ ними же идутъ окна изъ мелкихъ арочекъ, для конторъ. Но очень жаль, что не выполненъ былъ до конца этотъ мотивъ, а ради экономіи застеклили эти арки. Орнаментальная обработка являетъ не очень пріятное смѣшеніе романскаго силуэта капителей съ введенными въ нихъ ампирными—съ арки Главнаго штаба—деталями, и лишь воображеніе подска-

зываетъ (какъ и въ домѣ Быховскаго), насколько пріятнѣе было бы свободное пространство между массивными столбами, которое дало бы тѣнь и сочныя углубленія, а вмѣстѣ и рельефъ всему фасаду; несомнѣнно, удобнѣе бы было и осматривать выставки въ окнахъ подъ закрытою галлереею. Боялись затемнить магазинъ? Но, вѣдь, магазины все равно будутъ большую часть года освѣщены электрическимъ свѣтомъ, и существуютъ же Пассажи и Гостиные дворы—подъ арками! По петербургскому климату такіе сводчатые коридоры были бы особенно желательны. Очень хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь изъ зодчихъ, исходя изъ этого мотива, даннаго Перетятковичемъ, попробовалъ сдѣлать аркатуру незастекленною. Неудачна обработка и соотношеніе двухъ первыхъ этажей съ остальною массою дома: она оторвана. Пропорціи оконъ (3—4—5 этажей), начала ренессанса, мало изящны; хотѣлось бы видѣть ихъ болѣе удлиненными, а весь фасадъ—прорѣзаннымъ пилястрами. Торцовый фасадъ еще менѣе пріятенъ своею случайностью и какою-то затиснутостью. Къ упрекамъ автору за примѣненіе къ дому двухъ разныхъ по стилю фасадовъ нельзя присоединиться: такіе примѣры бывали и въ лучшихъ твореніяхъ старыхъ мастеровъ, тѣмъ болѣе здѣсь эта вольность была допустима, такъ какъ оба фасада одновременно почти не видны. Но нѣкоторое не вполнѣ логическое использованіе деталей ренессанса (картуши съ гербомъ Медичисовъ, но съ тремя пилюлями на щитѣ)—неумѣстно. Использованіе этого герба на домѣ банка, какъ простой детали орнамента, оскорбительно для геральдическаго искусства... Охватывая весь фасадъ этого дома общимъ взглядомъ, приходимъ къ заключенію, что зодчій его обладалъ немалыми способностями, но строилъ впервые, до тѣхъ поръ лишь проектировалъ, и вотъ сразу, на одной и той же

постройкѣ, онъ поспѣшилъ примѣнить и формы начала ренессанса, и ампирныя детали, и венеціанскія колонны Палаццо Дожей...

Внутри—отдѣлка очень проста. Залъ простыхъ пропорцій; строгія черныя колонны, богатый рѣзной плафонъ (его детали немного грубоватой работы,—теперь такъ трудно найти художественную рѣзьбу изъ дерева) и люстры—единственныя его украшенія. Дома Страхового Общества «Саламандра» (фасадъ которыхъ проектированъ при участіи Перетятковича)—суховаты въ линіяхъ, но не плохи пропорціями.

Изъ банковыхъ построекъ надо отмѣтить еще фасадъ Сибирскаго банка, построеннаго съ участіемъ архитектора Лялевича; общее пятно изъ пилястровъ задумано здѣсь хорошо, парапетъ удаченъ.

Совсѣмъ отдѣльно стоитъ, въ смыслѣ своего замысла и выполненія, одинъ домъ. Трудно разобраться въ вопросѣ, кто собственно авторъ этого интереснаго дома М. В. Воейковой на Каменноостровскомъ проспектѣ, у Лицея. Возведенный недавно строителемъ его другой домъ, того же владѣльца, на Невскомъ пр., противъ Троицкой улицы, и вся пошлая обработка кинематографа «Форумъ» (на Вас. О-вѣ) краснорѣчиво говорятъ о томъ, что одинъ и тотъ же мастеръ не могъ сдѣлать такъ плохо и такъ хорошо на протяженіи двухъ-трехъ лѣтъ! Не только совсѣмъ иныя пропорціи, иной стиль, но просто недопустима эта эволюція вкуса; два года назадъ архитекторъ построилъ возмутительную безвкусицу, о которой говорили съ негодованіемъ въ архитектурномъ мірѣ, указывая на то, что фасадъ дома испортилъ видъ Невскаго проспекта, и изумлялись, какъ могъ быть утвержденъ подобный проектъ. Домъ Воейковой приводитъ въ изумленіе

своею благородной простотой, логической красотой и такимъ удачнымъ разрѣшеніемъ труднѣйшаго вопроса объ архитектурной цѣльности доходнаго дома. По обработкѣ, домъ очень удачно сочетается съ основнымъ лейтмотивомъ архитектуры Стараго Петербурга. Окраска интенсивно желтаго тона, свѣтящіеся на этомъ фонѣ мощные пилястры, тимпанъ, поражающій своею смѣлостью, прекрасно выполненныя, лишь кое-гдѣ помѣщенныя детали, и хорошія пропорціи окоп бельэтажа—создали выдающееся сооруженіе.

Правда, вспоминается недавно разработанный уже въ такомъ же родѣ мотивъ фасада Музея для Москвы (проектъ Фомина), но здѣсь иныя пропорціи и иное примѣненіе портиковъ.

Говорятъ о большой культурѣ, знаніяхъ и вкусѣ къ строительству самой М. В. Воейковой, будто бы указывавшей при изготовленіи эскизовъ проекта на недостатки и вводившей желательныя ей детали и пропорціи. Если это такъ, то надо только радоваться, что, наконецъ, въ средѣ нашихъ заказчиковъ нашлись не только знающіе цѣнители, но и руководители...

Неудачны въ домѣ: откосъ карниза, чрезмѣрно большой при плоскихъ пилястрахъ (хотѣлось бы примѣнить полуколонны), наличники боковыхъ оконъ у балконовъ, а также—обработка магазинныхъ проемовъ и нѣкоторыхъ деталей дверей, рамъ и т. п., но вѣнокъ, положенный въ тимпанъ фронтона, очарователенъ. Наконецъ, нѣсколько тѣсенъ торецъ фасада. Можно было, уступивъ полъ-аршина земли въ пользу тротуара, дать большее закругленіе углу.

Что же касается «Форума», то здѣсь снова проявлено столько неграмотнаго и допущено столько безвкуснаго, что распространяться объ этомъ «chef d'oeuvre'ѣ» С. Минаша не стоитъ.

II.

На «продолженіи» Большого проспекта (послѣ Каменноостровскаго) есть нѣсколько новыхъ домовъ, въ соединеніи своемъ составляющихъ интересный «кусокъ» новаго города. Вздымающіеся кверху шпицы домовъ, правда, все больше въ стилѣ Шарлоттенбургскихъ, не безынтересны своимъ общимъ видомъ. Вмѣстѣ со своими красивыми разнообразными скверами и увитыми зеленью эркерами и балконами, эти дома представляютъ одну изъ лучшихъ частей Новаго Петербурга. Изъ нихъ достоинъ разсмотрѣнія домъ Кальмейера, построенный архитекторомъ Нидермейеромъ. Отлична, въ Тосканскомъ ордерѣ, его аркатура, приставленная къ дому; нѣсколько перегружены барочные съ разрывомъ по срединѣ наличники оконъ; но пока время не изгладитъ контраста, будетъ непріятно поражать глазъ разница матеріаловъ для колоннъ и для стѣнъ самого дома.

Есть еще нѣсколько новыхъ, менѣе удачныхъ, но вполнѣ благородныхъ и идущихъ къ Новому Петербургу домовъ, выполненныхъ со стремленіемъ къ классической красотѣ, т. е. въ стилѣ ренессанса, Людовика XVI и т. д. На Англійской набережной два такихъ дома, изъ которыхъ одинъ испорченъ слащавыми рѣзными орнаментами, а другой (недавно открытый) членениемъ массъ.

Отличны два доходные дома vis-à-vis на Б. Дворянской улицѣ. Одинъ изъ нихъ въ типѣ д. Кальмейера на Большомъ проспектѣ, но болѣе строгій.

Не плохъ домъ, построенный за Александринскимъ театромъ, однако, онъ заставляетъ пожалѣть о томъ, что зодчій его не хотѣлъ подчинить свою индивидуальность Россіевской и не со-

здалъ новаго дома въ характерѣ тѣхъ, что составляютъ Театральную улицу—одну изъ самыхъ красивыхъ въ мірѣ своею цѣльностью. Не потому ли, именно, уже давно стали такъ портить это мѣсто столицы? Тогда какъ всѣ окружающіе театръ дома слѣдовало бы выдерживать въ тѣхъ же архитектурныхъ формахъ и окрашивать свѣтлою охрою и бѣлилами, здѣсь соорудили, какъ нарочно, одинъ домъ въ «русскомъ» стилѣ, другой въ ренессансѣ и т. д. И послѣдній домъ своею мрачною, сѣрою поверхностью, несмотря на приличныя детали, не заслуживаетъ одобренія.

Пристройка новаго зданія Публичной библіотеки—совсѣмъ не удалась. Зачѣмъ понадобилось дѣлать ее въ такомъ цвѣтѣ и не въ стилѣ со старымъ соколовскимъ фасадомъ?

Въ ордеръ колоннъ были введены суховатыя Виньоловскія пропорціи, вмѣсто сочныхъ пропорцій времени завершенія русскаго ампира, и почему примѣненъ Тосканскій ордеръ, когда рядомъ—Іоническій? Впрочемъ, выполненіе еще хуже композиціи. Стоитъ только сравнить рисунокъ колоннъ этой пристройки и стараго зданія, чтобы убѣдиться въ этомъ...

Надо отмѣтить еще доходный домъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ на Больш. просп. Вас. о-ва—съ полуколоннами, не плохо скомпанованный, хорошій ордеръ дома на Геслеровскомъ проспектѣ (но не банальный фасадъ дома Городского Попечительства), домъ на 8 Рождественской въ стилѣ Louis XV, домъ № 36 на Литейномъ проспектѣ съ отличнымъ дворомъ и обрамляющею его рѣшеткою, домъ на Колокольной улицѣ (№ 8) и такой же посредственный, но приличный огромный домъ на Знаменской улицѣ съ колоннадой отъ 3 до 5 этажа, дома на Фонтанкѣ (у Желѣзнаго моста) съ лоджіями, д. № 72 на Бол. просп. Петр. стороны,

домъ Веге на Крюковомъ каналѣ въ стилѣ Флорентійскихъ palazzi и, наконецъ, оригинальный домъ, построенный архитекторомъ Фомичевымъ на 5 линіи В. О. Онъ расчлененъ ордерами по этажамъ, подобно Венеціанскимъ дворцамъ на Canale Grande. Этотъ, въ сущности, удачный для доходнаго дома пріемъ впервые, кажется, послѣ 80-хъ годовъ примѣненъ у насъ—и удачно. Подобная же разбивка допущена на доходномъ домѣ на Б. Дворянской и на Фурштадской ул.

Изъ общественныхъ сооруженій упомянемъ зданіе Сельско-Хозяйственнаго Института на Каменномъ островѣ въ строгомъ empire'ѣ и корпусъ Психо-Неврологическаго Института.

Новые дома на Васильевскомъ островѣ (12 линія, близъ Большого проспекта), на Николаевской улицѣ (домъ, построенный арх. Алешинымъ) и въ иныхъ мѣстахъ Петербурга (Звенигородская и Мѣщанская ул.) дополняютъ этотъ перечень домовъ, заслуживающихъ упоминанія.

III.

Помимо общеклассическихъ, т. е. не только ампирныхъ, неогреческихъ или французскихъ теченій конца XVIII в. и др., къ облику Стараго Петербурга подходятъ, а потому и могутъ быть связаны съ будущимъ Новымъ Петербургомъ, и барочныя зодческія тенденціи. Этотъ стиль особенно ранняго своего проявленія, какъ перепѣвъ стиля Людовика XIV, времени Петра Великаго, очень подходитъ, напримѣръ, для обработки зданій высокихъ, многоэтажныхъ, съ узкими окнами и дробными членениями. Училищный домъ Петра Великаго, построенный А. И. Дмитріевымъ, очень удачно разработанъ въ Петровскомъ барокко. Прекрасны детали, мелкая рустовка пилястръ и особенно многія орнаменталь-

ныя украшенія, скомпанованныя по эскизамъ Александра Бенуа. Голубая окраска самаго тѣла зданія прелестно гармонируетъ съ бѣлыми деталями лѣпки и тягъ. Въ общемъ силуэтѣ чувствуется нѣсколько неспокойная живописность; можно бы было ограничиться и большею ровностью частей, что дало бы больше равновѣсія зданію, но, вѣдь, вообще оно было единственнымъ пока на Петровской набережной и его общія формы не были приноровлены ни къ какимъ инымъ линіямъ. Въ будущемъ, съ застройкою всего мѣста, будемъ надѣяться, что этотъ неспокойный силуэтъ станетъ менѣе замѣтенъ... Какъ жалко, вообще, что этотъ кусокъ города не получилъ предварительной общей разработки своего плана! Изъ него могъ бы получиться прекрасный ensemble, достойный противоположной стороны набережной... Особенно неудаченъ новый дворецъ съ тремя, не похожими другъ на друга, фасадами и разными куполами.

Другимъ обширнымъ зданіемъ въ Петровскомъ стилѣ является Петровская больница (на большомъ разстояніи отъ города). Отдѣльные корпуса этого учрежденія будутъ составлять одну эллипсоидную площадь. Вмѣсто живописности пріемовъ Петровскаго училища, введена бо̀льшая строгость формъ. Прелестна раскраска. Всѣ зданія образуютъ городокъ, который явится достойной частью будущаго Новаго Петербурга.

Кромѣ этихъ двухъ очень большихъ сооруженій въ Петровскомъ стилѣ построено еще нѣсколько, менѣе значительныхъ. Красиво возстановленіе О. Р. Мунцомъ дома бар. Гинцбурга на Милліонной ул., выполненнаго въ прелестномъ Анненскомъ барокко, окрашеннаго въ лимонный цвѣтъ. Домъ гр. Олсуфьева (на Фонтанкѣ) арх. Щусева, къ сожалѣнію, закрашенъ слишкомъ густымъ колеромъ, но отдѣльныя детали его не плохи.

Къ наиболѣе удачнымъ постройкамъ въ Елисаветинскомъ барокко надо отнести домъ на углу Средняго проспекта и 12 линіи Васильевскаго острова,—бѣлыя колонны, проходящія черезъ три этажа, прекрасно выдѣляются на оранжевомъ фонѣ стѣнъ. Архитекторъ Серафимовъ сумѣлъ приложить старыя формы къ новымъ пропорціямъ.

Въ сторонѣ отъ разсмотрѣнныхъ построекъ стоятъ зданія, весь обликъ которыхъ могъ бы внести въ свое время вполнѣ особенную современную физіономію, такъ какъ эти сооруженія вызваны были новою жизнью. Я говорю о скэтингъ-ринкахъ. Скэтингъ на Марсовомъ полѣ (арх. Е. Шреттеръ) былъ удаченъ уютностью внутренней обработки (планъ, ниши, ротонды), но жалко, что всѣ орнаментальныя его части въ куполахъ и сводахъ были мало замѣтны, вслѣдствіе плохой окраски. Наружный видъ скэтинга ампирнаго характера—мало вязался своимъ Жилярдовскимъ классицизмомъ съ Гваренгіевыми Павловскими казармами и Ринальдіевымъ дворцомъ, но все же былъ пріятенъ. Спортингъ-Паласъ на Каменноостровскомъ проспектѣ (порталъ, по проекту А. Е. Бѣлогруда, построенъ инженеромъ Гингеромъ) оставляетъ болѣе цѣльное впечатлѣніе своимъ прекраснымъ рельефомъ. Помпезная обработка порталовъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ предназначенію зданія. Внутри—чудесная круглая ротонда. Есть что-то вполнѣ «европейское» въ формахъ свѣтлаго зала; жалко, что бѣдны группы колоннъ и жидокъ антаблеманъ.

Теперь строительство скэтинговъ пріостановилось,—этотъ видъ спорта сразу потерялъ симпатію публики. Зато сооруженіе кинематографовъ и построекъ для лѣтнихъ увеселительныхъ садовъ—за 1912—1914 года было интенсивнымъ.

Но ни вышеупомянутый «Форумъ», ни много другихъ кинематографовъ, ни на Большомъ проспектѣ Петербургской стороны, ни на Невскомъ, ни на Забалканскомъ, ни въ Ротахъ не подымаются до высоты художественнаго сооруженія,—исключительно пошлостью запечатлѣны всѣ ихъ фасады. Лишь недавно открытый «Сплэндидъ» и залъ «Парижіаны» болѣе или менѣе выдержаны въ опредѣленномъ стилѣ.

Глава четвертая.

I.

Начиная обзоръ построеннаго въ Петербургѣ за послѣдніе 1914—1916 года, не естественно ли было бы прежде всего коснуться новыхъ монументальныхъ зданій? Однако, мы будемъ тщетно искать такихъ новыхъ правительственныхъ или общественныхъ грандіозныхъ сооруженій... По-прежнему, неудачная достройка Русскаго Музея Имп. Александра III является единственнымъ зданіемъ этого рода. Зданіе Главнаго Казначейства хотя и прилично, но какая-то черствость запечатлѣваетъ всѣ его детали. Непріятна и излишне рельефна рустовка всѣхъ колоннъ. Карнизъ плохъ. Рядомъ съ восхитительными Россіевскими пропорціями, конечно, фасадъ Казначейства очень проигрываетъ.

Нѣтъ и ни одной удачно или хотя бы цѣлостно задуманной площади, потому что нѣтъ у насъ вовсе «артельнаго начала» въ строительствѣ; не думаютъ о томъ, что, вырабатывая пріемъ обработки двухъ-трехъ рядомъ строящихся домовъ, надо заранѣе уславливаться въ достиженіи цѣльности впечатлѣнія.

И вотъ, красота Михайловской площади можетъ погибнуть окончательно отъ разнородной застройки (а какъ удаченъ былъ

проектъ фасада отдѣленія Государственнаго банка на мѣстѣ пустыря! суждено ли только ему осуществиться?); половина площади на углу Ружейной ул. и Каменноостровскаго пр. обработана удачно (хотя стиль и типъ построекъ оставляютъ желать многаго), зато остальная часть ея испорчена неподходящими здѣсь зданіями (гаражъ и плохой доходный домъ); чудесное мѣсто, отдаленно напоминающее Champs Elysées, у Троицкаго моста—обратилось постепенно въ какой-то азіатскій базаръ. Здѣсь—рядомъ и циркъ, и зданіе бывшаго скэтинга, и особнякъ Кшесинской (въ «модернѣ»), и тутъ же между ними огромный доходный домъ, а напротивъ—ужасающій памятникъ; онъ окончательно уничтожаетъ ту «европейскую» разбивку, которая могла бы здѣсь получиться. А главное грязь, неаккуратность въ разбивкѣ газоновъ, скверовъ, тротуаровъ, поломанныя рѣшетки для деревьевъ и т. д. Кромѣ того, всѣ эти площади и эспланады испорчены, главнымъ образомъ, разнородностью стиля или негармоничностью построекъ, являющеюся слѣдствіемъ отсутствія общаго плана застройки. Разнородность эта—результатъ еще недавно царившаго эклектизма, отъ котораго наши зодчіе не сразу отвыкаютъ. Однако, какъ хотѣлось бы, чтобы вначалѣ было если не стремленіе къ застраиванію въ однородномъ стилѣ, то хотя бы сочетаніе зданій по ихъ массамъ. Но нѣтъ и этого элементарнаго для любого «европейскаго» города правила! И даже больше: мы видимъ, что по проекту одного и того же способнаго и культурнаго зодчаго строятся неподалеку другъ отъ друга три зданія (на углу Большого и Каменноостровскаго проспекта)—и всѣ три въ разныхъ стиляхъ, причемъ два изъ нихъ, рядомъ стоящія,—безъ соотвѣтствія въ отношеніи гармоніи массъ.

Нѣтъ у насъ и новыхъ замѣчательныхъ своею архитектурою дворцовъ; построенный для Великаго Князя Николая

Николаевича—значительно портитъ новую Петровскую набережную, на которой, однако, можно было бы (да еще и теперь не поздно) создать такъ много...

Двѣ-три перестройки богатыхъ особняковъ, на Англійской набережной и Милліонной улицѣ, не даютъ еще ничего новаго классическому строительству, хоть нѣкоторые изъ этихъ фасадовъ и не лишены пріятности въ деталяхъ.

Но часто принимаемыя для разработки мало-способными зодчими хорошія классическія начала теряютъ отъ неумѣлаго или ложнаго примѣненія ихъ. Примѣромъ такого отношенія является домъ № 71 на Сергіевской улицѣ. Желая украсить фасадъ дома портикомъ, зодчій не позаботился, однако, о томъ, чтобы въ первомъ этажѣ сдѣлать стѣну соотвѣтственной толщины, и, выпуская (даже сильно) лишь сандрикъ карниза 1—2 этажа, онъ не смогъ помѣстить (какъ полагалось бы) трехчетвертную колонну, и ему пришлось ограничиться полуколонной, которая и производитъ непріятное впечатлѣніе своею приплюснутостью; неудачна разбивка и самая трактовка рустовъ цокольнаго этажа этого дома. Имѣя въ виду этотъ портикъ изъ колоннъ, старые мастера всегда смѣло выпускали всю часть стѣны 1-го этажа впередъ (см. фасадъ дома б. гр. Лаваль,—да и всѣ наши петербургскіе Гваренгіевы и иныхъ зодчихъ фасады, подчасъ имѣющіе въ этой сильно развитой части стѣны 1-го этажа даже проѣздъ, если колоннада ставилась внѣ стѣны). Не будемъ, однако, при обзорѣ новыхъ построекъ останавливаться на отрицательныхъ примѣрахъ.

Разсматривая сейчасъ заслуживающіе вниманія и всяческихъ похвалъ образцы новой классицистической архитектуры, постараемся, насколько это возможно, не обращать вниманія на тѣ или иные недостатки.

Укажемъ лучшіе образцы, такъ какъ они находятся по своему мѣстоположенію такъ далеко, что не всякій ихъ примѣтилъ. Напримѣръ, едва ли многіе видѣли находящійся на набережной Малой Невки, на углу ул. Грота, новый особнячекъ Ильина и Апостоли.

Наконецъ, есть сооруженія, не представляющія ничего примѣчательнаго въ отношеніи архитектурной обработки, но создающія, однако, своими общими массами интересные куски города; такъ, напримѣръ на набережной рѣки Карповки (противъ Іоанновскаго монастыря) два огромныхъ дома, выполненные въ богатѣйшихъ, хотя, быть можетъ, и плохихъ формахъ ампира, составляютъ довольно удачный своею внушительностью фрагментъ архитектурнаго пейзажа столицы. Отмѣтимъ еще рядъ огромныхъ доходныхъ домовъ, скомпанованныхъ какъ цѣлые куски города (д. Перцова на Лиговкѣ, д. 75 по Каменноостровскому пр.), домъ Погожева на Старорусской улицѣ и также внѣ классическихъ традицій, но очень интересный по общимъ массамъ, домъ О-ва квартирохозяевъ на Бассейной улицѣ.

II.

Значительнымъ пріобрѣтеніемъ въ новой классической архитектурѣ Петрограда является зданіе Торгово-Промышленнаго банка на Морской улицѣ (архит. М. М. Перетятковичъ).

Надо пожалѣть, что этотъ мощный фасадъ украшаетъ не одну изъ нашихъ набережныхъ и, находясь, казалось бы, въ лучшемъ мѣстѣ Петербурга, поставленъ такъ, что едва ли многіе смогутъ имъ любоваться: фасадъ возвышается на сравнительно узкой улицѣ.

Не везетъ намъ вообще съ выборомъ мѣста для новыхъ и хорошихъ построекъ. Будущему Дворцу Искусствъ предоставленъ участокъ земли на набережной Екатерининскаго канала, тогда какъ этому зданію слѣдовало бы красоваться, напримѣръ, на обширнѣйшей площади у Троицкаго моста или на площади близъ мечети. Богатому художественному, тѣмъ болѣе монументальному, фасаду всегда нуженъ отступъ, и принципъ отчужденія земли, существовавшій въ царствованіе Александра I и Николая I, не разъ содѣйствовавшій тому, что для строящагося зданія было «расчищаемо» соотвѣтственное мѣсто, долженъ быть, наконецъ, возстановленъ.

Конечно, наиболѣе подходящее мѣсто для банка—Морская улица, но выстроенное зданіе (слишкомъ нарядное для банка) заслуживало бы само по себѣ лучшаго мѣста.

Фасадъ зданія банка расчлененъ на двѣ крупныя части. Нижняя—сильно рустованная и тяжелая; верхняя—легкая, украшенная коллонадой Тосканскаго ордера и увѣнчанная прекрасно выработаннымъ карнизомъ; особенно великолѣпенъ и богатъ фризъ, въ метопы котораго вставлены скульптурныя изображенія прекрасной работы.

Въ цокольномъ этажѣ—три удлиненныя арки (входы, проѣзды) и сравнительно мелкія окна. Въ послѣднія хотѣлось бы вставить рѣшетки простого рисунка, такого типа, какъ въ окнахъ банка Вавельберга. Окна 2-го этажа—мало удачныхъ пропорцій, но зато окна четвертаго этажа (особенно наличники) великолѣпны.

Мощная рустовка цокольнаго этажа, приходящаяся у самыхъ глазъ зрителя, дѣйствуетъ непріятно; другое дѣло, если бы такой фасадъ находился на площади, тогда, конечно, игру свѣтотѣни рустовъ можно бы было наблюдать издали. И потому въ данномъ

случаѣ зодчему не слѣдовало бы выбирать такой крупной, грубой обработки (отличной, однако, въ болѣе подходящихъ условіяхъ). Условія мѣста препятствуютъ также и возможности любоваться верхнею частью дома: колоннада представляется въ сильнѣйшемъ ракурсѣ и, конечно, отъ этого немало теряетъ. Впрочемъ, зодчій, какъ бы предвидя это видимое сокращеніе верхней части зданія, развилъ значительно карнизъ, и онъ вышелъ у него очень удачнымъ; только парапетъ получился излишне громоздкимъ.

Непонятно соединеніе формъ строгаго классицизма (колонны, наличники оконъ—все образцовыя детали высокаго ренессанса) съ барочной дешевкой эффектовъ—напримѣръ, картушей—на парапетѣ или у входа.

Кстати, несвѣдущіе люди острятъ, говоря, что зодчій позаимствовалъ рустовку наличника оконъ четвертаго этажа съ дома, находящагося напротивъ, на Морской улицѣ. Забываютъ о томъ, что какъ тѣ, такъ и эти наличники, равно какъ подобные же рустованные наличники дома Константиновскаго училища на Забалканскомъ проспектѣ—всѣ взяты съ одного итальянскаго образца ранняго ренессанса, и мы ихъ видимъ на постройкахъ въ Монтепульчіано, въ Піенцѣ и, частью, въ Виченцѣ и въ Веронѣ. Что касается деталей (картуши), то, кажется, это тѣ мелочи вкуса эпохи Александра III, отъ котораго зодчій не вполнѣ отдѣлался. На построенномъ имъ же банкѣ Вавельберга подобныхъ ненужныхъ элементовъ было еще больше. Такъ, непріятенъ профиль углубленія рамокъ въ парапетѣ, и очень неудаченъ шрифтъ въ щитѣ картуша 1-го этажа.

Но стоитъ ли, вообще, отмѣчать подобныя детали? Лучше укажемъ на достоинства фасада, составляющія огромную заслугу строителя. Къ послѣднимъ относится прекраснаго выпол-

нія ордеръ колоннады, чудесный фризъ, интересныя головы въ замкахъ оконъ 3-го этажа и, наконецъ, вся композиція этого банка-дворца. Только не представлялась ли бы эта композиція еще интереснѣе, если бы ордеръ захватывалъ и верхній этажъ рустованной части? Вѣдь, уменьшеніе послѣдней было бы лишь на пользу ей, тогда какъ увеличеніе пропорцій ордера придало бы ему большую внушительность. Да и соотношеніе всей высоты дома съ высотой колонны стало бы лучшимъ.

III.

Въ иномъ родѣ трактуется классицизмъ архитекторомъ Л. А. Ильинымъ, построившимъ особнякъ на Песочной набережной. Здѣсь тоже не «ампиръ», а скорѣе стиль Палладіо, но стиль, приспособленный къ нашимъ условіямъ быта и климата (размѣръ, пропорціи и количество оконъ, уклонъ крыши, подъемъ купола и т. п.) и до нѣкоторой степени принимающій etріге'ную оболочку благодаря этой, самостоятельно, однако, переложимой на русскую почву, основѣ итальянскаго классицизма.

Насколько суровъ и неприступенъ фасадъ банка, настолько улыбчива и ласкова физіономія особнячка. Уютныя формы дома, украшеннаго портикомъ и увѣнчаннаго куполомъ, мелькаютъ среди деревьевъ и напоминаютъ намъ барскія традиціи добраго стараго времени.

Формы Палладіо удачно (и самостоятельно) примѣнены къ специфическому помѣщичьему плану, и русская задушевность силуэта прелестно соединилась здѣсь съ сладчайшими линіями деталей итальянскихъ виллъ окрестностей Виченцы, Падуи, Венеціи...

Отлично «нарисованы» колонны портика, фустъ ихъ внушителенъ, но не тяжелъ. Удачно выисканы всѣ мельчайшія детали прелестной, сложнаго ордера, и добросовѣстно выполненной капители; нѣсколько курьезенъ (своею высотою) тимпанъ съ ненужнымъ въ немъ овальнымъ окошечкомъ; характеренъ овальный (въ планѣ) куполъ, покоящійся на уступахъ; отличны пропорціи удлиненныхъ оконъ (къ сожалѣнію, не всѣхъ, нехороши и двери); хоть ихъ наличники не вполнѣ удачны въ пропорціяхъ, но кронштейны, подпирающіе карнизъ фронтона наличника, очень пріятны.

Боковая пристройка лишаетъ домикъ свободы и торжественности, но зато жилой русскій видъ получаетъ этотъ храмикъ, какъ бы перенесенный съ холмовъ виченцскихъ: рустованная пристройка съ декоративными арочками и круглыми окошками даетъ много уюта. Боковой фасадъ обработанъ также удачно, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ-трехъ деталей, а пристраивающаяся «Милавида» докончитъ образованіе усадебнаго вида постройки.

Ярко-желтая окраска придаетъ домику много выразительности; благодаря ей, онъ пріобрѣтаетъ также колоритную связь и съ окружающимъ пейзажемъ, являющимъ остатки стариннаго парка графа Лаваль.

Съ желтыми плоскостями и гладкими бѣлыми колоннами дома прекрасно сочетаются черные стволы и зеленыя вѣтви старинныхъ липъ; еще красивѣе этотъ архитектурный пейзажъ зимой, когда деревья опушены снѣгомъ, но особенно колоритенъ этотъ уголокъ осенью, когда постройка выдѣляется на фонѣ лимонной листвы, которою усыпаны и дорожки, и старенькіе чугунные диваны на террасѣ...

Домикъ былъ мило устроенъ и обставленъ всякой «старинкой» внутри. Нынѣ онъ перешелъ въ другія руки.

IV.

Послѣ описанныхъ двухъ примѣровъ новаго строительства, основывающагося на новыхъ классическихъ началахъ, упомянемъ о нѣкоторыхъ иныхъ. Едва ли не лучшимъ образцомъ, наравнѣ со зданіемъ банка на Морской, является домъ, построенный на Пантелеймонской улицѣ арх. М. Лялевичемъ. Снимокъ въ достаточной мѣрѣ показываетъ, сколь удачна общая разбивка фасада, интересная своей новизною, какъ хороши гирлянды во фризѣ и какъ изысканны и благородны детали (напримѣръ, очень удачна установка статуй).

Интересна обработка двора доходнаго (коллективнаго) дома на углу Аптекарскаго проспекта и Песочной улицы, спроектированнаго архит. Р. О. Ульманомъ. Домъ построенъ въ стилѣ англійской готики, но обработка двора его сдѣлана въ стилѣ итальянскаго (ранняго) ренессанса,—ограда, идущая въ планѣ съ закругленіемъ и украшенная шарами, очень привлекательна. У насъ такъ рѣдко, вообще, подвергаются художественной обработкѣ дворы, что этотъ примѣръ долженъ быть отмѣченъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ одного дома на Литейномъ (д. Тарасова), двухъ-трехъ на Каменноостровскомъ, да вышеуказаннаго дома на Пантелеймонской,—дворы нашихъ доходныхъ домовъ остаются внѣ художественной композиціи.

Однимъ изъ лучшихъ по обработкѣ дворовъ будетъ несомнѣнно дворъ дома Эмира Бухарскаго, построенный архит. Кричинскимъ на Каменноостровскомъ проспектѣ, а также пока остается лучшимъ дворъ дома на Кронверкскомъ проспектѣ (рядомъ съ мечетью).

Упомянемъ о чрезвычайно симпатичномъ по отдѣлкѣ домѣ, построенномъ на Большомъ проспектѣ, близъ Каменноостровскаго, архит. Нидермейеромъ (домъ Кальмейера). Нижній этажъ его—аркада въ тоскапскомъ стилѣ, верхніе—обработаны въ барокко; но этотъ стиль взятъ въ спокойной его трактовкѣ, обрамленія оконъ очень пріятны, и хотя разорванные фронтоны наличника производятъ сначала странное впечатлѣніе, но постепенно, при сравненіи хотя бы съ сосѣдними домами, убѣждаешься въ прелести и благородствѣ формъ этого дома. Очень хорошо разграфлены самыя окна рамою. Удаченъ верхъ дома Гондкевича (архит. Бѣлогрудъ), стоящаго рядомъ съ предыдущимъ; правда, рустовка стѣнъ первыхъ этажей излишне крупна, а всѣ членения тяжелы, и хотѣлось бы фасадъ приподнять еще на одинъ этажъ, но пріемъ и стиль архитектуры дома вполнѣ благородны.

Слѣдующій домъ по этой же улицѣ (архит. Н. В. Васильевъ) уже не новой классической обработки. Это скорѣе стиль французскихъ пансіонеровъ конца XIX ст., выполненныхъ въ римскомъ вкусѣ; здѣсь богатые аканѳовые извивы, пышный оригинальный карнизъ, курьезные навѣсы надъ парадными входами.

Зато построенный противъ дома Кальмейера (тоже архит. Бѣлогрудомъ) домъ полонъ Палладіанскихъ формъ, и интереснымъ представляется рядъ фигуръ, которыми украшенъ аттикъ его фасада. Разорванный карнизъ—мотивъ, уже использованный ранѣе В. А. Щуко—элементъ, очень подходящій для того, чтобы дать мѣсто окнамъ шестого этажа. Колоннада фасада мощна, и вообще удаченъ пріемъ обработки этого дома, возникшаго подъ вліяніемъ того же образца, который послужилъ и В. А. Щуко для созданія его chef d'oeuvre'a (дома № 65).

Надо пожалѣть, однако, что въ этомъ мѣстѣ, гдѣ постепенно могъ скомпановаться новый городъ, не былъ выработанъ заранѣе общій планъ, и теперь эта «счастливая» улица представляетъ собою уже какой-то конгломератъ домовъ во всѣхъ стиляхъ, отъ средневѣковаго до модерна. И какъ бороться съ этимъ зломъ (разнородности стиля и пріемовъ), когда одинъ и тотъ же зодчій (Бѣлогрудъ) строитъ въ теченіе 2—3 лѣтъ и въ одномъ мѣстѣ три безусловно интересныхъ по архитектурѣ дома, но всѣ въ разномъ характерѣ!? Значитъ, эклектизмъ еще очень великъ или условія, предъявляемыя жизнью, таковы, что даже одному и притомъ хорошему мастеру приходится, удовлетворяя разные заказы, прибѣгать къ разнороднымъ стилямъ.

На Гороховой выстроенъ хорошій новый домъ Второго Россійскаго Страхового О-ва съ колоннадой верхнихъ этажей.

Прекрасный домъ на Мѣщанской улицѣ съ сильными колоннами, выдѣляющимися на желтомъ фонѣ, наконецъ, изъ фасадовъ, выполненныхъ не въ ампирѣ и штукатуркою, а въ гранитѣ или бетонною массою, отмѣтить необходимо удачный домъ въ Солдатскомъ переулкѣ съ горельефными вертикальными поясами. Въ Людовикѣ XVI строятъ дома все больше и больше. На Фонтанкѣ рядомъ съ домомъ гр. Толстой новый, во многомъ неудачный, но въ средней части превосходный, фасадъ.

V.

Впрочемъ, дѣло не только въ разнородности стилей. Повторяю, могутъ быть взяты и разные стили, но равновѣсіе массъ, гармонія общихъ формъ должны быть соблюдены идеально. Къ сожалѣнію, этого-то и нѣтъ въ указанномъ мѣстѣ, и пло-

щадь на углу Каменноостровскаго и Большого проспектовъ погублена навсегда въ художественномъ отношеніи.

Желательна гармонія, не однообразіе; потому что всѣ зданія—детали общей картины города, и каждый авторъ, задумавъ проектъ своего зданія, долженъ подумать о сосѣднемъ (существующемъ или возможномъ въ будущемъ), долженъ мыслить объ общихъ единыхъ частяхъ города. Тѣмъ болѣе это такъ, если мы вспомнимъ топографію столицы: Петербургъ располагаетъ такими чудесными перспективами, такими обширными площадями и красивыми набережными!

«Послѣ Венеціи, едва ли найдется еще городъ въ Европѣ, столь щедро надѣленный водами, какъ Петербургъ», писалъ Пушкаревъ...

Однако, какъ мало дѣлаемъ мы для того, чтобы использовать эти блага мѣстоположенія. Какъ мало мы мыслимъ общими картинами города! Марсово поле до сихъ поръ остается необработаннымъ (и едва ли когда-нибудь станетъ лучше), на набережныхъ почти не воздвигается новыхъ хорошихъ зданій, особенно на тѣхъ, которыя могли бы быть еще застроены заново (какъ, напримѣръ, Петровская). И вотъ, изъ сотенъ зданій можно было упомянуть сейчасъ лишь два-три сооруженія, отмѣченныя печатью истиннаго художественнаго творчества.

Но и эти рѣдкія сооруженія не потеряются въ массѣ безвкусныхъ или обыкновенныхъ, только приличныхъ построекъ. Отличаясь скромностью деталей и выработанностью пропорцій, эти сооруженія новаго классическаго теченія знаменуютъ уже собою отчетливо начало расцвѣта, указываютъ на то, что даже при отсутствіи соотвѣтственныхъ жизненныхъ или идейныхъ запросовъ, при отсутствіи государственной поддержки—новые

зодчіе находятъ, все-таки, возможнымъ выдвинуть изъ своей среды нѣсколько подлинныхъ дарованій.

Но, къ сожалѣнію, использованіе этихъ силъ новыхъ зодчихъ затрудняется многими обстоятельствами, заложенными въ этикѣ нашего архитектурнаго быта и въ формалистикѣ нашего государственнаго строя, и потому-то, прежде чѣмъ обременить работою нашихъ талантливыхъ зодчихъ, надо освободить ихъ отъ этихъ условностей и стѣсненій и установить благопріятствующія развитію хорошей архитектуры и не потворствующія дурному вкусу законоположенія.

За архитекторами дѣло не станетъ. Число талантливыхъ мастеровъ ежегодно увеличивается, и скоро можетъ наступить у насъ такая зодческая эпоха, появленія которой ждетъ Старый Петербургъ уже почти сто лѣтъ.

VI.

Обзоръ сооруженій, возведенныхъ въ наше время и составляющихъ уже цѣлое архитектурное теченіе, даетъ право заключить, что мы имѣемъ если не осуществленіе мечты о Новомъ Петербургѣ, то во всякомъ случаѣ тѣ начала, изъ которыхъ безусловно могутъ выработаться новыя формы, а изъ нихъ и цѣлые кварталы города. Обзоръ художественныхъ вліяній, имѣвшихъ значеніе при выработкѣ нашихъ архитектурныхъ формъ, и разсмотрѣніе творческихъ силъ, которыя оправдали уже наши надежды на возстановленіе Стараго Петербурга и передъ которыми теперь лежитъ не меньшая задача—создать свое, новое, но строго классическое, что слилось бы съ этимъ старымъ (будетъ ли это ренессансъ, барокко, ампиръ или иной стиль), убѣждаютъ насъ въ томъ, что мы стоимъ на порогѣ созданія

Новаго Петербурга. Народилась цѣлая плеяда несомнѣнно талантливыхъ зодчихъ...

Надо давать имъ какъ можно больше дѣла, надо чаще пользоваться ихъ силами, давать работу ихъ фантазіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ можно больше оказывать имъ довѣрія, и давать полную свободу въ осуществленіи ихъ замысловъ. Тогда только выльются ихъ намѣренія въ новыя, прекрасныя, стройныя формы, взращенныя хорошими старыми традиціями, но подходящія и къ новому укладу нашей жизни.

Насыщенность историческими знаніями, исключительно развитой вкусъ къ стилю, тончайшее чувствованіе необъяснимаго преимущества однѣхъ пропорцій передъ другими поставили новыхъ архитекторовъ въ такое положеніе, что многія другія отрасли художества должны подчиниться зодчеству. Архитектура стала опять искусствомъ надъ искусствами, т.-е. вступаетъ въ эпоху своего возрожденія...

Зодчій, дѣйствительно, долженъ стать старшимъ мастеромъ, велѣнію котораго подчинено и творчество скульптора, и фреска живописца, и украшеніе мозаичиста. Какъ въ концѣ XVI вѣка скульпторъ Витторіо и живописецъ Веронезе—были выполнителями замысловъ Палладіо, предоставлявшаго имъ мѣста для приложенія ихъ труда, такъ и теперь зодчіе вправѣ разсчитывать на помощь со стороны художниковъ; они это заслужили своими стремленіями къ логическимъ и многообѣщающимъ формамъ.

Несомнѣнно, эпоха ретроспективизма можетъ смѣниться ясно выраженнымъ новымъ міросозерцаніемъ. Но необходима и взаимная поддержка тружениковъ-творцовъ всѣхъ спеціальностей. Необходимо самое строгое художественное образованіе ремесленниковъ-спеціалистовъ и полное довѣріе заказчиковъ

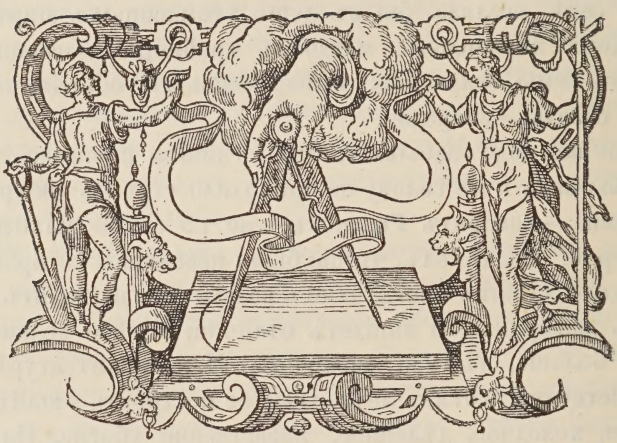
къ тѣмъ архитекторамъ, которые прошли эпоху «очищенія» отъ всякаго зодческаго мусора конца XIX столѣтія... И прежде всего нужны твердыя основы въ новомъ строительствѣ. Прежніе культы и вѣрованія давали яркія темы для архитектуры, но они не увлекаютъ насъ болѣе. Нужны новыя темы.

Монастыри, куда отягощенные жизнью умы уходили для размышленій и покоя, смѣнились гостиницами и санаторіями. Такъ пусть же эти санаторіи станутъ въ обработкѣ зодчихъ преисполненными такой же силы и художественности обработки, которая сама по себѣ вселяла бы въ души утомленныхъ миръ! Музеи войны, Дома инвалидовъ, мавзолеи, гробницы, часовни, памятники—вотъ темы, связанныя съ современными событіями. Заводы, фабрики, склады—впереди.

Только не надо забывать, что въ эпохи прекраснаго строительства зодчимъ и въ голову не приходило строить «покрасивѣе». «У Пушкина,—говоритъ Розановъ,—не тѣ стихи выходили красиво, которые онъ хотѣлъ, чтобы были красивы, а которые просто такъ вышли». «Поэтъ иногда поетъ вельможу и выходитъ скверно, а запоетъ жаворонка, и выйдетъ отлично; хотя о вельможѣ онъ старается больше, чѣмъ о жаворонкѣ. И въ архитектурѣ законъ этотъ дѣйствуетъ: хотятъ великолѣпное построить—выйдетъ претенціозное, холодное, дѣланное, нравственно убогое. Но дикарь-архитекторъ строитъ дикарю-герцогу—вдругъ выходитъ тепло, осмысленно, воздушно,—выходитъ единственная вещь въ свѣтѣ... Да. Архитектура—есть вдохновеніе, и ей такъ же невозможно научиться, какъ писать стихи, молитвы, музыку и великія картины».

Для развитія архитектуры давно нужны были, кажется, новыя формы строя государственнаго. Теперь онѣ почти на лицо! Дѣло за архитектурою, за Зодчими! Посмотримъ же какъ они себя покажутъ!

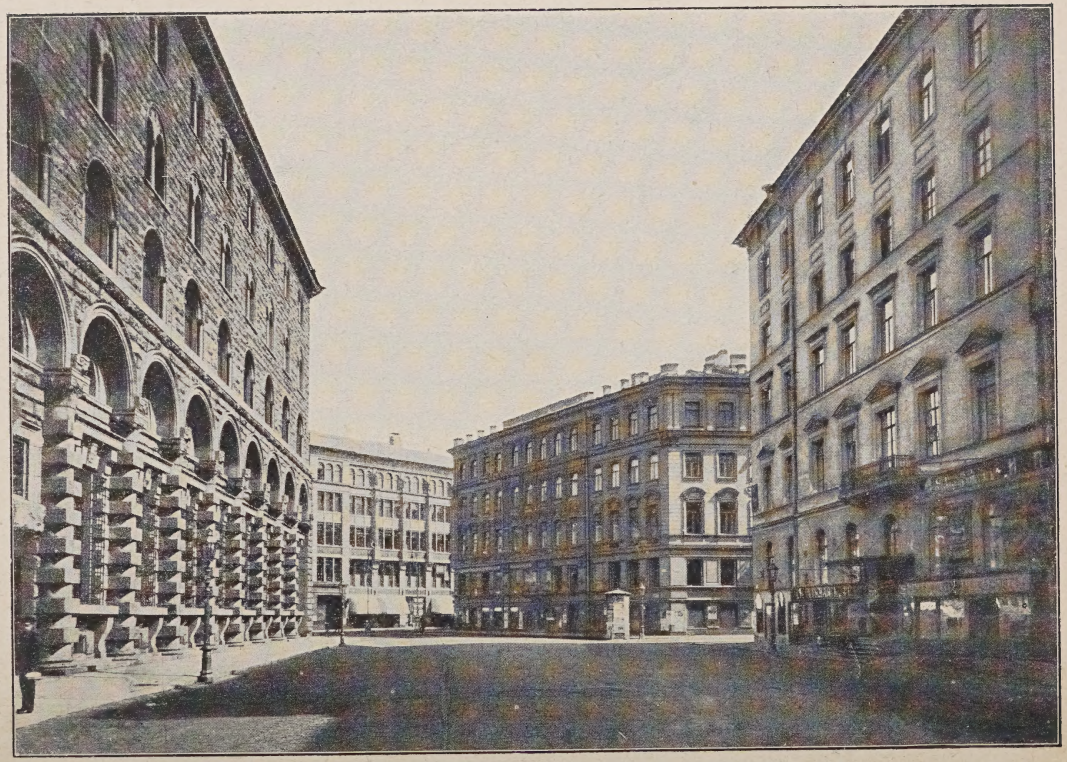
К О Н Е Ц Ъ.



Домъ А. А. Половцева. Портикъ главнаго фасада. Каменный островъ.

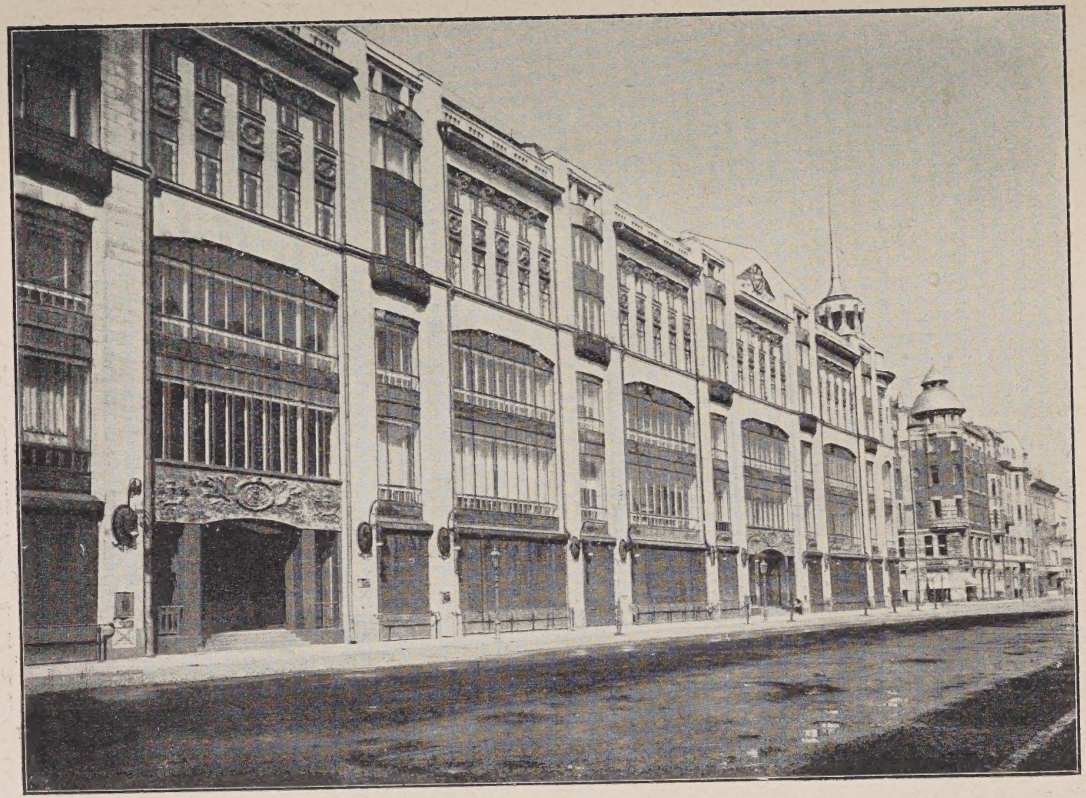
Доходные дома. *Каменноостровскій пр.*

Доходные дома. *Большой проспектъ, близъ Каменноостровскаго.*



Банки и Доходные дома.

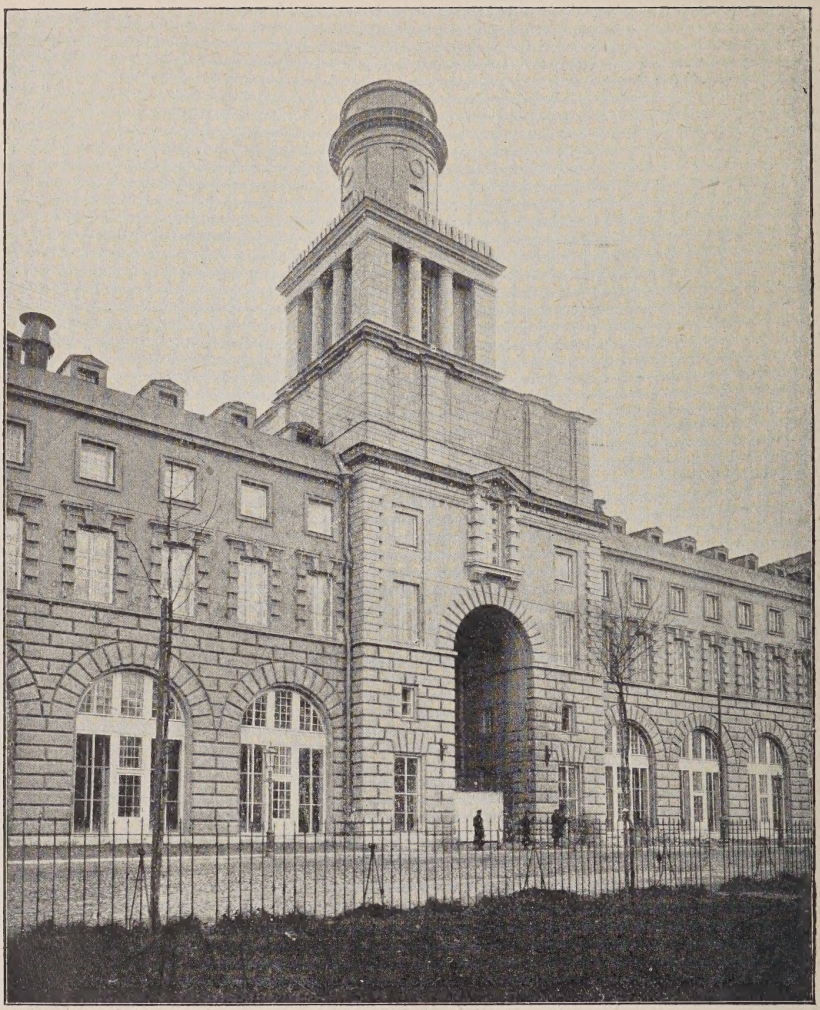
Улица Гоголя, близъ Невскаго.



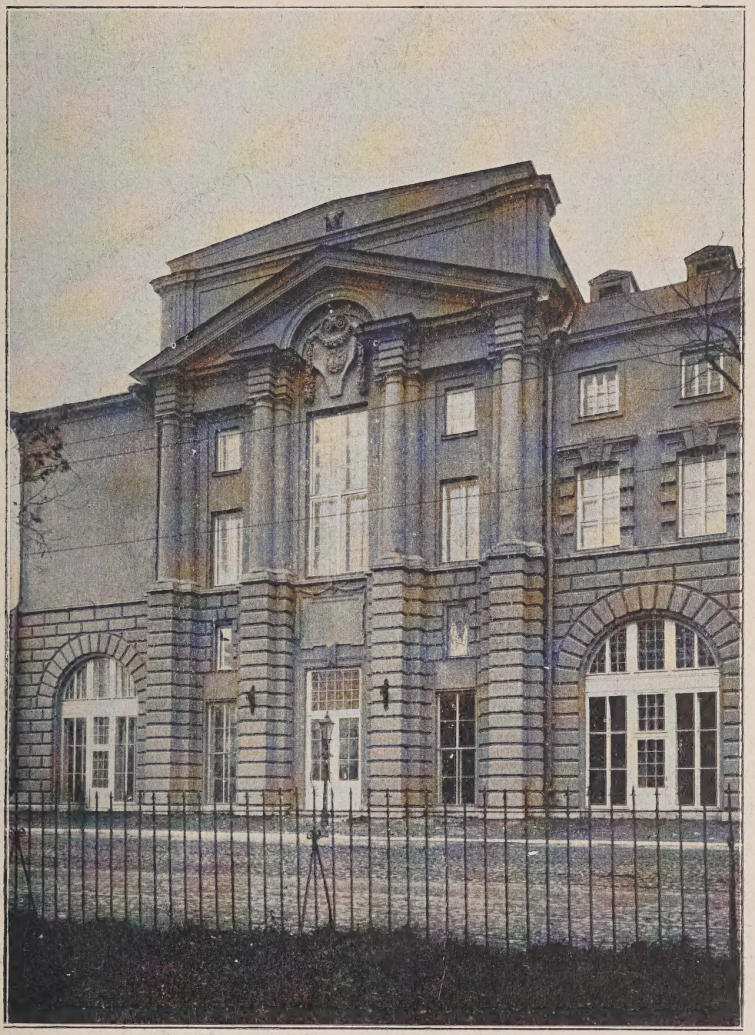
Магазинъ Гвардейскаго Экономическаго Общества. *Б. Конюшенная ул.*

Домъ Гвардейскаго Экономическаго О-ва. *Б. Конюшенная ул.*

Доходные дома. *Большой проспектъ, близъ Каменноостровскаго.*

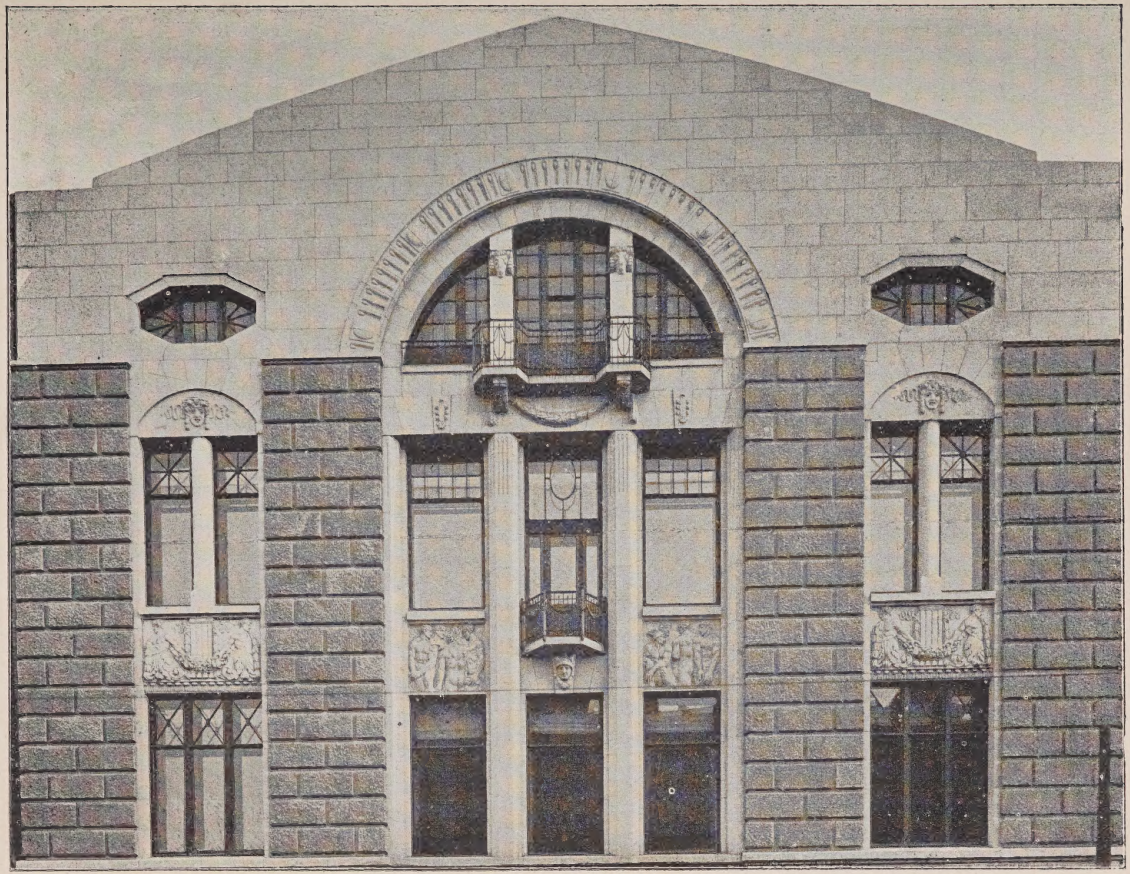


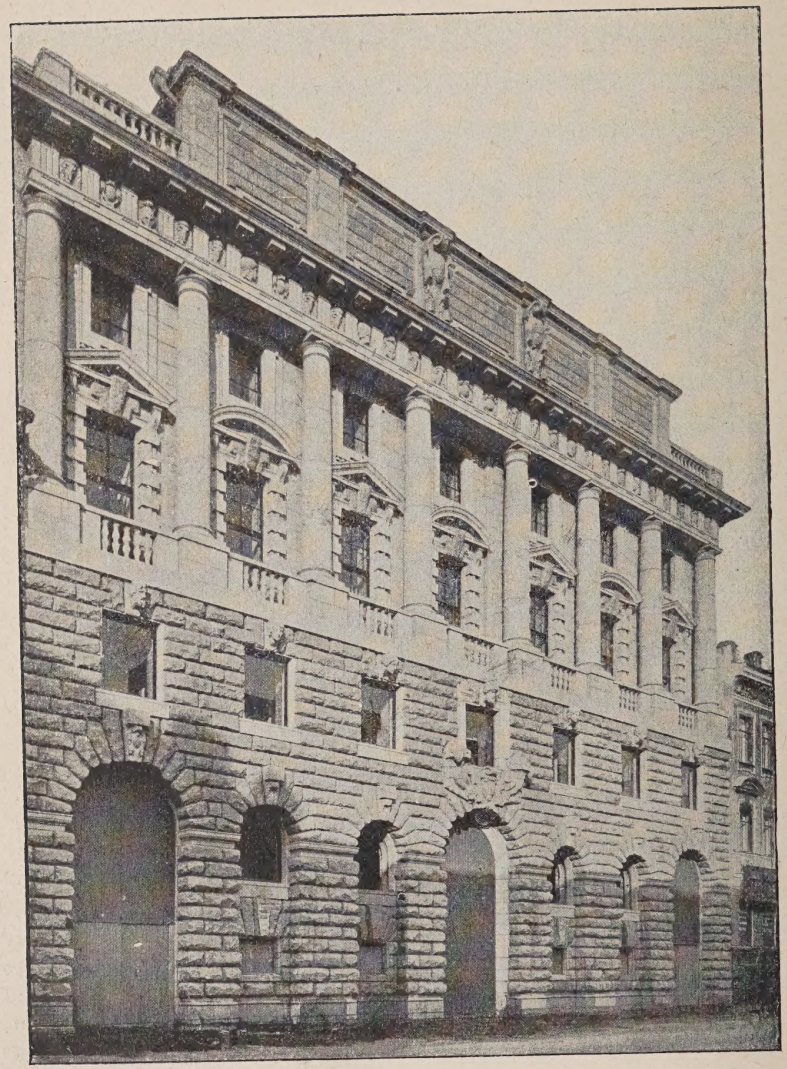
„Городской домъ“. *Кронверкскій пр.*



Боковая часть лицевого фасада „Городск. дома". Кронверкскій пр.

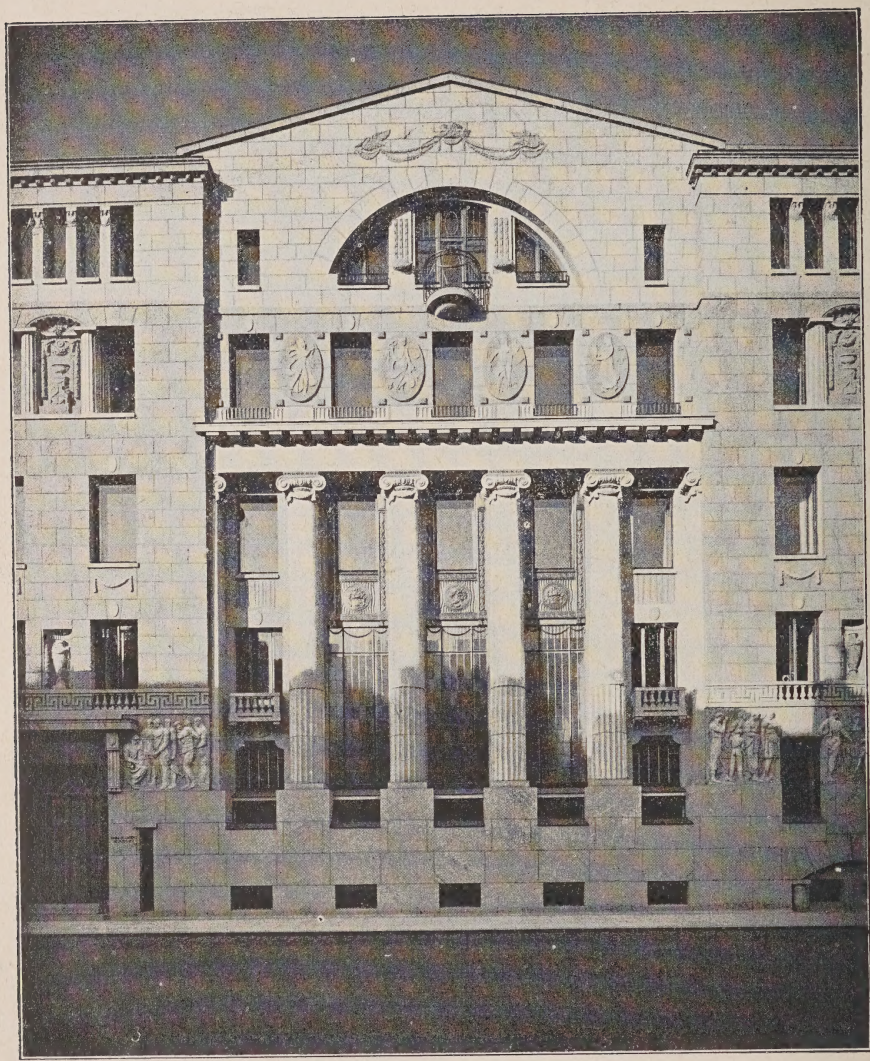
Главное Казначейство. *Фонтанка, д. № 70—72.*



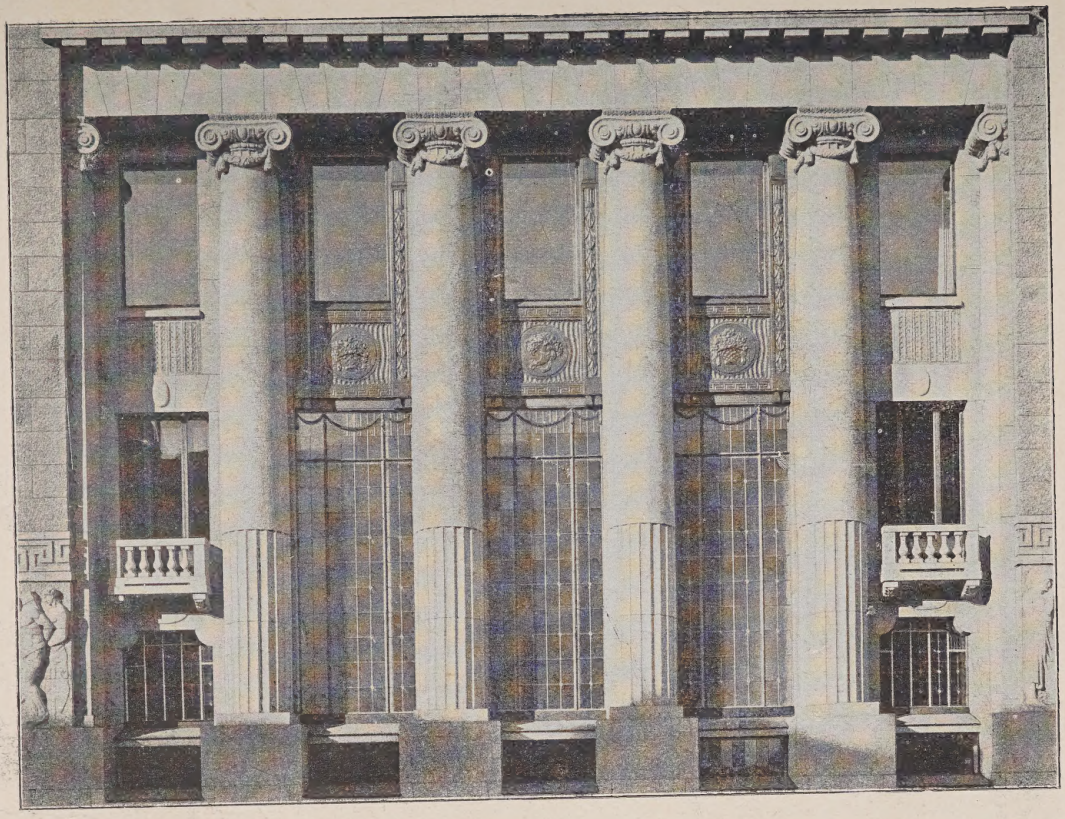


Домъ Русскаго Торгово-Пром. Банка. *Морская ул., д. № 15.*

Деталь колоннады дома Русск. Торг.-Пром. Банка. Морская ул., д. № 15.



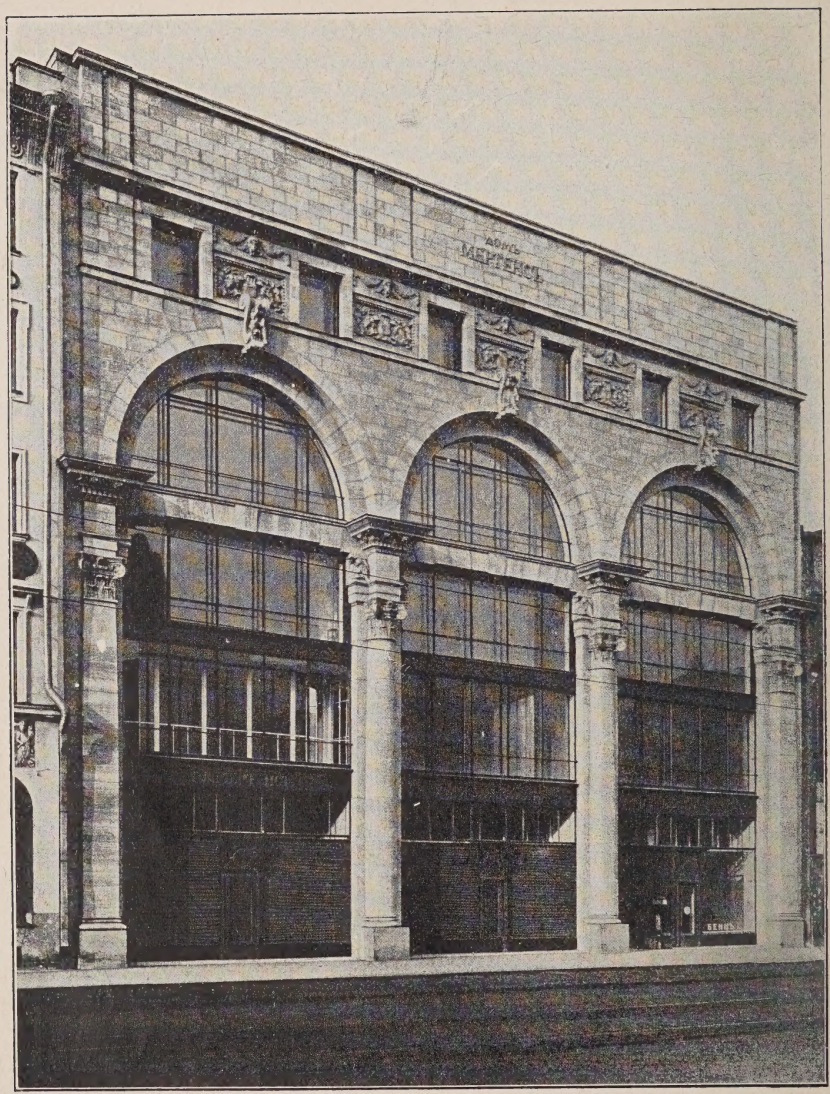
Домъ Азовско-Донского Банка. *Морская ул., д. № 5.*



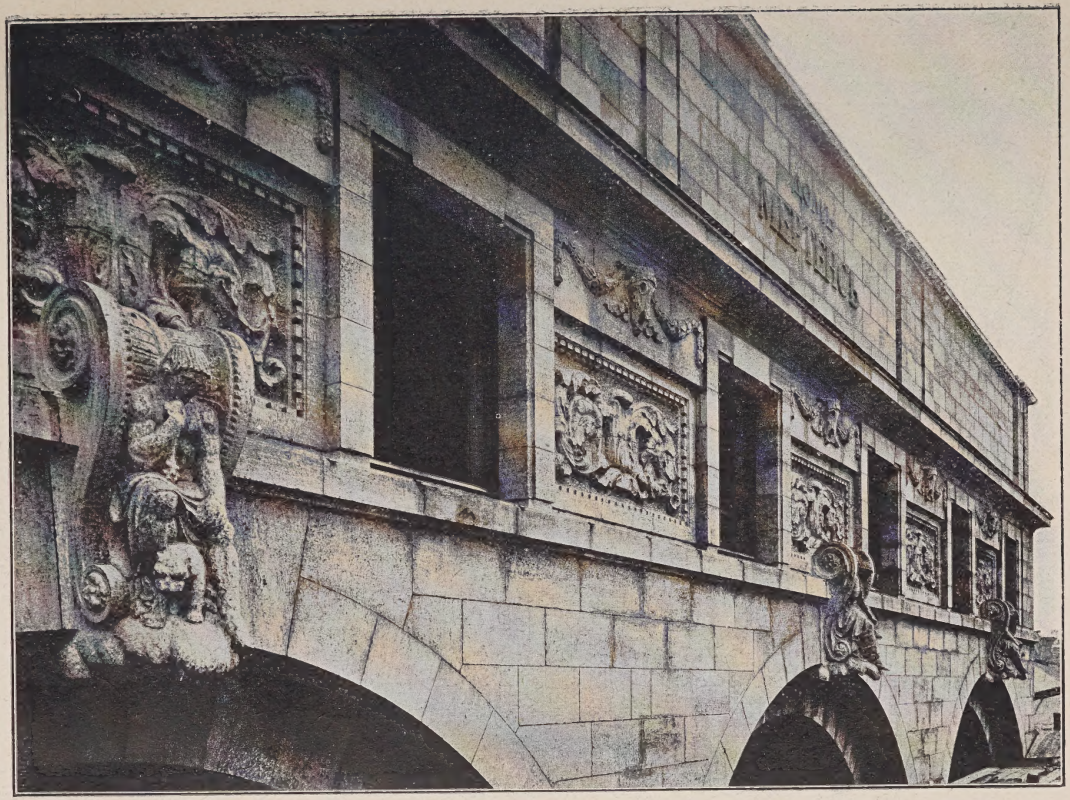
Деталь фасада Азовско-Донского Банка. *Морская ул., д. № 5.*

Домъ Сибирскаго Банка. *Невскій пр., д. № 44.*

Домъ „Петроградской Военной Гостиницы“. *Николаевская площ.*



Домъ Мертенсъ. *Невскій пр., д. № 21.*



Деталь дома Мертенсъ. *Невскій пр., д. № 21.*

Новый Пассажъ. *Литейный пр., д. № 53.*

Пассажъ гр. Шереметева. *Литейный пр., д. № 51.*

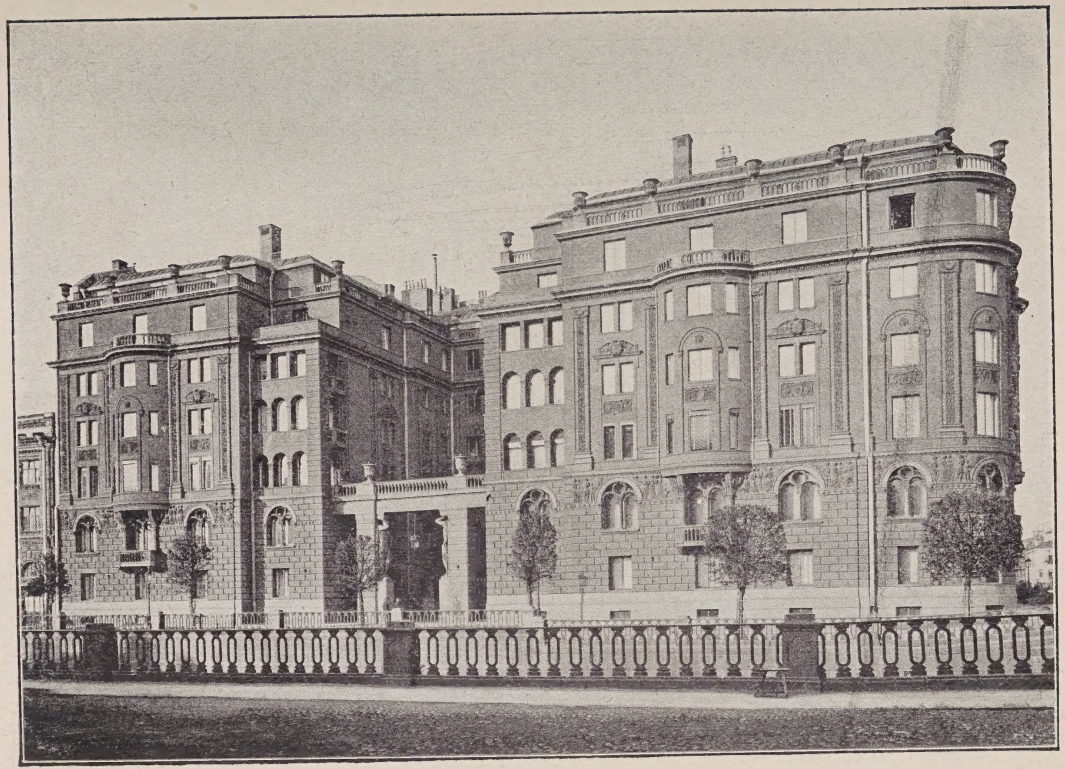
Доходный домъ. *Гороховая ул., д. № 3.*

Дома О-ва „Саламандра“. *Гороховая ул., д. № 4—6.*

Доходный домъ. *Б. Дворянская ул., д. № 10.*

Доходный домъ. *Б. Дворянская ул., д. № 5.*

Доходный домъ. *Знаменская ул., д. № 11.*

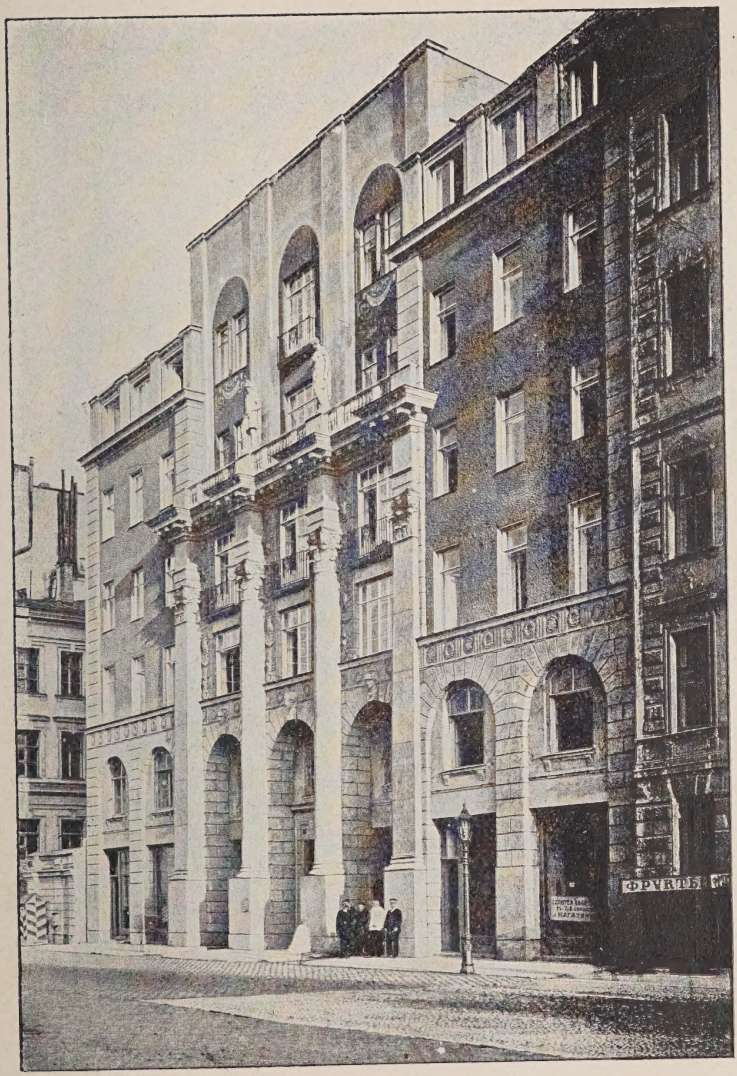


Доходный домъ. *Крюковъ каналъ, д. № 14.*

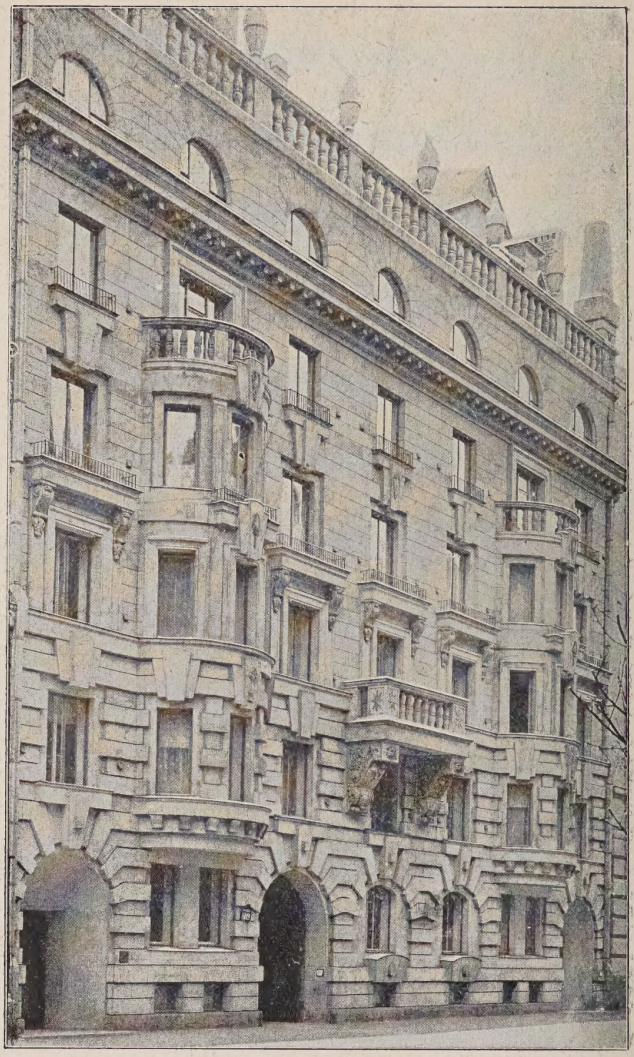
Доходный домъ. *Каменноостровскій пр., д. № 65.*

Доходный домъ. *Каменноостровскій пр., д. № 63.*

Доходный домъ. *Кронверкскій пр., д. № 5.*

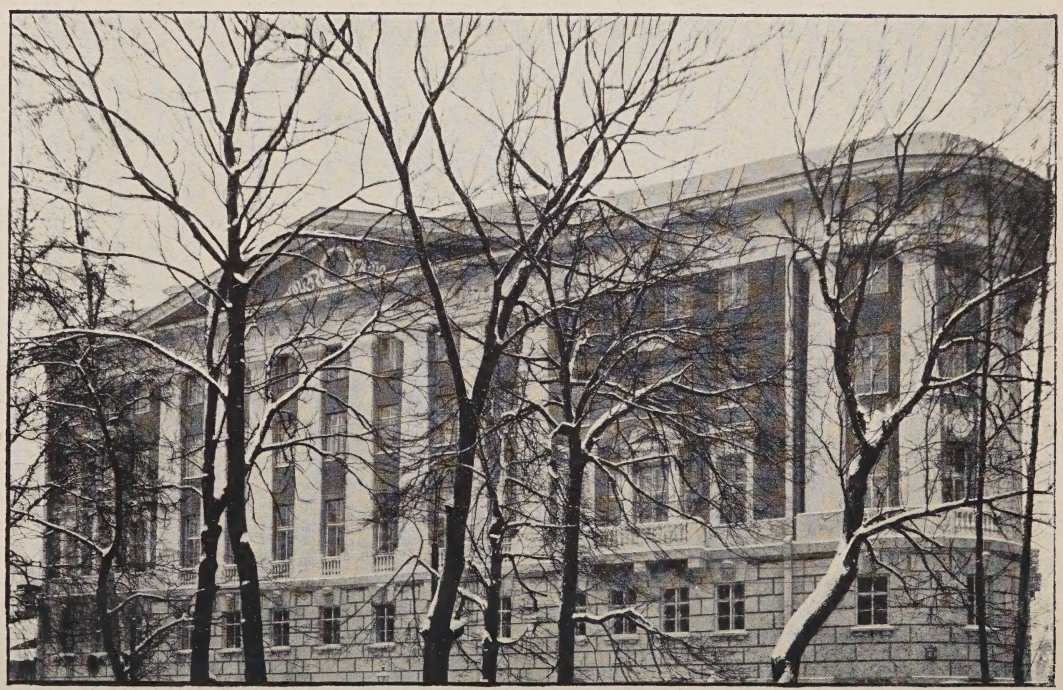


Доходный домъ. *Пантелеймонская ул., д. № 9.*

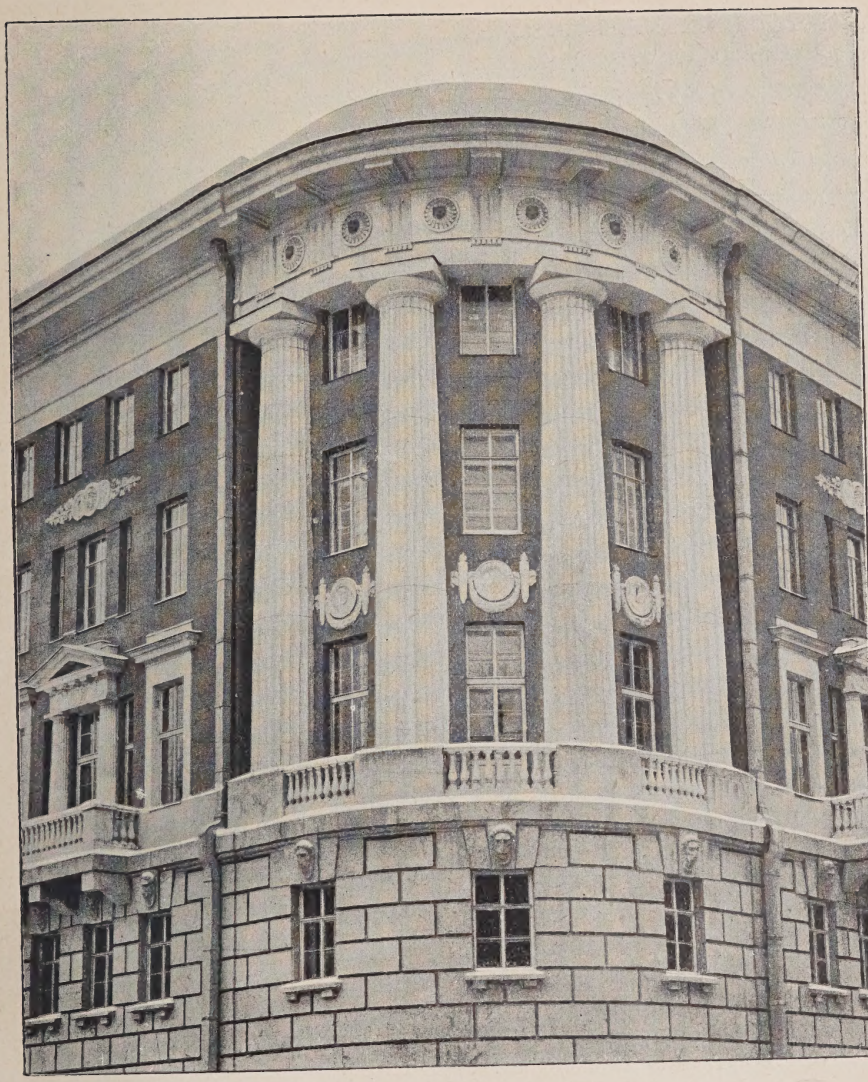


Доходный домъ. Большой пр. (Петр. стор.), д. № 102.

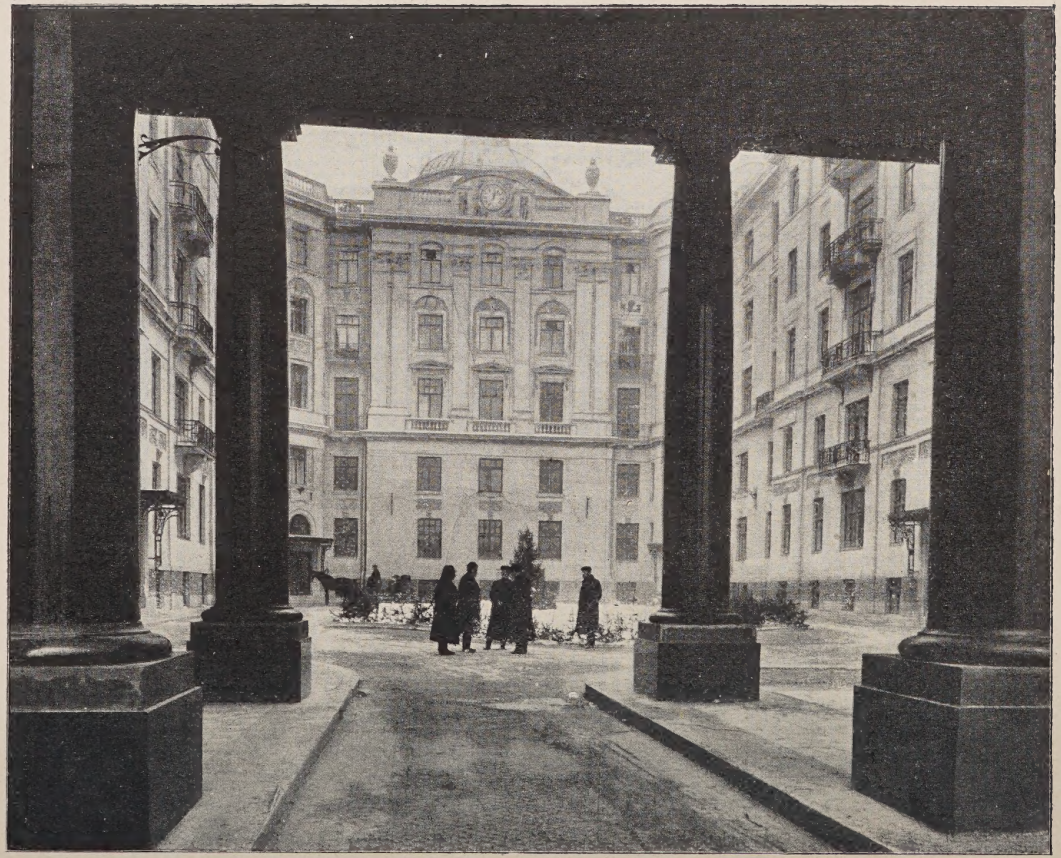
Доходный домъ. *Солдатскій пер., д. № 2.*



Доходный домъ. *Каменноостровскій пр., д. № 19.*



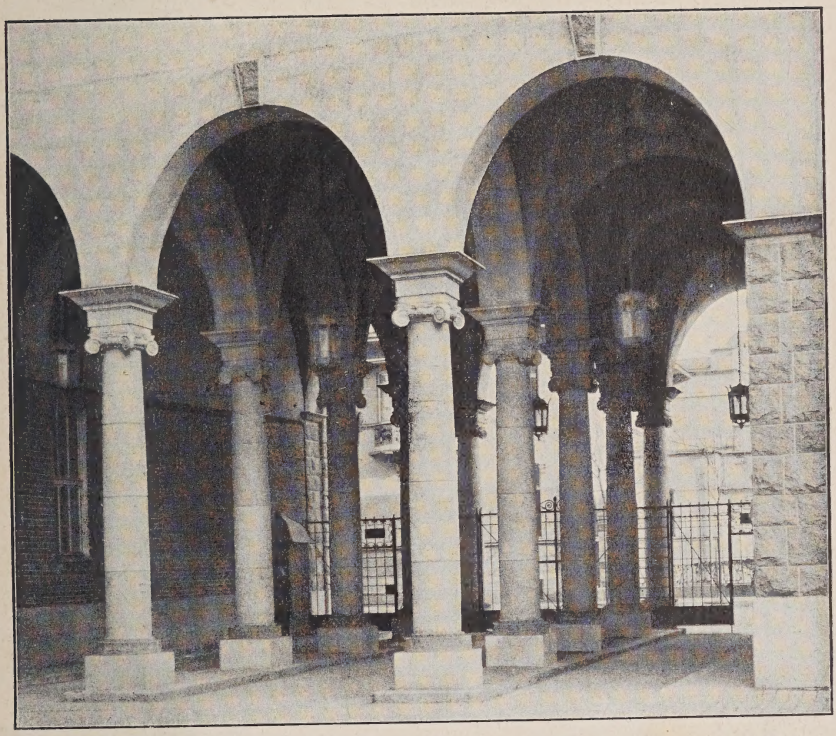
Угловая часть доходнаго дома. *Каменноостровскій пр., д. № 19.*



Проѣздъ доходнаго дома Страхового Россійскаго О-ва. Каменноостровскій пр., д. № 26—28.

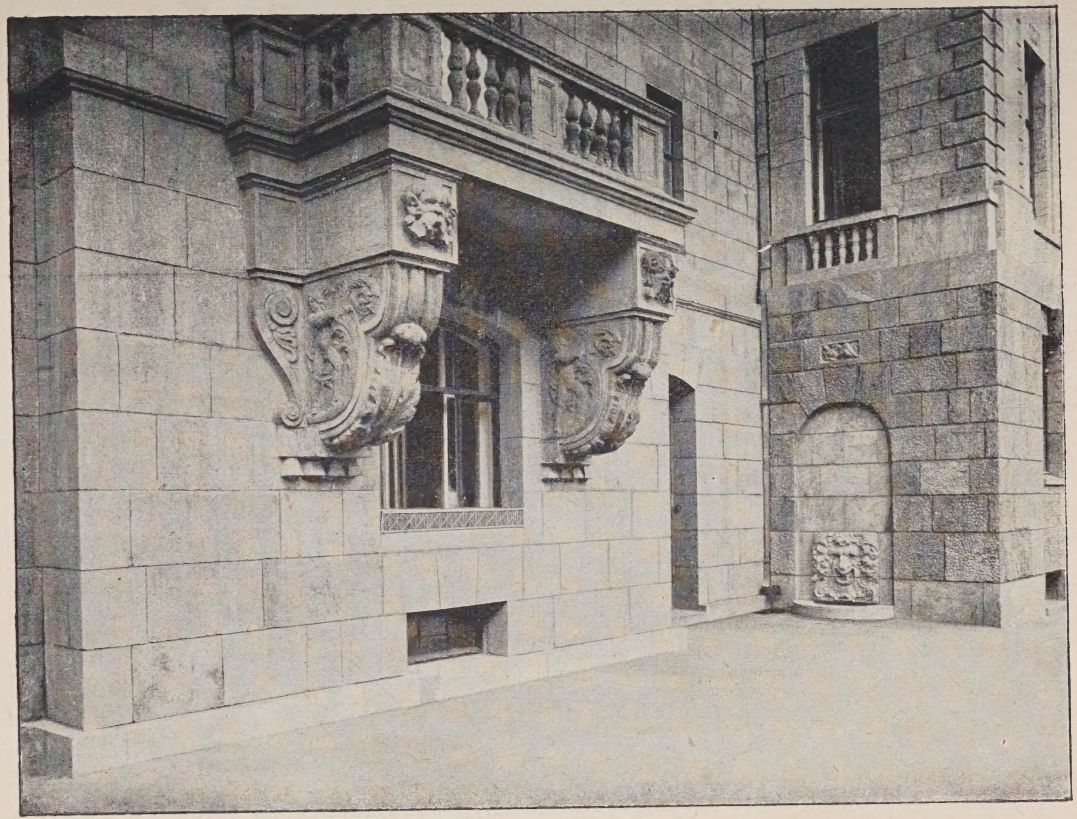
Дворъ доходнаго дома. *Каменноостровскій пр., д. № 46.*

Проѣздъ во дворъ доходнаго дома. *Фонтанка, д. № 54.*

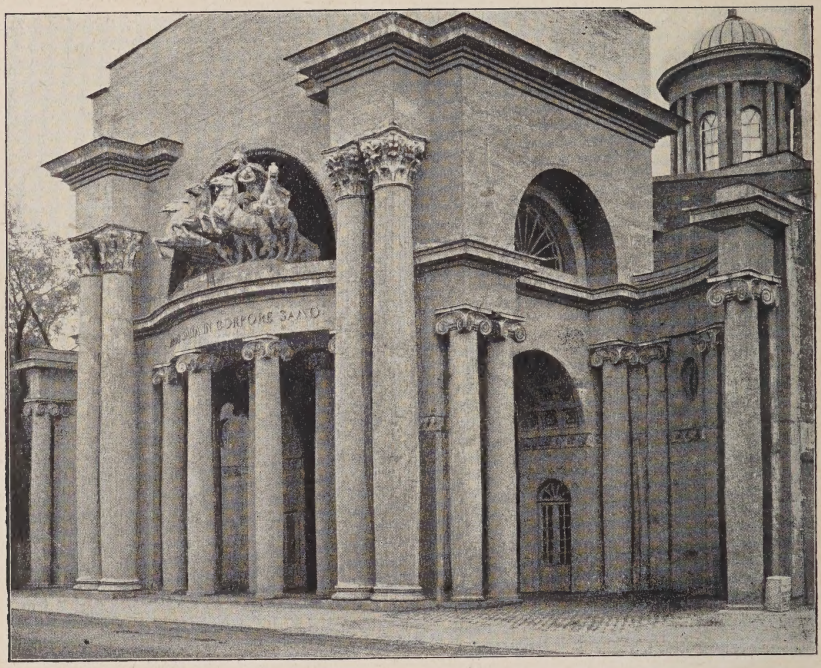


Проѣздъ во дворъ доходнаго дома. *Нюшлотская ул.*

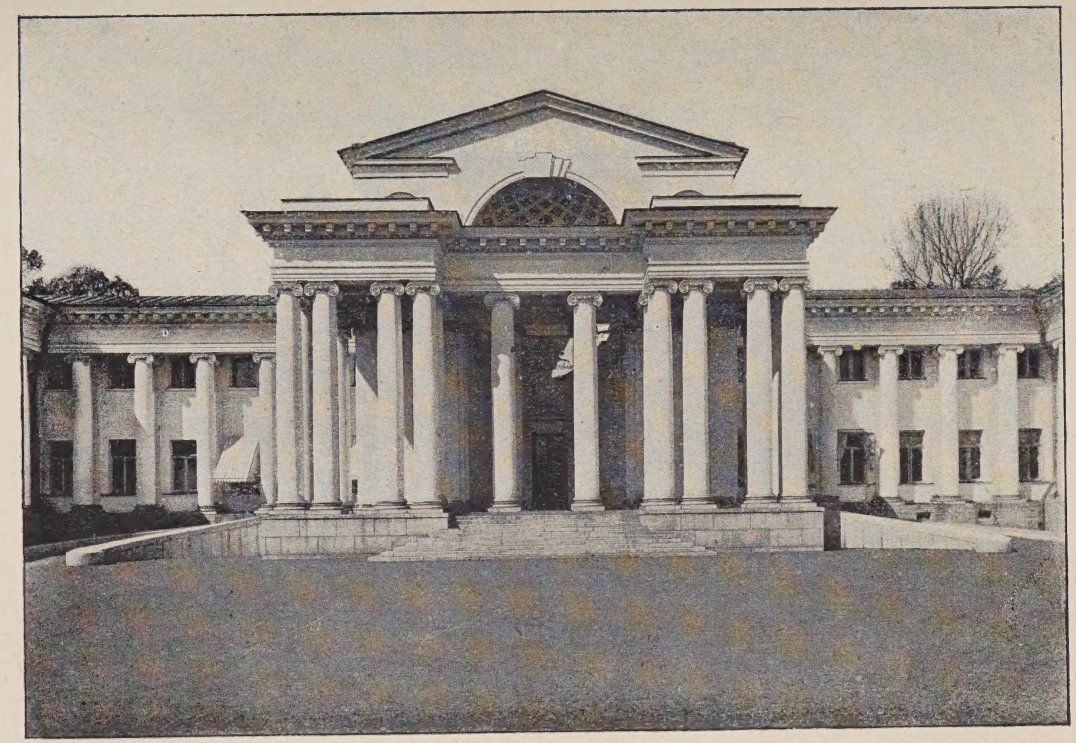
Деталь доходнаго дома. *Большой пр. (Петр. стор.), д. № 77.*



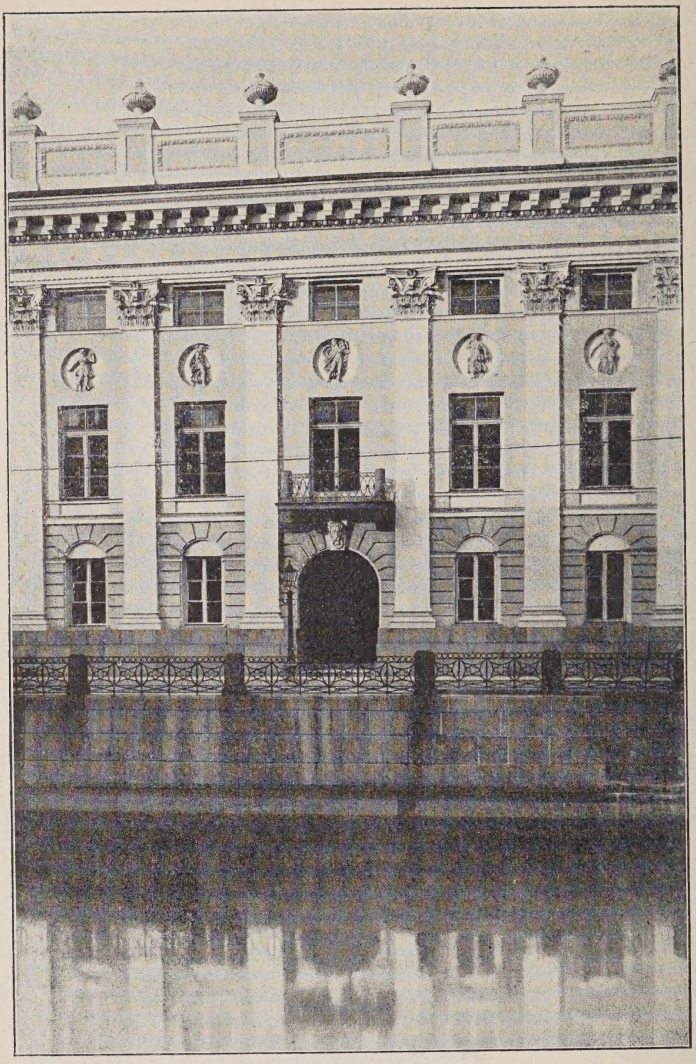
Детали доходныхъ домовъ. *Каменноостровскій пр., д. № 65.*



„Спортингъ-Паласъ“. *Каменноостровскій пр., д. № 42.*



Фасадъ особняка А. А. Половцева. *Каменный островъ.*

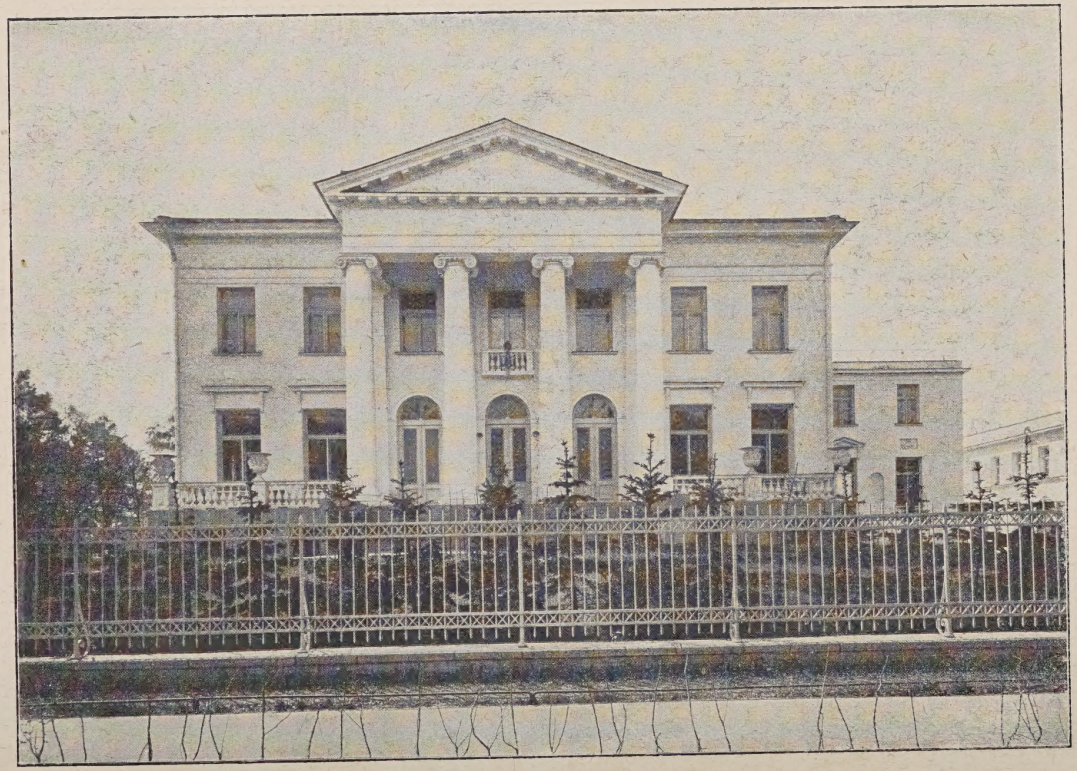


Домъ кн. Абамелекъ-Лазарева. *Мойка, д. № 21.*

Домъ кн. Абамелекъ-Лазарева. *Мойка, д. № 21.*

Фасадъ дома Е. И. В. Вел. Кн. Дмитрія Константиновича. *Песочная набер.*

Домъ Е. И. В. Вел. Кн. Дмитрія Константиновича. Песочная набер.



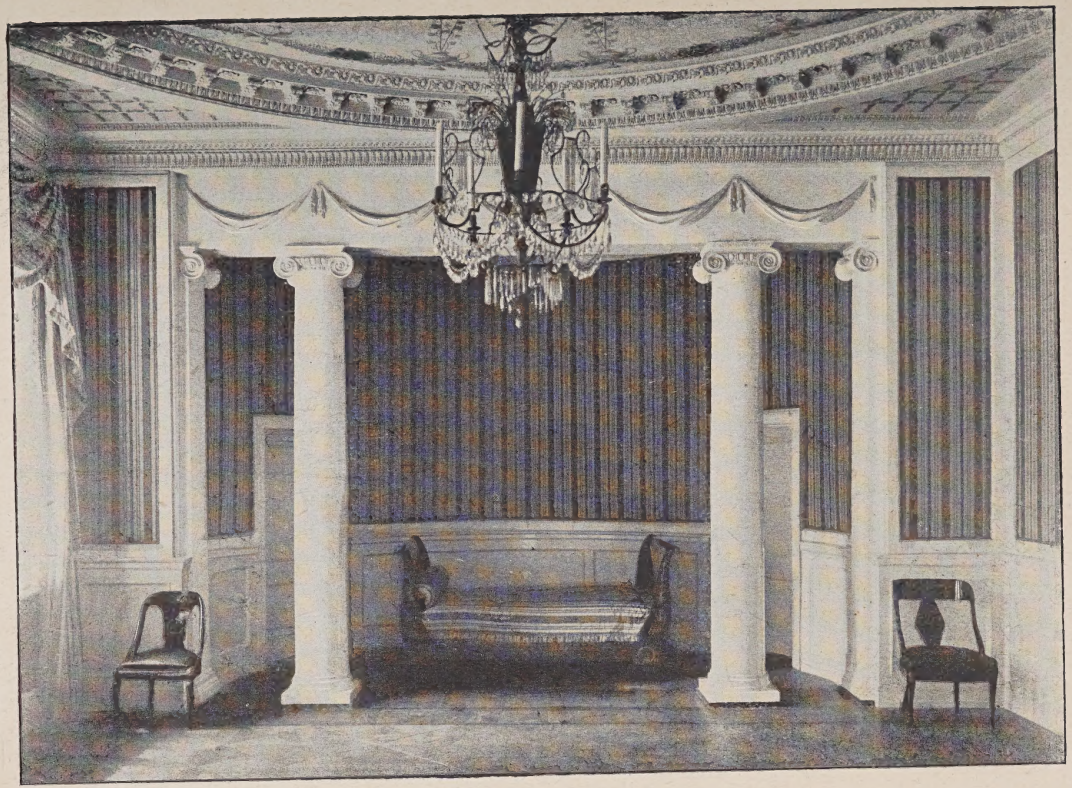
Особнякъ-вилла. *Каменный островъ.*

Особнякъ-вилла. *Каменный островъ.*

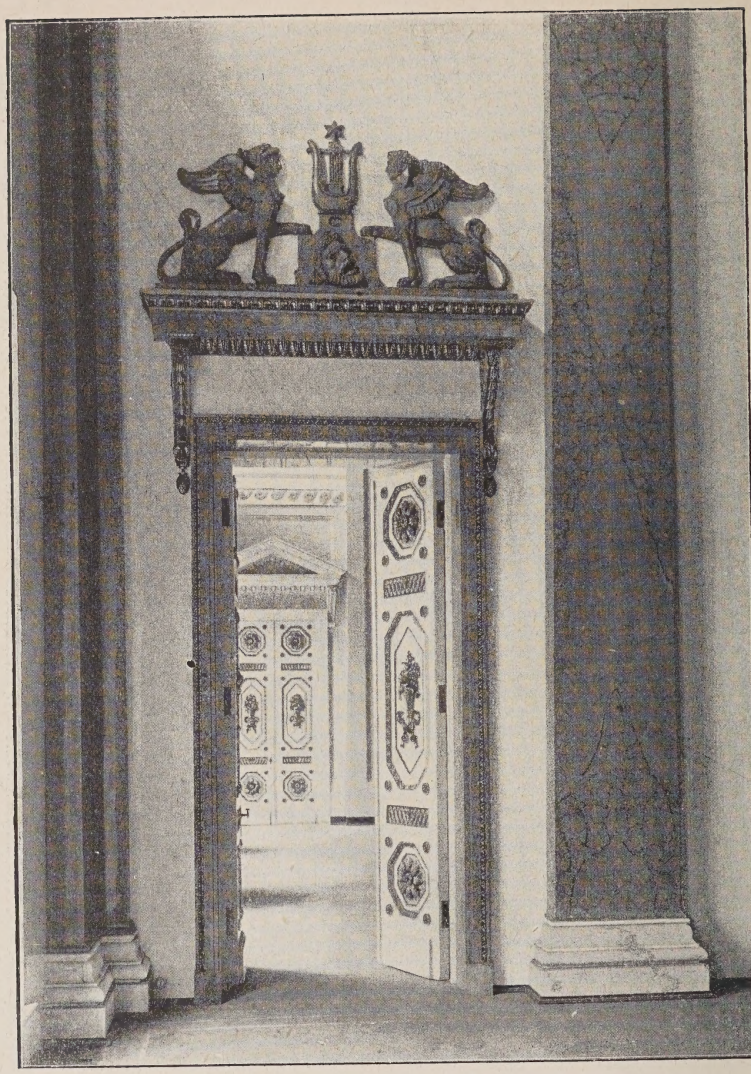
Бесѣдка дома Е. И. В. Вел. Кн. Дмитрія Константиновича. *Ул. Грота.*

Залъ въ домѣ бывш. Л. А. Ильина. *Песочная набер.*

Залъ въ домѣ А. А. Половцева. *Каменный островъ.*



Спальня въ домѣ А. А. Половцева. *Каменный островъ.*



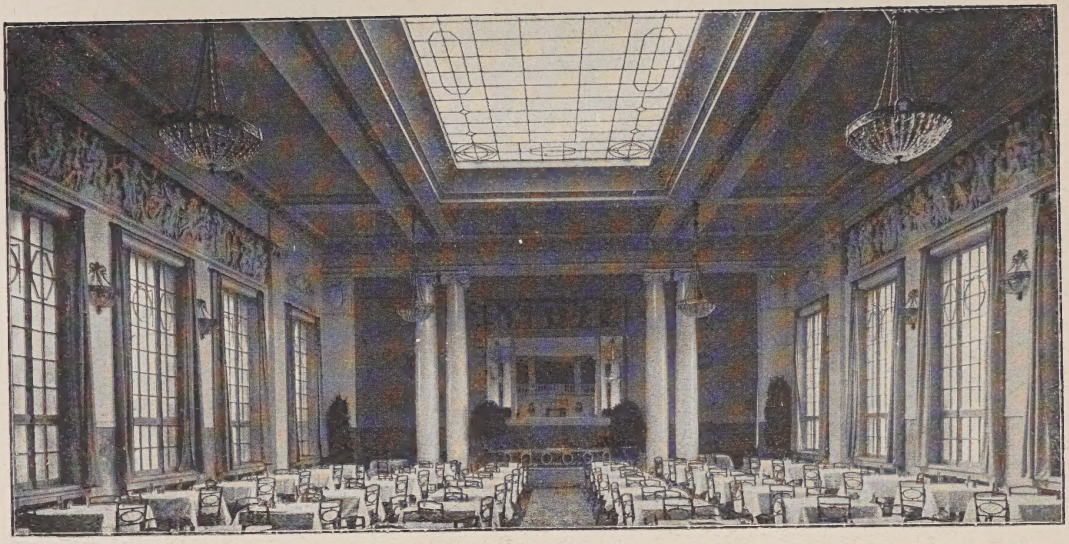
Обработка комнатъ въ д. кн. Абамелекъ-Лазарева. *Мойка.*

Парадная лѣстница. *Д. кн. Шаховской.*

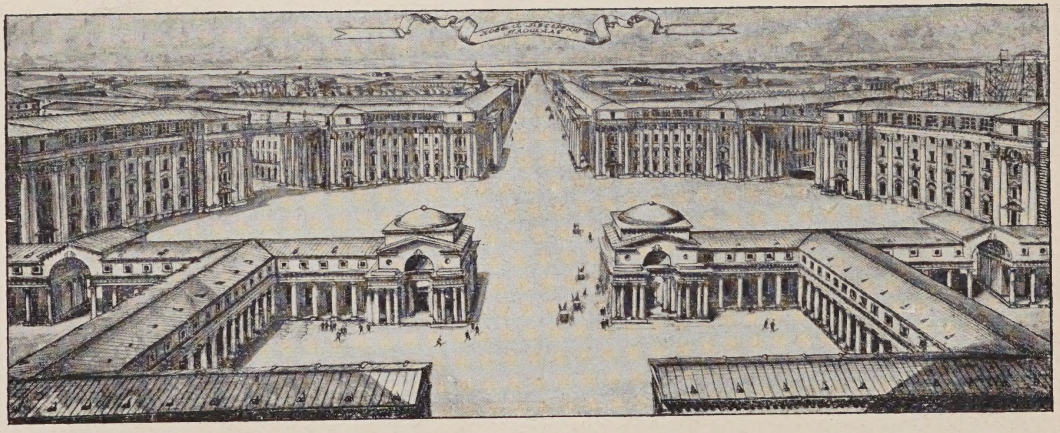
Вестибюль дома кн. Абамелекъ-Лазарева. *Мойка.*

Новый Памятный залъ Е. И. В. Вел. Кн. Владиміра Александровича. *Имп. Акад. Художествъ.*

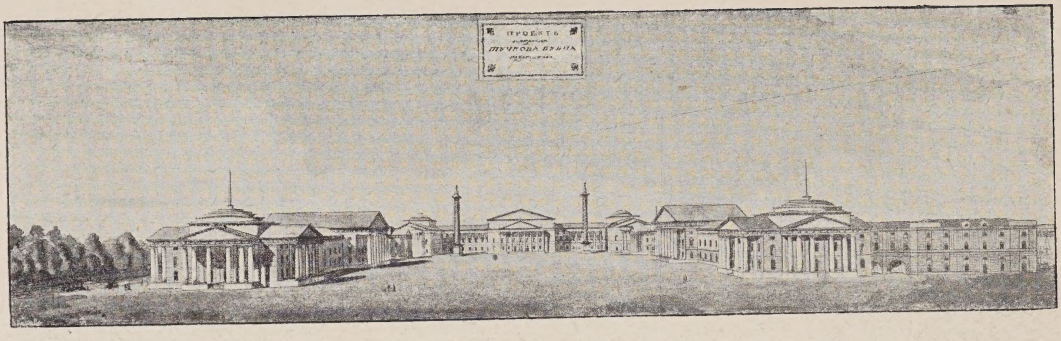
Залъ Главнаго Казначейства. *Фонтанка, д. № 70—72.*



Ресторанъ „Товарищества“. *Садовая ул.*

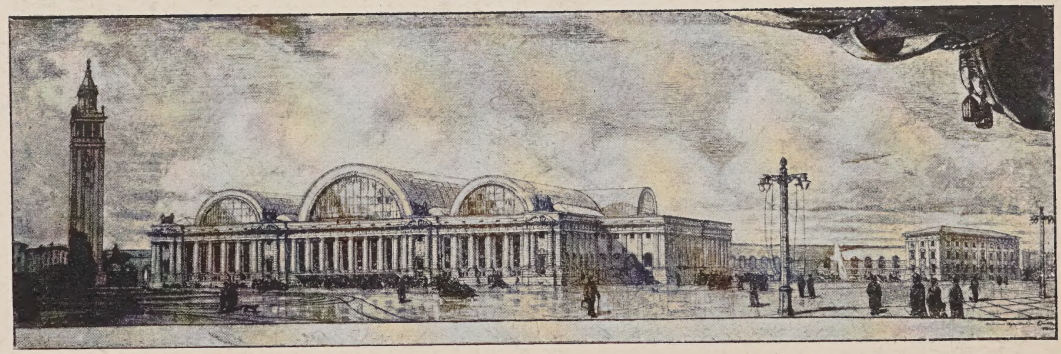


И. А. Фоминъ. *Проектъ „Новаго Петербурга“ на о-вѣ Голодаѣ.*

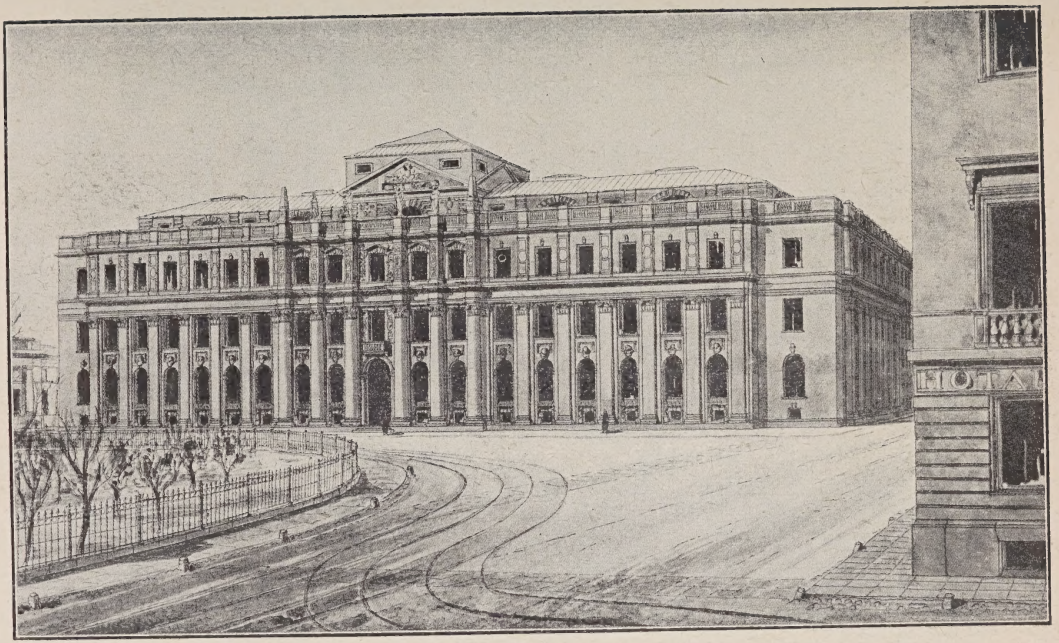


И. А. Фоминъ.

Проектъ зданія Тучкова буяна.



В. А. Щуко. *Проектъ Николаевскаго вокзала.*



М. М. Перетятковичъ. *Проектъ отд. Государств. банка (Михайл. площ.).*

И. А. Фоминъ. *Проектъ зала въ д. кн. Абамелекъ-Лазарева (Мойка).*

95-
957538/887

9071/88

40

Цѣна 4 р. 50 к.